

LIBRARY OF CONGRESS

00000107049

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1923

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

^{1/100}
ГОСТИНЕЦЪ.

Gostinets

"

АЛЬМАНАХЪ

509

3291

ВЪ ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

12
МОСКВИТЯНИНА.

МОСКВА.

Въ Полицейской Типографіи.

1850.

PG 3200
.G67
1850

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное чи-
сло экземпляровъ, Москва, Декабря 31 дня 1849
года.

Ценсоръ В. Лешковъ.

58-11659/
ср 86.03/02/РБ

СОДЕРЖАНІЕ.

— —

	Стр.
<i>И. Д. Бьялева: Святые мужи</i>	3
<i>Ө. Б. Миллера; Больное дитя (преданіе).</i>	61
<i>А. Е. Студитскаго: О горѣніи</i>	67
<i>А. П. Зонтага: Весеннее утро. Лѣтній вечеръ. Зимній вечеръ</i>	97
<i>В. П. Красова: Пораженный орелъ. Сказка.</i>	114
<i>М. П. Котельникова: Молитва (Изъ В. Гюго).</i>	119
<i>Н. В. Сушкова: Будь умна.</i>	121
<i>Ө. Б. Миллера: Ваньчка—скрипачъ. Волшебная сказка, въ стихахъ</i>	123
<i>Саардамскій плотникъ. Историческій разсказъ Ниритца. Пер. Т. В. Пассекъ. .</i>	151
<i>В. П. Т—ва: Раскаянiе половника исправленія. Комедія</i>	221

148a17

1. The first part of the report is devoted to a general description of the project and its objectives.
2. The second part contains a detailed description of the methodology used in the study.
3. The third part presents the results of the study, which are discussed in the context of the existing literature.
4. The fourth part discusses the implications of the findings for future research and practice.
5. The fifth part concludes the report and provides a summary of the main findings.
6. The sixth part contains a list of references and a list of figures and tables.
7. The seventh part contains a list of appendices and a list of footnotes.
8. The eighth part contains a list of acknowledgments and a list of contact information.
9. The ninth part contains a list of abbreviations and a list of symbols.
10. The tenth part contains a list of glossary and a list of definitions.

С В Я Т Ы Е М У Ж И.

Маленькій и едва замѣтный прежде городъ Москва, а теперь огромная и богатая столица могущественнаго Царства Русскаго, начала усиливаться съ первыхъ годовъ XIV столѣтія. Въ это время она вступила въ соперничество съ старыми и богатыми городами тогдашней Руси, и мало по малу принудила ихъ уступить ей первенство. На всѣхъ путяхъ Москвы было видимо особое благоволеніе Божіе. Господь благословилъ ее, пославши руководителями на долгую и славную жизнь многихъ мужей, исполненныхъ благочестія и высокой любви къ отечеству. Въ настоящее время предметомъ разсказа преимущественно будутъ двое изъ представителей этого благословеннаго собора: Митрополитъ

Алексѣй и преподобный Сергій, игумень имъ основаннаго Троицкаго монастыря. Старѣйшіе города Руси: Черниговъ и Ростовъ, прислали сихъ святыхъ мужей какъ бы на новоселье Москвѣ, и нельзя было пріискать старымъ городамъ лучшаго дара для юной столицы Русскаго Царства: они, уступая ей этотъ благословенный даръ, какъ бы предвозвѣстили, что за святыми мужами, хранителями жизни народной, нечувствительнымъ образомъ должно перейти въ Москву и все, чѣмъ только жили старые города, что сѣверъ и югъ и вся Русь должны подчиниться Москвѣ. Что и сбылось на самомъ дѣлѣ.

Святой Митрополитъ Алексѣй былъ по происхожденію своему изъ знаменитаго рода Черниговскихъ бояръ Плещевыхъ. Родители его, Оеодоръ и Марія, пришли въ Москву со всѣмъ своимъ родомъ, еще при Великомъ Князѣ Даніилѣ Александровичѣ. Московскій Князь принялъ ихъ съ большою любовію и честію, и держалъ въ приближеніи къ себѣ. Алексѣй родился еще при жизни Даніила Александровича, именно въ 1297 году, и, какъ

сынъ ближайшаго и любимаго боярина княжескаго, былъ принятъ отъ святой купели сыномъ Великаго Князя Иваномъ Даниловичемъ, въ послѣдствіи бывшимъ знаменитымъ Государемъ Московскимъ; при крещеніи ему дано было имя Елеферій Симеонъ.

Въ маленькомъ Елеферіѣ скоро открылась любовь къ книжному ученію. Онъ еще дитятею выучился читать и любилъ заниматься книгами; впрочемъ до двѣнадцатаго года еще иногда участвовалъ въ дѣтскихъ играхъ своихъ товарищей; но въ этомъ году съ нимъ произошла большая перемѣна. Однажды онъ разставилъ въ лѣсу птицеловныя сѣти, и притаясь въ кустахъ, ждалъ, пока прилетятъ пернатые рѣзвуньи; птички долго не летѣли, и онъ заснулъ, и во снѣ услышалъ голосъ, обращенный къ нему: «Алексѣй! не трудись по пустому: ты съ сего времени будешь ловить людей.» Этотъ голосъ такъ сильно подѣйствовалъ на него, что онъ тотчасъ проснулся, и не видя никого, пришелъ въ большое недоумѣніе и даже въ ужасъ, и началъ размышлять, что значитъ новое имя, обращенное къ нему

во снѣ. Это размышленіе сдѣлало его задумчивымъ, печальнымъ и молчаливымъ; такъ что отецъ, мать и братья стали беспокоиться и спрашивать его: «отъ чего ты сталъ задумчивъ, не говоришь съ нами ничего и занимаешься однѣми только книгами?» Но Елеферій продолжалъ упорствовать въ своемъ молчаніи, и сверхъ того наложилъ на себя строгій постъ. Это новое рвеніе на пути благочестія еще болѣе обезпокоило его родственниковъ; они снова стали приступать къ нему: «скажи, что съ тобою сдѣлалось, зачѣмъ ты изсушаешь себя постомъ, почему живешь не какъ мірской человѣкъ, но какъ инокъ? Мы боимся, что ты захвораешь.» Кроткій и добрый Елеферій долго не отвѣчалъ на такіе разпросы родственниковъ; наконецъ, увлеченный ихъ просьбами, частію открылъ тайну своего сердца, и просилъ не тревожить его болѣе разспросами, обѣщая тихо жить въ домѣ родительскомъ. Послѣ такого объясненія его болѣе не тревожили, и онъ въ продолженіе осьмилѣтъ еще жилъ въ родномъ семействѣ, и по прежнему постоянно занимался молитвою и чтеніемъ книгъ, всячески удаляясь отъ

всѣхъ свѣтскихъ развлеченій. Родители его, видя таковое постоянство въ принятомъ образѣ жизни, наконецъ убѣдились, что ихъ сынъ, изъ одной покорности къ ихъ волѣ остававшійся въ семействѣ столь долгое время, не можетъ уже болѣе принадлежать свѣтской жизни, и что рано или поздно должно будетъ уступить его желанію и отпустить въ монастырь. Жизнеописатель не говоритъ намъ, когда именно и какъ послѣдовало согласіе родителей; онъ только упоминаетъ, что Елеферій удалился въ Богоявленскій монастырь, двадцати лѣтъ или немного болѣе, гдѣ принялъ постриженіе и получилъ имя Алексѣя, предвозвѣщенное ему въ сонномъ видѣніи.

Богоявленскій монастырь, тотъ самый, который теперь находится въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ то время былъ знаменитѣйшею Московскою обителію, куда стекались иноки пзвѣстные своею благочестивою жизнію. Здѣсь молодой Алексѣй скоро пріобрѣлъ любовь и уваженіе всей монастырской братіи и даже тогдашняго Митрополита Θεогноста. Поступя въ монастырь, онъ рѣшительно пре-

дался подвигамъ постника и ученаго, денно и ночно то стоялъ на молитвѣ, то сидѣлъ за книгами, самъ выучился Греческому языку, прочелъ и изучилъ всѣ книги старыя и новыя, какія только могъ получить. Такъ прожилъ онъ въ Богоявленскомъ монастырѣ около двадцати лѣтъ, и мы не знаемъ, кто у него были друзья и спутники въ подвигахъ иночества, въ эти первые годы монастырской жизни.

Между тѣмъ въ предѣлахъ Московскихъ владѣній появилась новая звѣзда святой подвижнической жизни—преподобный Сергій, пришедшій изъ Ростова, чтобы озарить преуспѣвающую Москву новыми лучами благочестія и святости. Пришествіе Сергіева семейства въ предѣлы Московскіе совсѣмъ не походило на пришествіе родственниковъ Алексѣя. Отецъ Сергія, Кириллъ, бывшій прежде знаменитымъ и богатымъ Ростовскимъ бояриномъ, подъ старость, вслѣдствіе разныхъ несчастій, такъ обнищалъ, что принужденъ былъ удалиться изъ Ростовской области и скромно поселиться въ Радонежѣ, гдѣ тогдашій княжескій на-

мѣстникъ Терентій Ртища давалъ большія льготы всѣмъ новымъ пришельцамъ, и куда сошлось множество обѣднявшихъ выходцевъ изъ Ростовскихъ владѣній. Сергій, въ мірскомъ быту Варѣоломей, былъ меньшимъ сыномъ боярина Кирилла; онъ пришелъ въ Радонежъ уже юношею, и трудился вмѣстѣ съ отцомъ и братьями для прокормленія семейства. Но въ немъ уже съ ранняго дѣтства замѣтно было, что Господь избралъ его въ подвижники благочестія; одинъ жизнеописатель, хорошо и близко знавшій подробности жизни Сергія, говоритъ, что онъ еще на первомъ году жизни въ постные дни не принималъ молока у матери. Съ лѣтами въ немъ болѣе и болѣе развивалось стремленіе къ благочестію и подвижничеству; кроткій, тихій и молчаливый, обходительный и ласковый со всѣми, онъ приводилъ въ удивленіе сосѣдей, и всѣ говорили: что будетъ сей юноша? Между тѣмъ старшіе его братья, Стефанъ и Петръ, вступили въ бракъ и стали жить своими семействами. Юный Варѣоломей, отказавшись отъ предлагаемаго брака, началъ просить родителей, чтобы его отпустили въ монастырь; но

престарѣлые отецъ и мать возразили ему на эту просьбу: «ты у насъ остался одинъ; братья живутъ своими семействами: кто жъ будетъ поконть нашу немощную старость, кто будетъ заниматься домашними дѣлами? Подожди до кончины дней нашихъ и не оставь насъ въ скудости и болѣзняхъ.» Добрый Варѣоломей, послушный родительской волѣ, не настаивалъ болѣе въ своей просьбѣ и мирно занялся скромными домашними заботами; стараясь успокоить немногіе дни своихъ родителей, онъ всегда являлся передъ ними послушнымъ и кроткимъ, предупреждалъ всѣ ихъ желанія, и ни въ чемъ не давалъ замѣтить, что его занимаютъ другіе помыслы, что душа его стремится къ инымъ подвигамъ. Наконецъ престарѣлые отецъ и мать Варѣоломеевы, постригшись въ иночество, скончались; и онъ, сдѣлавши имъ приличное погребеніе, по прошествіи сорока дней отъ ихъ кончины, проведенныхъ въ молитвахъ о ихъ упокоеніи и въ раздаваніи милостыни убогимъ, призвалъ къ себѣ средняго брата Петра, и отдалъ ему все имѣніе, оставшееся послѣ родителей; а самъ пошелъ въ Покровскій монастырь, что

въ Хотьковѣ, гдѣ уже поступилъ въ иноки овдовѣвшій старшій братъ его Стефанъ.

Желая бѣльшаго уединенія для подвиговъ иночества, юный Варѣоломей не разсудилъ остаться въ Хотьковскомъ монастырѣ и началъ просить Стефана, чтобы онъ пошелъ съ нимъ искать уединенія дикаго и пустыннаго. Стефанъ не противорѣчилъ ревностному желанію брата, хотя еще не инока, но уже преуспѣващаго въ иноческой жизни. Они оба отравились въ дикій лѣсъ, и отыскиали то мѣсто, гдѣ нынѣ красуется знаменитая по всей Россіи Сергіевская Лавра. Мѣсто сіе въ то время, какъ пришли туда Стефанъ и Варѣоломей, было покрыто дремучимъ лѣсомъ. Оно такъ понравилось юному Варѣоломею, искавшему дикаго уединенія, что онъ упросилъ брата идти въ Москву и просить у Митрополита Феофнота дозволенія построить тамъ церковь. Митрополитъ безъ прекословія изъявилъ согласіе; и братья, пригласивши съ собою одного священника, и заготовивши всю нужную церковную утварь, немедленно отправились въ избранную пустыню, и наскоро сру-

бивъ небольшую и бѣдную церковь, освятили ее во имя Живоначальной Троицы. Это было въ началѣ княженія Симеона Іоанновича, т. е. около 1340 года.

Но добрый Стефанъ не долго жилъ въ сей дикой пустынѣ, и распростившись съ Вареоломеемъ, ушелъ въ Москву, гдѣ и поступилъ въ число братства въ знаменитомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Здѣсь онъ скоро познакомился съ извѣстнымъ уже намъ инокомъ Алексѣемъ. Оба, одинаково ревностные къ благочестію и строгой иноческой жизни, соединенной съ ученіемъ, они не замедлили вступить въ самую тѣсную дружбу между собою, такъ что и въ церковь всегда являлись вмѣстѣ, и становились рядомъ на крилоу; къ нимъ вскорѣ присоединился еще третій инокъ, Геронтій, уже пріобрѣтшій большую извѣстность своею строгою духовною жизнью, и также проживавшій въ Богоявленскомъ монастырѣ. Добродѣтельная и подвижническая жизнь сплхъ трехъ мужей не сокрылась въ стѣнахъ монастыря, Митрополитъ Феогностъ узналъ объ нихъ, началъ часто приглашать

ихъ къ себѣ, и всегда принималъ съ честію и любовію; а спустя немного времени, поставилъ Стефана игуменомъ Бого-явленскаго монастыря. Въ этомъ новомъ санѣ Стефанъ пріобрѣлъ такое уваженіе и такую любовь отъ всѣхъ, что скоро сдѣлался духовнымъ отцемъ Великому Князю Симеону Іоанновичу, Тысячскому Василю, его брату Θεодору и многимъ старѣйшимъ боярамъ.

Почти въ одно время съ поставленіемъ Стефана въ игумены Митрополитъ Θεогностъ взялъ къ себѣ во дворъ инока Алексѣя, и, какъ мужа уже знаменитаго своею благочестивою жизнію, знаніемъ церковныхъ правилъ и вообще книжнымъ ученіемъ, сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ и помощникомъ въ управленіи церковными дѣлами всей Руси; а незадолго до своей кончины, посвятилъ его Епископомъ во Владимірѣ, оставляя однако въ Москвѣ при прежнихъ занятіяхъ по управленію дѣлами всей митрополіи. Здѣсь мудрый и благочестивый Алексѣй, своею дѣятельностію и умѣньемъ вести дѣла по управленію

Церковію, такое снискалъ уваженіе и любовь отъ всѣхъ, что Митрополитъ Оеогностъ передъ смертію своею благословилъ его быть своимъ преемникомъ на митрополичьемъ престолѣ, и посовѣтовавшись съ Великимъ Княземъ Симеономъ Іоанновичемъ, его братьями и боярами, отправилъ общее съ Великимъ Княземъ посольство въ Константинополь просить тамошнихъ Императора и Патріарха, — чтобы они никого не ставили въ Митрополиты въ Россію, кромѣ Алексѣя, намѣстника Оеогноста Епископа Владимирскаго. Посольство Великаго Князя и Митрополита черезъ годъ возвратилось въ Москву съ повелѣніемъ отъ Константинопольскаго Патріарха Филофея, идти Алексѣю на поставленіе въ Константинополь; куда онъ и отправился, похоронивши напередъ Митрополита Оеогноста и В. К. Симеона Іоанновича, скончавшихся черезъ шесть недѣль одинъ послѣ другаго.

Между тѣмъ какъ Стефанъ и Алексѣй, по благословенію Божію, съ честію и ко благу соотечественниковъ, проходили свои поприща въ Москвѣ; юный Варѣоломей, оставленный

одинъ въ дикой пустынѣ, преуспѣвалъ въ
 нныхъ подвигахъ. Онъ пригласилъ въ свою
 пустыню одного священно-инюка, игумена Ми-
 трофана, и упросилъ его совершить надъ нимъ
 постриженіе въ иноческій санъ, при чемъ
 объявилъ, что это самое сильное его желаніе
 съ первыхъ дней юности, и что только бѣд-
 ность и безпомощность родителей удерживали
 его въ міру, и что онъ отъ всего этого те-
 перь свободенъ, и рѣшился исполнить свое
 давнишнее желаніе. Митрофанъ, видя благо-
 честіе юноши и его твердую волю, безъ пре-
 кословіи согласился на его прошеніе, вошелъ
 въ одинокую церковь пустыни и совершилъ
 постриженіе, при чемъ нарекъ Варѳоломея Сер-
 гіемъ, въ честь мученика Сергія, память ко-
 тораго праздновалась въ день постриженія.
 Новопостриженному иноку Сергію было въ
 это время двадцать три года отъ рожденія.
 Вслѣдъ за постриженіемъ Митрофанъ при-
 ступилъ къ совершенію литургіи, и прича-
 стилъ новопостриженника Божественнымъ
 Тайнамъ; потомъ, проживъ съ нимъ нѣсколько
 времени въ пустынѣ, наставляя его въ прави-
 лахъ иноческаго житія, удаллся.

Съ удаленіемъ Митрофана для Сергія оторвалось послѣднее звено цѣпи, связывавшей его съ людьми; онъ остался рѣшительно одинъ въ дикомъ дремучемъ лѣсу.... Жизнеописатель его даже отказывается исчислять всѣ труды и лишенія, какія терпѣлъ юный подвижникъ. Но всѣ препятствія и труды, страшные и неодолимые для человѣка обыкновеннаго, не могли остановить Сергія въ предпріятомъ имъ намѣреніи посвятить себя Богу и уединенію. Онъ не обращалъ вниманія на большую часть заботъ, необходимыхъ для жизни самой бѣдной и исполненной лишеній, и думалъ только о Богѣ и молитвѣ; по цѣлымъ днямъ не принималъ даже скудной пищи, и зиму и лѣто отдыхалъ на голой, часто сырой и мерзлой землѣ; да и къ сему страдальческому отдохновенію прибѣгалъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда послѣ продолжительныхъ стояній на денной и ночной молитвѣ приходилъ въ совершенное изнеможеніе. Такъ прожилъ онъ въ дикомъ лѣсу около трехъ лѣтъ, совершенно одинокій, въ сосѣдствѣ съ медвѣдями и волками, которые нерѣдко

приходили къ нему, чтобы воспользоваться его послѣднею скудною пищею. Эта чудная жизнь стала уже обращаться въ привычку для Сергія; онъ не только не боялся посѣщенія звѣрей, но даже такъ привыкъ къ одному медвѣдю, приходившему къ нему чаще другихъ, что всегда выносилъ ему хлѣбъ, часто даже послѣдній изъ своего скуднаго запаса.

Но подвиги святаго уединенія, поднятые собственно изъ одной пламенной и неодолимой любви къ Богу, не могли остаться беззвѣстными. Мало по малу слухи о святомъ отшельникѣ, одиноко живущемъ въ дикомъ лѣсу, начали распространяться по сосѣднимъ селамъ и деревнямъ; заблудившіеся странники, звѣроловы и другіе промышленники, бродящіе по лѣсамъ, нечаянно заходившіе къ жилищу Сергія, начали рассказывать о благочестивомъ пустынникѣ и его маленькой церкви, построенной въ лѣсной глуши; рассказы сіи не замедлили проникнуть въ монастыри и разныя пустыни; и вотъ ревнующіе о благочестіи иноки пустились отыскивать святаго подвижника, а

отыскавъ, начали посѣщать его и бесѣдовать съ нимъ о спасеніи. Святая бесѣда Сергія, долговременнымъ уединеніемъ очищенная отъ всѣхъ земныхъ помысловъ, не могла не увлечь людей, искавшихъ наставника въ подвигахъ иночества, и нѣкоторые изъ нихъ, болѣе ревностные, стали просить Сергія, чтобы онъ дозволилъ имъ жить въ его пустынѣ. Привыкшій и полюбившій совершенное уединеніе, Сергій долго не соглашался на ихъ просьбы, и представляя всѣ трудности пустынной жизни, говорилъ имъ, что пришедши къ нему съ радостію, они не замедлятъ уйдти отъ него съ ропотомъ; но просившіе продолжали настаивать и молить его со слезами, чтобы онъ исполнилъ ихъ желаніе. Удивляясь ихъ вѣрѣ и смиренію, Сергій наконецъ уступилъ просьбамъ, и сказалъ: «если уже угодно Господу, чтобы на семъ мѣстѣ многіе трудились во славу Божию и для своего спасенія, то я не смѣю противиться и съ радостію приѣмлю васъ; только каждый изъ васъ самъ долженъ выстроить себѣ келью и все приготовить для своего пропитанія, чтобы при самомъ же началѣ видѣть, съ какимъ трудомъ и съ какимъ

лишеніями соединена жизнь въ сей пустынѣ.» Иноки радостно приняли условіе, высказанное Сергіемъ, и обѣщаясь жить согласно съ его повелѣніями, принялись строить кельи; и выстроивши ихъ по благословенію святаго, приняли на себя обѣтъ безмолвія, стараясь по возможности подражать его подвигамъ.

Такимъ образомъ около Сергія собралось братство изъ двѣнадцати человѣкъ; они каждодневно по семи разъ собиравшись въ церковь для отправленія разныхъ священныхъ службъ; кромѣ того каждый въ своей кельѣ постоянно былъ занятъ молитвеннымъ чтеніемъ и пѣніемъ; такъ что почти всѣ часы дня были посвящены молитвословію и прославленію Бога. Но между ними еще не было священника, а посему божественная литургія у нихъ совершалась не каждый день, а только тогда, когда имъ удавалось пригласить какого-либо священника или игумена изъ окрестныхъ селъ и монастырей. Самъ Сергій, по крайнему своему смиренію, еще не рѣшился принять санъ священника или игумена, опасаясь, чтобы не принять видъ начальника между братьями, пе-

редъ которыми только хотѣлъ быть образцомъ служенія и высшей братской любви. Такъ прошелъ первый годъ жизни Сергія въ кругу собравшихся около него иноковъ. Желая по возможности привести свой монастырь въ лучшее устройство, Сергіи все время, свободное отъ церковныхъ службъ, былъ постоянно занятъ разными работами: то помогалъ строить кельи, то носилъ изъ лѣсу и кололъ дрова, то носилъ или толокъ хлѣбныя зерна, то пекъ хлѣбы, или варилъ какую-либо пищу, то шилъ обувь или одежду, то ходилъ за водою, и разносилъ водоносы по кельямъ; ночи же проводилъ почти безъ сна, занимаясь молитвою и чтеніемъ.

На другой годъ пришелъ въ Сергіеву пустыню уже извѣстный намъ игуменъ Митрофанъ, тотъ самый, который постригъ Сергія въ иноки. Съ радостію принялъ Сергіи своего прежняго наставника, и радость сія еще болѣе увеличилась, когда Митрофанъ изъявилъ желаніе остаться въ пустынь. Такимъ образомъ братство пріобрѣло своего священника, и не имѣло уже нужды при-

глашать постороннихъ. Но непродолжительна была эта радость. Митрофанъ, уже престарѣлый и больной, по`прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ скончался. Послѣ сего братія начали просить Сергія, чтобы онъ принялъ санъ священника и игумена. Просьбы сіи повторялись нѣсколько разъ, но Сергій постоянно отказывался, и въ смиреніи своемъ говорилъ: «Я не достоинъ сего, я человѣкъ грѣшный, мнѣ еще самому нужно учиться и быть подъ начальствомъ; какъ же я стану начальствовать и учить?» Наконецъ братія рѣшились на послѣднее средство: они объявили Сергію, что оставятъ монастырь и разойдутся, ежели онъ не исполнитъ ихъ просьбы. Эта послѣдняя мѣра имѣла совершенный успѣхъ. Сергій уступилъ и отправился съ двумя старцами въ Переяславль къ Аѳонасію, Епископу Волынскому, управлявшему тогда Переяславскою епархією, по случаю путешествія Святителя Алексѣя въ Константинополь. Аѳонасій, слышавшій уже о Сергіѣ и его монастырѣ, принялъ его радостно, и послѣ духовной бесѣды, узнавъ о причинѣ пришествія, посвятилъ его во священника. Такимъ образомъ Сергій сдѣлался

игуменомъ построеннаго имъ монастыря, въ тотъ самый годъ, когда святитель Алексѣй въ Константинополѣ принялъ санъ Митрополита Всероссійскаго.

Когда Сергій возвратился въ свой монастырь изъ Переяславля въ санѣ игумена, то братія его вышла къ нему на встрѣчу и поклонилась, падши до земли. Онъ же, немедленно вошедши въ церковь, палъ на землю передъ престоломъ, и на колѣняхъ, со слезами началъ молить Господа, Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ, чтобъ Богъ послалъ ему дерзновеніе несомнѣнно предстоять у престола Славы, и приносить безкровную жертву о своихъ грѣхахъ и о чужихъ. Потомъ, послѣ горячей, слезной молитвы, обратился къ монастырской братіи съ словами Спасителя: «Братіе! узкими враты подобаетъ внити; нужно есть царствіе небесное и нужницы возхищаютъ е;» и далѣе продолжалъ словами Апостола: «Плодъ духовный есть любви и радость, смиреніе, долготерпѣніе, благодать, благостыня, вѣра, кротость, воздержаніе.» Окончивъ это краткое и сильное наставленіе, любитель молчанія

Сергій принялся за обычные труды своей святой, благочестивой жизни, стараясь учить братію болѣе дѣлами и примѣромъ, нежели словами и наставленіями.

Пока всѣ показанныя перемѣны происходили въ пустынномъ монастырѣ Сергія, святитель Алексѣй возвратился изъ Константинополя въ санъ Митрополита. Москва съ радостію приняла его; но Алексѣю много было заботъ, совершенно необычныхъ на Руси. Задержанный въ Москвѣ кончиною Митрополита Феогноста и Великаго Князя Симеона Иоанновича, онъ долго не пріѣзжалъ въ Константинополь, и тамошній Патріархъ Филоодей, не зная, чему приписать таковую медленность, и слыша, что въ Москвѣ въ это время свирѣпствовала сильная зараза, поспѣшилъ поставить въ Русскіе Митрополиты какого-то Романа. Такимъ образомъ Алексѣй, прибывъ въ Константинополь, нечаянно встрѣтилъ тамъ совмѣстника; впрочемъ, опираясь на желаніе всей Россіи и на свои заслуги, онъ успѣлъ получить посвященіе въ санъ Митрополита; но Романъ также не отказывался отъ

своихъ правъ и отправилъ посольство въ Россію съ требованіемъ, чтобы Церковь Русская признала его начальство, а потомъ и самъ пріѣхалъ въ предѣлы южной Россіи. Таковое столкновеніе двухъ властей произвело много безпокойствъ и недоумѣній между Русскими Епископами и духовенствомъ, которыя продолжались около двухъ лѣтъ; такъ что Митрополитъ Алексѣй нашелся въ необходимости снова ѣхать въ Константинополь, гдѣ дѣло было разрѣшено тѣмъ, что Алексѣй получилъ въ управленіе всю Россію, Роману же были отданы земли Литовская и Волынская.

Вскорѣ по пріѣздѣ Митрополита Алексѣя въ Москву, послѣ вторичнаго путешествія въ Константинополь, онъ долженъ былъ, кромѣ попеченій о благоустройствѣ Церкви, принять на себя новыя заботы о водвореніи тишины и спокойствія между Русскими Князьями. Во время его путешествія во Владимиръ пріѣхалъ къ нему Холмскій Князь Всеволодъ Александровичъ, съ жалобою на дядю своего, Великаго Князя Тверскаго Василія Михайловича. Митрополитъ хотѣлъ было отклонить себя отъ вмѣ-

шательства въ это дѣло, и посовѣтовалъ Тверскому Князю отправить посольство въ Москву, къ тамошнему Великому Князю Ивану Ивановичу; но Тверскіе послы только успѣли заключить миръ и союзъ съ Московскимъ Княземъ; распря же съ Княземъ Холмскимъ осталась неконченною, и Тверскій Князь съ своимъ Епископомъ самъ пришелъ во Владимиръ. Митрополитъ Алексѣй долго велъ переговоры съ обоими спорящими Князьями, долго убѣждалъ ихъ къ миру и любви, и можетъ быть, успѣлъ бы достигнуть своей цѣли; но обстоятельство совершенно неожиданное вдругъ остановило это дѣло. Изъ Орды пришелъ посолъ съ повелѣніемъ, чтобы Алексѣй Митрополитъ немедленно шелъ въ Орду для посѣщенія больной Царицы Тайдулы.

Слава благочестивой и святой жизни Алексѣя такъ была велика, что объ немъ знали не только въ Россіи и Греціи, но даже далеко въ предѣлахъ Персіи, между Татарскими ордами. Ханъ Чанибекъ писалъ къ Князю Московскому: «Мы слышали, что Богъ ни въ чемъ не отказываетъ молитвамъ вашего Ми-

трополита; а потому пусть онъ прїѣдетъ къ намъ и помолится о нашей супругѣ.» Алексѣй, напутствовавъ себя многими моленіями въ Успенскомъ соборѣ у гроба Чудотворца Петра, отправился въ Орду; и точно, молитвою своею исцѣлилъ Тайдулу отъ сильной глазной болѣзни. Ханъ, довольный успѣхомъ молитвы Алексѣевой, принялъ его съ большою ласкою, и объявилъ много льготъ христіанамъ, живущимъ въ Ордѣ. Конечно святыи Алексѣй, привлечшій расположеніе Хана и его супруги, при своемъ умѣ и пламенной любви къ отечеству, много бы могъ сдѣлать въ пользу Россіи; но нечаянная смерть Чанибека и безпорядки, начавшіеся въ Ордѣ, разрушили всѣ благія надежды, и Алексѣй долженъ былъ спѣшить въ Россію.

Черезъ годъ послѣ поѣздки въ Орду святыи Алексѣй отправился въ Кіевъ, дабы привести въ устройство тамошнія церковныя дѣла, запутанныя по отдаленности края и по частымъ опустошеніямъ, производимымъ Татарами въ тамошнихъ предѣлахъ. Алексѣя провожали до Коломны всѣ Епископы сосѣд-

нихъ съ Москвою княженіи. Въ Кіевѣ онъ прожилъ около двухъ лѣтъ. Между тѣмъ въ Москвѣ скончался Великій Князь Иванъ Ивановичъ, и святой Алексѣй долженъ былъ спѣшить въ Москву, дабы принять участіе въ дѣлахъ правленія государствомъ; ибо на Московскомъ престолѣ остался Государемъ девяти-лѣтній отрокъ Димитрій, сынъ Іоанновъ; бояре же, пѣстуны малолѣтнаго Князя, нуждались въ руководствѣ опытнаго и мудраго Архипастыря, хорошо знакомаго съ государственными дѣлами и пользовавшагося вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ и довѣреніемъ остію не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ Русскихъ княжествахъ.

Но прежде разсказа о государственныхъ трудахъ Алексѣя, намъ слѣдуетъ обратиться нѣсколько назадъ и упомянуть объ одномъ частномъ случаѣ его жизни. Случай этотъ, съ одной стороны, указываетъ на то значеніе, которое тогда уже получилъ пустынникъ Сергій, а съ другой, на высокій, христіанскій характеръ Алексѣя, который умѣлъ цѣнить и уважать истинное благочестіе, какъ бы оно

ни старалось укрыться отъ взора людей. Алексѣй, во время одного изъ своихъ путешествій въ Константинополь, на возвратномъ пути, былъ застигнутъ жестокою бурей на Черномъ морѣ, неподалеку отъ его сѣверныхъ береговъ, гдѣ въ извѣстное время года бури сіи особенно бываютъ опасны. Всѣ спутники Алексѣя отчаялись въ своемъ спасеніи, корабль уже тянуло ко дну, каждый каялся въ грѣхахъ и молился Богу; но Алексѣй, полный упованія, не отчаявался еще въ помощи Божіей, и далъ обѣтъ выстроить церковь во имя того святаго, въ день памяти котораго корабль достигнетъ пристанища. Упованіе Алексѣево оправдалось, буря послѣ трехъ-часовой ярости умолкла, и корабль благополучно вступилъ въ пристань, 16 Августа, когда Церковь празднуетъ нерукотворенному образу Господа нашего Іисуса Христа. Пріѣхавши въ Москву, Алексѣй объявилъ о своемъ обѣтѣ приближеннымъ, и желая при обѣтной церкви устроить монастырь, совѣтовался, кого бы избрать въ наставники для новой монастырской братіи. Приближенные, много уже слышавшіеся о пустынночeskихъ подвигахъ

Сергія, напомнили Митрополиту, что младшій братъ Божоявленскаго игумена Стефана, въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, въ дикомъ лѣсу, устроилъ монастырь и собралъ братство истинныхъ подвижниковъ иночества, изъ которыхъ многіе такъ уже навъкли въ иноческой жизни, что могутъ служить руководителями и хорошими наставниками для другихъ. Святій Алексѣй, вѣроятно и самъ много знавшій о Сергіѣ и его сподвижникахъ, избралъ одного изъ учениковъ Сергіевыхъ Андроника. По порядку, введенному между обыкновенными людьми, Алексѣю, какъ Митрополиту всей Русской Церкви, достаточно было послать за Андроникомъ или вызвать въ Москву Сергія; но Алексѣй, какъ истинный пастырь Церкви Христовой, желая учить не одними словами, но и дѣлами, и въ этомъ простомъ случаѣ успѣлъ представить высокій образецъ христіанскаго смиренія, истинной братской любви и уваженія къ доблестямъ. Онъ, не считая униженіемъ для своего высокаго сана, самъ смиренно отправился въ пустынный монастырь Сергія, и братски просилъ скромнаго игумена отпустить Андроника

на новое служеніе Церкви; на что Сергіи́и отвѣчалъ полнымъ согласіемъ.

Надѣливши Сергіевъ монастырь богатою милостынею, святыи́ Алексѣ́й вмѣстѣ съ Андроникомъ отправился въ Москву, и невдалекѣ отъ города, на высокомъ берегу Яузы, избралъ мѣсто для построенія новаго монастыря, который вскорѣ и построилъ. Монастырь сей существуетъ еще и теперь подъ именемъ Андроникова или Андроньева. Конечно, нынѣшнія строенія его, красивыя и изящныя, большею частію возведены въ новѣйшее время благочестивою ревностію жителей Москвы; но тѣмъ не менѣе имя этого монастыря связано съ воспоминаніемъ о минувшихъ вѣкахъ.

Въ малолѣтство Димитрі́я Донскаго святыи́ Алексѣ́й сдѣлался главнымъ правителемъ Государства Московскаго, и всѣ успѣхи Москвы за это время должно приписать преимущественно ему; ибо хотя въ духовномъ завѣщаніи Димитріева отца Алексѣ́й не былъ назначенъ ни опекуномъ, ни правителемъ, но въ этомъ

завѣщаніи объ опекунахъ малолѣтняго Государя нѣтъ и помину; а между тѣмъ одна грамота Патріарха Константинопольскаго Антонія называетъ его прямо опекуномъ Государевымъ и главнымъ правителемъ государства; эта грамота тѣмъ болѣе заслуживаетъ довѣріе, что по самымъ дѣламъ того времени замѣтны какое-то единство воли и опредѣленность глубоко постигнутой цѣли, ясно отличающія одного главнаго дѣйствителя, а не многихъ; да и самъ Димитрій, пришедши въ возрастъ, всегда отличалъ Алексѣя, какъ благодѣтеля государства. Вступивши въ управленіе государствомъ, святой Алексѣй встрѣтилъ столько затрудненій и столько препятствій для поддержанія того вліянія, какимъ пользовалась Москва со временъ Іоанна Калиты, что только его высокій умъ, твердая воля и глубокое знаніе отношеній между Москвою и сосѣдними владѣніями, могли удержать прежнее значеніе Московскаго Государя. Князья Суздальскіе, Нижегородскіе, Ростовскіе, и прежде неохотно уступавшіе первенство Московскому Государю, пользуясь малолѣтствомъ Димитрія, объявили свои притязанія на Великое Кня-

жество Владимірское, предоставляя его одному изъ среды своей, Димитрію Константиновичу Суздальскому. Святитель Алексѣй вѣроятно въ это время еще не пріѣхалъ изъ Кіева; и посему Москва ничего не успѣла сдѣлать въ пользу своего Князя. Ханъ Татарскій Наврусь утвердилъ искательство противниковъ Москвы и далъ ярлыкъ Князю Суздальскому. Такимъ образомъ на первомъ же шагу государственной дѣятельности Алексѣй сталъ въ такое положеніе, что другой на его мѣстѣ отказался бы отъ всякихъ попытокъ поднять притязанія Москвы на первенство, и тѣмъ болѣе, что отъ Орды, раздражаемой въ это время междоусобіями, нельзя было ждать дѣятельной помощи и покровительства; но успѣхъ противниковъ не остановилъ его и не охладилъ любви къ родной Москвѣ. По званію Митрополита онъ отправился во Владимиръ къ новому Великому Князю; а между тѣмъ во глубинѣ души соображалъ средства, какъ выгодыѣ поставить своего Князя-малютку. Для первой попытки онъ на другой же годъ отправилъ десятилѣтняго Димитрія въ Орду къ новому Хану Авдулу, думая расположить

къ нему Хапа и его вельможъ; но эта попытка не удалась; Суздальскіе и Ростовскіе Князья также явились къ Хану, и Димитрій едва успѣлъ обратиться въ Москву. Потерпѣвъ неудачу въ Ордѣ, Алексѣй рѣшился искать помощниковъ между Русскими Князьями, небывшими въ союзѣ съ Димитріемъ Константиновичемъ, и для этого, кажется, ѣздилъ въ Тверь, но и тамъ, должно быть, не имѣлъ полного успѣха, хотя, по всему вѣроятію, тамошніе Князья хорошо приняли доблестнаго старца. Наконецъ Алексѣй рѣшился дѣйствовать собственно Московскими силами и объявилъ притязанія своего Князя на Владимирскій престолъ. Князь Суздальскій, какъ и должно было ожидать, началъ отстаивать свое право; и обѣ стороны отправили своихъ пословъ въ Орду, чтобы разрѣшить споръ ханскимъ судомъ. Въ Ордѣ въ то время были два хана Авдулъ и Амурать, враждовавшіе другъ противъ друга, и неимѣвшіе времени и средствъ заняться Русскими дѣлами. Послы обонхъ Князей сошлись у Амурата, только что одержавшаго значительную побѣду надъ Авдуломъ. Амурать, увлеченный убѣжденіями и доводами Москов-

скаго посольства, рѣшилъ споръ въ пользу Московскаго Князя и отдалъ ему Владимиръ, на томъ основаніи, что тамъ княжили его отецъ и дѣдъ. Димитрій Константиновичъ, не смѣя явно послушаться ханскаго повелѣнія, вышелъ изъ Владимира, но засѣлъ въ Переяславль, думая такимъ образомъ удержать за собою первенство, ежели не по наименованію, то по силѣ и числу владѣній. Но Алексѣй былъ не изъ такихъ людей, которые останавливаются на полдорогѣ; получивши право, онъ не задумался показать и силу для поддержанія права. Войска Московскія быстро двинулись къ Переяславлю. Митрополитъ отправилъ съ ними и малолѣтнихъ Князей братьевъ: Димитрія, Іоанна и Владимира, рассчитывая, что войны Московскіе усерднѣе будутъ биться въ глазахъ своихъ Государей, еще малютокъ. Этотъ расчетъ такъ былъ вѣренъ, что Димитрій Константиновичъ дѣйствительно не удержался въ Переяславлѣ и бѣжалъ въ свою отчину Суздаль.

Ханъ Мамаевой Орды Авдулъ, услышавши объ успѣхахъ Московскаго Князя, на другой

годъ отправилъ къ нему свое посольство съ ярлыкомъ, утверждающимъ его на Владимирскомъ княженіи. Ханъ Амурать, узнавши объ этомъ, послалъ ярлыкъ Князю Суздальскому, и Димитрій Константиновичъ съ ханскимъ посломъ вступилъ во Владимиръ. Но рѣшительной помощи не было отъ Амурата, и Алексѣй, хорошо уже знавшій слабость однихъ Суздальцевъ противъ Москвитянъ, немедленно выслалъ Московское войско опять вмѣстѣ съ малолѣтними Князьями. Димитрій Константиновичъ снова бѣжалъ въ свой родной Суздаль; но на этотъ разъ Алексѣй призналъ за лучшее навсегда разсчитаться съ беспокойнымъ соперникомъ своего Государя; и посему войска Московскія двинулись въ Суздальскія владѣнія, и опустошивъ ихъ, принудили Димитрія Константиновича заключить миръ, по которому онъ призналъ надъ собою власть Московскаго Князя, и навсегда отказался отъ своихъ притязаній на Владимиръ. Вслѣдъ за симъ, по распоряженію Алексѣеву, принужденъ былъ признать власть Москвы и союзникъ Суздальскаго Князя, Ростовскій Князь Константинъ; потомъ выпавъ изъ своихъ вла-

дѣній Князя Галичскій и Стародубскій, недоброжелатели Московскаго могущества и власти. Такимъ образомъ святитель Алексѣй, принявшій на себя обязанность поддержать значеніе Москвы, и отстаивать права своего малолѣтняго Князя, въ продолженіе трехъ лѣтъ съ небольшимъ успѣлъ сдѣлать то, что Москва, потерявшая было значеніе первенствующаго княженія, не только возвратила свои права, но и присоединила къ себѣ нѣсколько новыхъ владѣній. И тѣмъ болѣе великъ былъ подвигъ Алексѣя въ этомъ дѣлѣ, что онъ здѣсь дѣйствовалъ единственно изъ любви къ отечеству и для блага всей Россіи, которая нуждалась въ соединеніи; для него собственно здѣсь не было никакого пріобрѣтенія: какъ Митрополитъ Всероссійскій, онъ одинаково могъ пользоваться уваженіемъ и всѣми правами своего сана при любомъ Князѣ. Стараясь поддержать Москву, онъ только дѣлалъ себѣ безпокойства и заботы, недоставлявшія лично ему никакихъ выгодъ.

Управившись съ явными соперниками Москвы, Алексѣй началъ изыскивать средства

преклонить на сторону Московскаго Князя Князей Тверскихъ, давнишнихъ недоброжелателей Москвы, и, кажется съ этою цѣлю, въ слѣдующемъ же году ѣздивъ въ Тверь, и крестилъ тамъ пріѣхавшую изъ Литвы дочь Олгерда, внуку Тверской Княгини Анастасіи. Успѣхъ этой поѣздки намъ неизвѣстенъ, но она важна уже сама по себѣ, какъ памятникъ той неусыпной заботливости, съ какою святитель Алексѣй служилъ отечеству, ибо таковыя поѣздки должны были составлять большое безпокойство для шестидесяти-семилѣтняго старца, истощеннаго трудами и заботами. Возвратившись изъ Твери, Алексѣй приступилъ къ построенію каменной церкви, въ память чуда Архистратига Михаила, бывшаго въ Хонѣхъ: церковь сія существуетъ еще и теперь и извѣстна подъ именемъ Чудовскаго монастыря. Потомъ судьба вскорѣ представила Алексѣю случай оказать справедливость и пособіе Князю Димитрію Константиновичу Суздальскому, съ которымъ онъ боролся три года тому назадъ. Старшій Димитріевъ братъ Андрей Константиновичъ, Князь Нижегородскій, скончался въ 1365 году, и

по праву, Нижній Новгородъ долженъ былъ достаться Димитрію Суздальскому; но его младшій братъ Борисъ предвосхитилъ сіе право и занялъ Нижній: Димитрій обратился съ просьбою къ Московскому Князю. Алексѣй усердно принялся за это дѣло, и какъ врагъ кровопролитія, онъ сперва хотѣлъ устроить это дѣло мирно; и съ сею цѣлію отправилъ посланникомъ въ Нижній Радонежскаго игумена Сергія; а когда это посольство не имѣло успѣха, то выслалъ Московскія войска, которыя и принудили Бориса смириться передъ своимъ старшимъ братомъ, и уступить ему Нижній Новгородъ.

Устроивши дѣла Князей Суздальскихъ, святитель принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Князей Тверскихъ, ссорившихся другъ съ другомъ, и для сего сперва поручилъ разсудить соперниковъ Тверскому Епископу Василю; а когда сей разсудилъ несправедливо, то Алексѣй неправаго судью вызвалъ въ Москву, а обиженному Кашинскому Князю Василю Михайловичу послалъ въ помощь Московское войско. Это вмѣшательство Алексѣя имѣло тотъ

успѣхъ , что Тверскіе Князья примирялись между собою и взяли миръ съ Княземъ Московскимъ. Вслѣдъ за миромъ съ Тверскими Князьями и Новгородцы поспѣшили съ просьбою о мирѣ и покорности Московскому Государю. Такимъ образомъ святителю Алексѣю, послѣ многихъ безпокойствъ и заботъ, удалось примирить и частію подчинить Москвѣ всѣхъ Князей сѣверовосточной Руси.

Но этотъ желанный миръ не былъ продолжителенъ. Святитель Алексѣй, постоянно преслѣдуя одну мысль сблизиться съ сильнымъ Тверскимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, вызвалъ его въ Москву, чтобы лично переговорить о нѣкоторыхъ дѣлахъ, несовсѣмъ устроенныхъ. Въ Москвѣ приняли Михаила съ честію и любовію , и Алексѣй уже думалъ достигнуть желанной цѣли сближенія; но одно печальное обстоятельство испортило все дѣло. Въ переговорахъ Михаилъ не могъ сойтися съ Московскими боярами, въ слѣдствіе чего былъ наряженъ третейскій судъ, и Тверскаго Князя посадили подъ стражу. Это нарушеніе справедливости такъ

оскорбило Михаила, что онъ, вскорѣ отпущенный въ Тверь, далъ себѣ обѣщаніе мстить за обиду. Въ слѣдствіе чего начались продолжительныя войны, въ которыхъ принялъ сильное участіе зять Михайловъ, Литовскій Князь Олгердъ. Между тѣмъ Великій Князь Московскій Дмитрій Ивановичъ, пришедши въ возрастъ, началъ самъ управлять государствомъ и пошелъ по слѣдамъ, проложеннымъ Митрополитомъ Алексѣемъ, постоянно преслѣдуя одну цѣль: защищать значеніе Московскаго княженія, не оставлять врага опаснаго и строптиваго, и великодушно принимать покорнаго и требующаго мира.

Престарѣлый же Алексѣй, отслуживши свою службу отечеству, по прежнему остался при постоянныхъ своихъ занятіяхъ святителя и благочестиваго подвижника; впрочемъ, по любви къ Князю и по желанію счастія Россіи, онъ еще по временамъ обращался къ дѣламъ государственнымъ. Такъ въ 1371 году онъ проводилъ Великаго Князя до Оки, во время отпращиванія въ Орду, и въ отсутствіе его велъ мирныя переговоры съ послами Литовскаго Князя,

слѣдствіемъ которыхъ былъ бракъ Князя Владимира Андреевича съ Литовскою Княжною Еленою Олгердовною. А въ слѣдующемъ году принялъ, отъ Великаго Князя, Тверскаго Князя Ивана Михайловича, задолжавшаго Татарамъ, и держалъ его у себя на дворѣ до выкупа. Въ 1374 году ѣздилъ сперва въ Суздаль, гдѣ поставилъ въ Епископы Печерскаго Архимандрита Діонисія, потомъ былъ въ Твери у примирившагося съ Москвою Князя Михаила Александровича, и поставилъ въ Тверскіе Епископы Ефимія. Въ 1379 году принималъ посольство Новгородское, приходившее съ своимъ Архіепископомъ благодарить его за примиреніе народа съ владыкою.

За два года до своей кончины святитель Алексѣй имѣлъ случай видѣть на дѣлѣ любовь и привязанность, питаемую къ нему Великимъ Княземъ и народомъ. Патріархъ Цареградскій, вообще недовольный Алексѣемъ, какъ избраннымъ не по его волѣ, посвятилъ на Россійскую митрополию Кипріяна, одного ученаго Сербана, и въ 1376 году прислалъ его въ Москву; но Великій Князь Димитрій Ивановичъ не принялъ

сего Митрополита, и сказалъ: «у насъ Митрополитъ Алексѣй, а ты что ставишь на живаго Митрополита?»

Когда святитель Алексѣй, возбуждаемый любовью къ отечеству, достославно подвизался на поприщѣ государственнаго управленія, и занимался свѣтскими дѣлами не по желанію и не по влеченію къ мірской славѣ, но собственною по святому чувству долга, которое каждаго истиннаго сына отечества, въ какомъ бы состояніи онъ ни былъ и какія бы ни имѣлъ душевныя влеченія, обязываетъ служить своей родинѣ, и всѣми возможными средствами споспѣшествовать ея благополучію: въ это самое время святой пустынникъ Сергій продолжалъ устроить свой монастырь, хотя еще очень бѣдный и недостаточный (такъ что иноки даже для совершенія церковныхъ службъ не имѣли свѣчей, и часто служили въ своей маленькой церкви съ зажженою лучиною), но тѣмъ не менѣе уже процвѣтавшій благочестивыми подвигами своего игумена и его доброй братіи, старавшейся идти по слѣдамъ своего паставника.

Въ числѣ двѣнадцати иноковъ, поселившихся съ святымъ Сергіемъ въ лѣсной глуши Радонежской, были уже мужи извѣстные своимъ благочестіемъ: Василій, по прозванію Сухій, пришедшій съ верховьевъ Дубны; Яковъ, по прозванію Якута, котораго св. Сергій посылалъ въ окрестныя села и деревни для монастырскихъ потребъ; Онисимъ и сынъ его Елисей, котораго Сергій сдѣлалъ привратникомъ своего маленькаго монастыря; и далѣе, ученики Сергія: Андроникъ, въ послѣдствіи основатель Андроньева монастыря; Сергіевъ племянникъ Феодоръ, основатель Симонова монастыря; Романъ, первый игуменъ основаннаго Сергіемъ монастыря на Киржачѣ, и другіе, о которыхъ будетъ сказано въ послѣдствіи.

Слава объ иноческихъ подвигахъ Сергія и его братіи скоро распространилась далеко за предѣлы Московскихъ владѣній, и люди благочестивые спѣшили въ Сергіеву пустыню изъ далекихъ странъ, оставляя свои занятія и должности, часто довольно значительныя и почетныя; такъ къ Сергію пришелъ благоче-

стивый Симонъ, старѣйшій Архимандритъ Смоленскихъ монастырей, и, оставивъ свое отечество, ближнихъ, богатяя имѣнія и санъ Архимандрита, скромно поступилъ въ число братій Сергіева монастыря, гдѣ и скончался послѣ долгой и истинно подвижнической и строгой жизни. Потомъ поселился у Сергія и старшій братъ его Стефанъ, оставя игуменство въ знаменитомъ Богоявленскомъ монастырѣ; онъ привелъ съ собою и меньшаго своего сына, двѣнадцатилѣтняго отрока Ивана, который въ послѣдствіи былъ постриженъ въ иноки и нареченъ Теодоромъ. Кромѣ того многіе приходили къ Сергію изъ другихъ городовъ, и онъ всѣхъ принималъ съ радостію, но всегда прежде постриженія долго испытывалъ ихъ въ способностяхъ къ монастырской жизни. Самъ же по прежнему постоянно показывалъ свое первенство только подвигами благочестія; но въ то же время строго смотрѣлъ за братією, по ночамъ обхаживалъ всѣ келіи и лично удостовѣрялся, кто какъ проводитъ вечернее время; вѣрныхъ монастырскому обѣту молчанія и молитвы похвалялъ, а небрежныхъ къ монастырской жизни и охот-

никовъ до разговоровъ, несогласныхъ съ ино-
ческимъ уставомъ, тихо поучалъ, напоминая
имъ принятыя ими обязанности безмолвія,
молитвы, чтенія священныхъ книгъ и скром-
наго занятія необходимыми работами.

Слава о подвигахъ Сергія и благоустроен-
ности его новаго монастыря не замедлила до-
стигнуть даже отдаленной Греціи. Константи-
нопольскій Патріархъ Филоѳей, уважая ино-
ческое подвижничество, отправилъ посольство,
которое должно было передать Сергію патрі-
аршее благословеніе, драгоцѣнный крестъ, па-
рамантъ, схиму и грамоту на устройство мона-
стырскаго общежитія. Святій пустынникъ
удивился таковому посольству, и смиренно го-
ворилъ пришедшимъ отъ Патріарха Грекамъ:
«это вѣрно не ко мнѣ, я этого недостойнъ, не
къ другому ли кому послалъ васъ Патріархъ.»
Греки отвѣчали ему: «ежели ты тотъ Сергій,
который живетъ въ Радонежѣ, то Патріархъ
тебя благословляетъ.» Сергій, сказавъ: «я
грѣшный чернецъ Сергій,» болѣе не возражалъ
посланникамъ, пригласилъ ихъ въ монастырь,
и поручивъ братіи заботиться объ ихъ успо-

косніи, самъ отправился пѣшкомъ въ Москву съ патріаршими дарами и грамотою, желая испросить разрѣшеніе у Митрополита Алексѣя, какъ ближайшаго своего начальника. Алексѣй, прочитавъ патріаршую грамоту, благословилъ Сергія устроить монастырское общежитіе согласно съ желаніемъ Патріарха. Получивши митрополичье благословеніе и разрѣшеніе, смиренный Сергій опять пѣшкомъ пошелъ въ свою пустыню, и объявивши братіи содержаніе патріаршей грамоты и благословеніе Митрополита Алексѣя, устроилъ въ своемъ монастырѣ общежитіе: назначилъ келаря, подкеларника, казначея, уставщика, трапезниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ и больничныхъ прислужниковъ.

Но зависть и своеволіе, не замедлили показать свое дѣйствіе и въ монастырѣ Радонежскомъ. Уваженіе, которое всѣ питали къ смиренному Сергію, начало беспокоить его старшаго брата Стефана, и онъ въ одно время, за обѣдней, стоя на крилоѣ, объявилъ, что не Сергіемъ, а имъ основана сія церковь, и

что ему принадлежить игуменство. Сергій, узнавши объ этомъ, молча, по окончаніи обѣдни вышелъ изъ церкви, и не заходя въ свою келію и не объявивъ никому, тихо удался изъ своего монастыря; и переночевавъ въ лѣсу, на другой день отправился въ Махрицскій монастырь, и пришедши туда, упросилъ тамошняго игумена Стефана отпустить съ нимъ свѣдущаго инока, чтобы отыскать удобное мѣсто для пустыннической жизни. Потомъ съ даннымъ ему спутникомъ ушелъ въ лѣсъ, и послѣ непродолжительныхъ поисковъ обрѣлъ удобное для себя мѣсто, на высокомъ берегу рѣки Киржачи, гдѣ и остался жить одинъ. Между тѣмъ иноки Троицкаго Радонежскаго монастыря, которые не сочувствовали замысламъ Стефана, стали скорбѣть объ удаленіи Сергія, и нѣкоторые отправились искать его. Послѣ долгихъ поисковъ одинъ изъ нихъ отыскалъ Киржачское убѣжище Сергія, и, обрадованный встрѣчею съ своимъ прежнимъ начальникомъ, остался жить тамъ; но чрезъ нѣсколько времени опять ушелъ въ Троицкій монастырь, желя подѣлиться своею радостію съ прочими братіями, и утѣшить

ихъ, рассказавъ, гдѣ отыскать Сергія. Послѣ чего Троицкіе иноки, обрадованные открытіемъ, начали посѣщать Сергія въ его новой пустынѣ, и онъ для нихъ построилъ келью. А потомъ вознамѣрился основать и церковь, для чего и отправилъ двухъ иноковъ, чтобы испросить благословеніе у Митрополита Алексѣя. Святитель далъ требуемое благословеніе, и задуманная Сергіемъ церковь съ монастыремъ быстро начала строиться; ибо иноки и міряне спѣшили помогать Сергію въ этомъ дѣлѣ: кто несъ свое имѣніе, кто шелъ участвовать въ строеніи своими трудами, Князья и бояре сыпали золото и серебро на монастырское строеніе.

Иноки же Троицкаго монастыря, видя, что Сергію не желаетъ къ нимъ возвратиться, отправились въ Москву просить Митрополита Алексѣя, чтобы онъ убѣдилъ Сергія возвратиться къ скорбящей братіи прежняго, имъ же основаннаго, монастыря. Святитель принялъ ихъ прошеніе и послалъ къ Сергію двухъ Архимандритовъ, Герасима и Павла, которые должны были сказать ему именемъ

Митрополита, чтобы онъ самъ возвратился къ скорбящимъ по немъ инокамъ Троицкаго монастыря, а въ новой Киржачской пустыни оставилъ начальникомъ одного изъ своихъ учениковъ, кого найдетъ болѣе достойнымъ. Смиранный Сергій безпрекословно повиновался митрополичьему распоряженію, и оставивъ на Киржачѣ своего ученика Романа, самъ возвратился въ Троицкій монастырь, гдѣ всѣ братія приняли его съ радостію и любовію. Такимъ образомъ кротость и смиреніе Сергія возвратили Троицкому монастырю покой и тишину, временно нарушенные строптивостію Стефана.

Съ возвращеніемъ Сергія дѣла Троицкаго монастыря пошли прежнимъ своимъ порядкомъ. Подъ руководствомъ мудраго и любимаго наставника иноки Троицкіе день отъ дня стали преуспѣвать въ своей подвижнической жизни; а съ симъ вмѣстѣ со дня на день возрастала слава монастыря и его игумена по всѣмъ концамъ Россіи. Такъ что во всей Россіи не было города, не было селенія и даже семейства, гдѣ бы не говорили о Сер-

гій, какъ о святомъ мужѣ, какъ объ избранникѣ Божіемъ, а объ его монастырѣ, какъ о соборѣ мужей, благословенныхъ Господомъ. Все это такъ высоко поставило смиреннаго Сергія въ глазахъ современниковъ, что онъ, не желая того, сдѣлался мужемъ государственнымъ, народнымъ; князья, бояре и простолюдины стали приходить къ нему за совѣтами и назиданіями; даже само правительство признало за нужное прибѣгать къ его посредничеству въ дѣлахъ чисто государственныхъ. Такъ въ 1365 году, по распоряженію Митрополита Алексѣя, Сергій правилъ посольство въ Нижнемъ Новгородѣ, и отъ имени Московскаго Государя мирилъ тамошнихъ Князей, Димитрія и Бориса Константиновичей, и по митрополичьему наставленію запретилъ служеніе во всѣхъ Нижегородскихъ церквахъ, за непокорность Князя Бориса, отказавшагося ѣхать въ Москву. Потомъ въ 1386 году, по просьбѣ В. К. Димитрія Ивановича, Сергій былъ посланникомъ Государевымъ въ Рязани, и успѣлъ склонить тамошняго Князя Олега Ивановича къ миру, на который онъ согласился единственно по убѣжденію Сергія; или,

какъ говоритъ лѣтопись: «устыдися бо толь свята мужа, и взялъ съ Великимъ Княземъ Димитріемъ Ивановичемъ вѣчный миръ и любовь въ родъ и родъ.» И точно, этотъ миръ, вѣроятно по молитвѣ св. мужа, былъ самый искренній и прочный. Князья Московскій и Рязанскій, долго враждовавшіе другъ противъ друга, умиривные Сергіемъ, сдѣлались самыми вѣрными друзьями, и вскорѣ союзъ дружбы закрѣпили новымъ союзомъ родства, пбо Московскій Князь выдалъ свою дочь за сына Рязанскаго Князя. Великій же Князь Димитрій Ивановичъ такое уваженіе питалъ къ Сергію, что въ 1374 году, при рожденіи своего втораго сына Георгія, просилъ Сергія быть восприемникомъ отъ святой купели. А Князь Владимиръ Андреевичъ приглашалъ Сергія во вновь устроенный имъ городъ Серпуховъ, и просилъ основать церковь и монастырь, гдѣ Сергій и выбралъ мѣсто для монастыря, при впаденіи Нары въ Оку, на высокомъ берегу, и благословивъ основаніе церкви, оставилъ тамъ въ первые игумены своего ученика Аѳонасія.

Но, не смотря на участіе въ дѣлахъ мірскихъ, на почести, отъ всѣхъ воздаваемыя Сергію, онъ по прежнему оставался тѣмъ же пустынникомъ, какимъ былъ въ первые годы подвижничества, по прежнему соблюдалъ строгость и простоту своей жизни, носилъ одѣянія самыя простыя и бѣдныя, и всюду ходилъ пѣшкомъ, какъ бѣдный и неизвѣстный инокъ. Слава и почести міра не имѣли на него никакого дѣйствія; смиренный любитель пустыни остался таковымъ и тогда, когда великіе міра искали бесѣды съ нимъ, и съ любовію и благоговѣніемъ принимали его посѣщенія. Принимая на себя важныя государственныя порученія, онъ дѣлалъ это единственно по любви къ отечеству и людямъ, и отправляясь въ посольства, среди великолѣпной, залитой въ золотѣ, свиты бояръ, носилъ ту же простую и бѣдную одежду, въ которой ходилъ въ своей скромной пустынѣ; и исполнивъ порученія, возлагаемыя на него службою отечеству, всегда спѣшилъ въ свое пустынное уединеніе.

Но Сергію готовился новыи подвигъ новое поприще служенія Церкви и отечеству Свя-

титель Алексѣй, осьмидесяти-пяти-лѣтній старецъ, истощенный трудами и подвигами, уже чувствовалъ ослабленіе своихъ силъ и приближеніе той минуты, когда долженъ будетъ оставить здѣшній міръ и переселиться въ вѣчность. Хорошо зная высокія достоинства Сергія и любовь къ нему народа и Князей, онъ вызвалъ Радонежскаго игумена въ Москву и объявилъ ему, что желаетъ его избрать себѣ преемникомъ на Всероссійскую митрополию, и требуетъ, чтобы онъ остался при дворѣ митрополичьемъ. Но Сергій, во всемъ послушный властямъ, на этотъ разъ показалъ всю твердость своего характера, и рѣшительно сказалъ Митрополиту, что онъ не перемѣнитъ своего образа жизни. «Прости меня, великій Архіерей Христовъ, что ты мнѣ предлагаешь, это выше моей мѣры; кто я? грѣшный и худѣйшій изъ всѣхъ людей; молю тебя, не говори объ этомъ болѣе ни мнѣ, ни кому другому, ибо на таковое поприще меня никто не можетъ вызвать.» Высказавъ свои мысли прямо и рѣшительно, Сергій, принявъ послѣднее благословеніе отъ Алексѣя, смиренно удался въ свой монастырь.

Вскорѣ по удаленіи Сергія скончался и святитель Алексѣй. Вѣсть о его кончинѣ быстро распространилась въ предѣлахъ Московскихъ; всѣ приняли ее съ крайнею горестію; Князья, бояре и простолюдины спѣшили на митрополичій дворъ, чтобы принести послѣднее цѣлованіе святому мужу, почившему на трудной службѣ Богу и отечеству. Скоро съѣхались и сосѣдніе Епископы, и по совѣту съ Великимъ Княземъ, согласились положить тѣло усопшаго въ Благовѣщенскомъ придѣлѣ церкви Михаила чуда, хотя скончавшійся святитель въ смиреніи своемъ просилъ, чтобы его погребли внѣ церкви за алтаремъ, и даже указалъ мѣсто для своей могилы. На погребеніи святителя Алексѣя, при многочисленномъ стеченіи народа, присутствовали самъ Великій Князь Димитрій Іоанновичъ, его двоюродный братъ Князь Владимиръ Андреевичъ, и сыновья Великаго Князя Василій и Юрій Димитріевичи, изъ коихъ послѣдній тогда былъ только трехъ лѣтъ отъ роду. Такъ благочестно окончилъ свое земное поприще святитель Алексѣй, осьмидесяти пяти лѣтъ отъ рожденія и послѣ двадцати-четырехъ-лѣтняго

управленія Россійскаго митрополіею. Святія мощи его и теперь еще почиваютъ пещинными въ Чудовскомъ монастырѣ, въ придѣлѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на томъ мѣстѣ, гдѣ были первоначально погребены, но уже нескрытыя подъ землею, а прославленныя многими чудесами и исцѣленіями всѣхъ съ вѣрою прибѣгающихъ къ молитвамъ святаго.

Кончина святителя Алексѣя навлекла много непріятностей преподобному Сергію. Хотя Сергій и отказался отъ митрополичьяго сана, предложеннаго ему Алексѣемъ; но тѣмъ не менѣе, любимецъ Великаго Князя, Спасскій Архимандритъ Михаилъ, по прозванію Митяй, искавшій занять престолъ митрополичій, но неблагословенный на сіе Алексѣемъ, ненавидѣлъ кроткаго Сергія, подозрѣвая, что онъ присовѣтовалъ покойному Митрополиту отказаться ему въ благословеніи. По смерти Алексѣя, Михаилъ, самовольно принявши на себя управленіе дѣлами митрополіи, началъ гнать преподобнаго Сергія и хвалился погубить его; но Господь, всегда охраняющій съ вѣ-

рою прибѣгающихъ къ нему, спасъ Сергія отъ Митяева гоненія; ибо гонитель вскорѣ умеръ во время поѣздки въ Константинополь, и даже не успѣлъ поставиться въ Митрополиты, какъ о томъ пророчески сказалъ Сергій при самомъ отправленіи Митяя въ путь.

Безпорядки въ Русской митрополіи, начавшіеся въ слѣдствіе искательствъ Митяя, не прекратились и его смертію. Его мѣсто занялъ бывший въ его свитѣ Горницкій Архимандритъ Пименъ, и самовольно, при посредствѣ подкуповъ, поставился въ Митрополиты въ Константинополѣ. Великій Князь не принялъ самозванца, и послалъ въ Кіевъ за Митрополитомъ Кипріаномъ, который вскорѣ и прибылъ въ Москву, но не умѣлъ снискать той любви и расположенія Князей и народа, которыми пользовался святитель Алексѣй. Смиренный же Сергій пріобрѣлъ такое уваженіе и такую довѣренность отъ Государя Московскаго и всѣхъ другихъ Князей, что во всѣхъ важныхъ случаяхъ они прибѣгали къ его посредничеству, или къ его совѣтамъ и молитвамъ; Московскій же Государь безъ его благословенія не рѣшался ни на одно важное дѣло.

Мы уже упоминали, что преподобный Сергій въ 1386 году былъ посланникомъ Государевымъ въ Рязани и успѣлъ примирить тамошняго Князя Олега съ В. Княземъ Московскимъ Димитріемъ Ивановичемъ. Но еще прежде этого Государь Московскій приходилъ къ Сергію, и прося его совѣтовъ въ дѣлахъ съ Татарами, предложилъ ему устроить монастырь въ память Успенія Пресвятыя Богородицы, который монастырь и былъ устроенъ Сергіемъ на Дубенкѣ на Стромьини, гдѣ первымъ игуменомъ былъ поставленъ ученикъ Сергіевъ Леонтій. Потомъ, при вѣсти о грозномъ походѣ Мамаю, Великій Князь Димитрій Ивановичъ, видя слабость и недостаточность совѣтовъ Митрополита Кипріяна, отправился въ Троицкій монастырь принять благословеніе и напутствіе отъ преподобнаго Сергія; гдѣ былъ встрѣченъ съ любовію, и въ укрѣпленіе на битву получилъ отъ преподобнаго благословеніе и радостную пророческую вѣсть, что въ предстоящемъ бою его ждетъ побѣда и слава, а Мамаю гибель. На прощаньи преподобный Сергій отпустилъ съ Великимъ Княземъ двухъ иноковъ своего монастыря: Пересвѣта и

Ослабю, до поступленія въ монастырь прославившихся храбростію и знаніемъ военнаго дѣла. Но и распростились съ Княземъ, Сергій не переставалъ думать о великости подвига, на который отправился Димитрій, и желая поддержать его, писалъ къ нему въ походъ. Письмо Сергія пришло къ Великому Князю передъ самымъ началомъ битвы, и было принято Княземъ и воинами, какъ вѣсть о предстоящей побѣдѣ, которая вѣсть молитвами святого и оправдалась на самомъ дѣлѣ. Послѣ упорнаго и отчаяннаго боя на берегахъ Непрядвы, разбитый Мамай бѣжалъ, а Димитрій возвратился въ Москву побѣдителемъ; и возвратившись, спѣшилъ привести благодареніе Сергію, и пришедши въ Троицкій монастырь, прямо говорилъ ему: «отче! твоими молитвами мы побѣдили спяльныхъ враговъ.» Сіи слова Князя-побѣдителя ясно говорятъ, какимъ высокоимъ уваженіемъ пользовался святой Сергій отъ своихъ современниковъ, и какъ всѣ тогда сознавали, что его святыми молитвами ниспосылается Божіе благословеніе на дѣла государственныхъ.

Великій Князь Димитрій Ивановичъ такое питалъ уваженіе къ преподобному Сергію, что предъ кончиною своею вызвалъ его въ Москву, и просилъ быть свидѣтелемъ при написаніи своего духовнаго завѣщанія и напутствователемъ въ послѣднія минуты своей земной жизни. По смерти Димитрія Ивановича Сергій жилъ не болѣе трехъ лѣтъ и скончался въ своемъ монастырѣ, въ 1392 году, семидесяти осьми лѣтъ отъ рожденія. Но переселясь въ жизнь вѣчную, Сергій не оставилъ и не оставляетъ въ своихъ молитвахъ основаннаго имъ монастыря и отечества, которому онъ усердно служилъ въ продолженіе своей земной жизни. Молитвами Сергія Троицкій монастырь сдѣлался святынею Рускихъ; поклонники со всѣхъ концовъ Россіи ежегодно идутъ туда на поклоненіе мощамъ угодника Божія; богатые и бѣдные, знатные и невѣстные, цари и простолюдины, считаютъ для себя обязанностію пасть у гроба чудотворцева, и помолиться на томъ мѣстѣ, гдѣ молился онъ. Вотъ уже прошло пять вѣковъ отъ основанія Троицкаго монастыря, Россія совершенно уже перемѣнилась, переродилась; но

уваженіе къ монастырю Сергія осталось неизмѣннымъ. Неизмѣнны остаются и молитвы святаго о благѣ оставленнаго имъ земнаго отечества; наша отечественная исторія представляетъ множество примѣровъ, гдѣ Сергій является ходатаемъ за Святую Русь; въ его монастырѣ занялась заря спасенія отечества въ то плачевное время, когда среди смуть и безначалія Поляки завладѣли Москвою; у его гроба Великій Петръ искалъ защиты отъ мятежныхъ стрѣльцовъ и нашелъ ее.

И. Бѣляевъ.

БОЛЬНОЕ ДИТЯ.

(Преданіе.)

Тому назадъ лѣтъ двѣсти иль поболѣ,
Въ одной изъ деревень Тирольскихъ горъ,
Жила Марія, бѣдная вдова.
Маріинъ мужъ отважный былъ стрѣлокъ;
Но разъ въ горахъ, за серною гоняясь,
Въ обрывъ упалъ онъ со скалы крутой,
И тамъ погибъ, оставивъ молодую
Жену свою въ тяжелой нищетѣ
Съ младенцемъ трехнедѣльнымъ. Лишь из-
вѣстье

Объ этомъ къ ней сосѣди принесли,
Какъ бѣдная, съ испуга и съ печали,
Слегла, и такъ занемогла, что всѣ
Ее на смерть съ ребенкомъ обрекали;
Но молодость и крѣпкое сложеніе
Превозмогли въ ней страшную болѣзнь:

Оправилась Марія; но младенецъ —
 Одно ея въ печали утѣшеніе —
 Отъ недостатка материнской пищи,
 Бѣдняжка, все хирѣлъ и угасалъ.
 Какъ тяжело, какъ больно было ей
 Смотрѣть на муки милаго созданья,
 Котораго болѣзненные стоны,
 Какъ острый ножъ, пронзали сердце ей!
 Какъ часто, взоръ слезящій устремивъ
 На своего болящаго любимца,
 Она сидѣла ночи напролетъ
 Надъ нимъ, безъ сна, прислушиваясь чутко
 Къ дыханью слабому его; и сердце
 Ея всегда невольно замирало,
 Когда вздыхалъ онъ долѣе и глубже:
 Ей думалось всегда, что этотъ вздохъ —
 Его *последній* вздохъ; тогда она
 Съ отчаяньемъ къ страдальцу припадала,
 И слушала, — не бьется ли въ немъ сердце,
 Не движется ль дыханьемъ грудь его....

Однажды ночью такъ она сидѣла,
 Съ тоской въ душѣ, съ молитвой на устахъ;
 Но вдругъ ея усталые глаза
 Невольная дремота обуяла,
 И голова склонилась на грудь.

Тогда ей сонъ привидѣлся чудесный:
 Она увидѣла, что передъ нею
 Разверзлось вдругъ безоблачное небо,
 И къ ней, въ лучахъ и въ сонмѣ херувимовъ,
 Сошла Святая Дѣва Богоматерь
 Съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ,
 И голосомъ, какъ музыка, пріятнымъ
 Сказала ей: «утѣшься, мать, твой сынъ
 Исцѣлится и будетъ живъ; но вѣдай:
 Теперь онъ въ сонъ цѣлебный погрузился,
 И ты должна три ночи и три дня
 Стеречь, чтобъ онъ до срока не проснулся,
 И чтобъ его трехдневнаго покоя
 Ни для чего, никто не нарушалъ,—
 Иначе ты на вѣкъ его лишишься.»
 Сказала и, склонившись надъ больнымъ,
 Его благословила. Тутъ исчезло
 Отрадное видѣнье; мать проснулась
 Съ душою, полной сладостной надежды,
 И видитъ, что ея младенецъ спитъ
 Такъ тихо, такъ пріятно улыбаясь
 Во снѣ, и на щекахъ его горитъ
 Живой румянецъ.... О, какимъ восторгомъ
 У матери тогда забилося сердце!
 Съ какимъ благоговѣніемъ она

Упала ницъ передъ святой иконой,
 И теплую молитву принесла
 Заступницѣ Небесной. А потомъ
 Присѣла подлѣ дѣтской колыбели
 Стеречь малютки благодатный сонъ.
 И такъ два дня, двѣ ночи напролетъ,
 Постясь, молясь, надъ нимъ она сидѣла,
 И не хотѣла глазъ своихъ сомкнуть.
 На третью ночь вдругъ сдѣлался пожаръ
 Въ деревнѣ той, и вскорѣ силой вѣтра
 По всѣмъ домамъ огонь пошелъ рѣкой.
 Марія въ страхѣ бросилась къ окну,
 И увидавъ, что все кругомъ пылаетъ,
 Что домъ ея стоитъ среди огня,
 Какъ островокъ средь огненнаго моря,
 Въ отчаяньѣ хотѣла взять ребенка
 И убѣжать: но вдругъ остановилась,
 И вспомнивъ свой чудесный сонъ, рѣшилась
 Остаться подлѣ сына. «Пусть умру
 Я вмѣстѣ съ нимъ,—такъ думала она,—
 Но сна его нарушить не хочу.
 Нѣтъ, нѣтъ! онъ не умретъ! Сама Святая
 Заступница мнѣ это обѣщала,
 Она его Сама и сохранить.»
 И, на колѣна ставъ у колыбели,

И устремивъ молящій взоръ на ликъ
 Пречистой Дѣвы, долго со слезами
 Молилася она. А между тѣмъ
 Къ ней долетали вопли и стенанья
 Отчаянной толпы лишенныхъ крова,
 И плачь дѣтей, и крикъ ихъ матерей,
 И бревень трескъ, и страшный вой звѣрей,
 И громкій звонъ набата; но ничѣмъ
 Она въ своей молитвѣ не смущалась,
 И чѣмъ слышнѣе гулъ въ ушахъ гремѣлъ,
 Тѣмъ пламеннѣй молилася мать о сынѣ.
 Но вотъ огонь, все дальше разливаясь,
 Достигъ ея жилища наконецъ,
 И вспыхнула соломенная крыша;
 А на дворѣ ужъ утро занялось.
 Но въ этотъ мигъ младенецъ пробудился,
 И къ матери ручки протянулъ,
 И на устахъ его была улыбка,
 И разгорѣлось личико его
 Румянцемъ яркимъ жизни и здоровья.
 Въ восторгѣ все тогда забыла мать,
 И радостно къ груди его прижала,
 И любовалась долго на него,
 Не думая объ ужасѣ пожара.
 А между тѣмъ наши на небо тучи,

Заволокли его со всѣхъ сторонъ,
И полилъ дождь стремительнымъ потокомъ.
Огонь угасъ, и хижина Маріи,
Среди всего пожарища, одна
Осталася цѣла и невредима.
Такое чудо видя надъ собой,
Изъ глубины души благодаренье
Создателю Марія принесла,
И посвятила съ той поры себя
Святому долгу — воспитанью сына.
Она любовь и преданность къ Творцу
Влила въ его младенческую душу,
Заранѣ наставила его
На доброе совѣтомъ и примѣромъ,
И трудъ ея Господь благословилъ:
На радость ей возросъ ея малютка,
И нѣжною любовью наградилъ
Ее исполнѣ за всѣ о немъ заботы.

О. Миллеръ

О ГОРѢНІИ.

Теплота всего сильнѣе обнаруживается отъ *горѣнія*. Разсмотримъ же, что такое горѣніе, т. е. разберемъ его явленія, и потомъ постараемся опредѣлить его сущность.

Явленія горѣнія, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, извѣстны каждому. Каждый видалъ ихъ и въ тлѣющемъ углѣ, и въ пылающемъ деревѣ, и въ страшномъ пожарѣ. Стало быть, намъ остается только всмотрѣться въ нихъ пристальнѣе.

1. Чтобы тѣло горѣло, надобно зажечь его. А чтобы зажечь, надобно нагрѣть такъ или иначе. Такимъ образомъ патирая кусокъ дерева другимъ кускомъ, мы сжимаемъ ихъ, нагрѣваемъ и наконецъ зажигаемъ. Тѣмъ же спо-

собомъ мы зажигаемъ фосфорную спичку, только съ меньшимъ трудомъ. Ударъ кремня объ сталь служитъ причиною сжатія малѣйшей частицы стали и отсѣченія ея отъ куска. Эта частица, сильно нагрѣвшаяся отъ сжатія, загарается и является въ видѣ искры. И такъ первый способъ зажиганія есть *сжатіе*, уменьшеніе объема тѣла. Теперь — искра, попавши на трутъ, зажигаетъ самый трутъ; попавши на сажу, зажигаетъ сажу; попавши на сѣру, воспламеняетъ сѣру, и т. д. Стало быть, второй способъ зажиганія есть *соприкосновеніе негорящаго тѣла съ горящимъ*, нагрѣваніе посредствомъ сообщенія теплоты.

Не всѣ тѣла загараются съ одинаковою легкостью. Одни требуютъ бѣльшаго, другія мѣньшаго нагрѣванія; нѣкоторыя не загараются и не горятъ вовсе, по крайней мѣрѣ въ обыкновенномъ значеніи горѣнія. Фосфоръ загарается при температурѣ очень незначительной (40°); сѣра при температурѣ 150° ; дерево для зажиганія требуетъ температуры гораздо бѣльшей; обыкновеннаго кремня нельзя зажечь въ воздухѣ никакимъ нагрѣваніемъ. И такъ мы раздѣлимъ тѣла на *негорючія* (на-

прим. кремень, вода, благородные металлы, многія соли и пр.) и *горючія*; послѣднія, сверхъ того, на *трудно зажигаемая* и *легко зажигаемая*. Къ послѣднимъ относятся напр. сѣра, фосфоръ и пр. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ легко зажигаются, что достаточно малѣйшаго прикосновенія другаго тѣла, или даже соприкосновенія съ воздухомъ, для того чтобъ зажечь ихъ. Они загараются или со взрывомъ (вещества *гремучія*), или безъ взрыва (вещества *пирофорическія*, *огненосныя*). Примвромъ первыхъ веществъ можетъ служить *пистонъ*, или лучше, вещество, изъ котораго дѣлаются пистоны. Изъ пирофорическихъ веществъ укажемъ особенно *пирофоръ Гомберга* и *пирофорическое желѣзо Мануса*.

Гомберговъ пирофоръ готовится слѣдующимъ образомъ. Берутъ обыкновенные квасцы и накаливаютъ на угляхъ. Квасцы разсыпаются въ порошокъ и называются теперь *жжеными квасцами*. Три части жженныхъ квасцовъ смѣшиваютъ съ одной частью сажн и всыпаютъ въ стеклянку. Стеклянку ставятъ въ песокъ, и песокъ нагрѣваютъ по немногу до тѣхъ поръ, пока надъ горломъ

стклянки покажется синее пламя. Тогда стклянку затыкаютъ плотно. Если этого порошка высыпать немного изъ стклянки, то въ соприкосновеніи съ воздухомъ онъ тотчасъ загарается. О пирофорѣ Магнуса будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Отъ горѣнія надобно отличать *раскаленіе*. Тѣло можетъ быть накалено до-красна, до-бѣла, и не горѣть. Наоборотъ, другое тѣло можетъ горѣть и не достигши такого жара. Если охладимъ раскаленное тѣло, оно снова приметъ свой прежній видъ; если потушимъ горящее тѣло, оно не получитъ уже своего прежняго вида — *измѣнится*. Раскаливъ кирпичъ и охладивъ его, мы получимъ тотъ же кирпичъ: но *дерево* послѣ горѣнія превращается въ *уголь* и *дымъ*, *железо* въ *окалину*.

2. Зажженное тѣло можетъ горѣть только при извѣстныхъ условіяхъ, иначе оно *тухнетъ*, *гасаетъ*. Эти условія суть:

а) *Достаточная температура*. Если на горящую свѣчку будемъ надувать холодный воздухъ, свѣчка тухнетъ. Но тотъ же воздухъ, надуваемый на тѣло сильно пылающее, не

только не тушить огня, но усиливаетъ. Причина потуханія въ первомъ случаѣ есть *охлажденіе, пониженіе температуры.*

б) *Свободный доступъ воздуха.* * Возьмемъ два обыкновенные плавильные горшка и наполнимъ ихъ угольями. Одинъ закроемъ, а другой оставимъ открытымъ, и будемъ накачивать оба. Угли въ открытомъ горшкѣ сгорятъ и останется одна зола; въ закрытомъ, напротивъ, они будутъ цѣлы, хотя и сильно раскалены. Здѣсь воздухъ не могъ имѣть доступа къ раскаленному тѣлу. На этомъ частію свойствѣ основано тушеніе огня посредствомъ засыпанія горящаго тѣла пескомъ, даже соломленною свѣчкою, посредствомъ закрыванія его мѣхомъ, холстомъ и пр., даже посредствомъ обливанія его водою, хотя въ послѣднемъ случаѣ главное дѣйствіе надобно приписать *охлажденію.* На этомъ же свойствѣ основано усиленіе горѣнія посредствомъ усиленія притока воздуха, посредствомъ трубъ, мѣховъ и пр.

с) *Надлежащее качество воздуха.* Зажжемъ маленькую восковую свѣчку и накроемъ ее

* Смот. прим. 1.

стекляннымъ колпакомъ. Свѣчка горитъ слабѣе и слабѣе и наконецъ потухаетъ. Это произошло отъ того, что воздухъ подъ колпакомъ сперва былъ способенъ поддерживать горѣніе, потомъ измѣнился и потерялъ эту способность. Уголья горятъ въ самоварѣ. Закройте трубу крышкою, они тухнутъ — опять отъ того, что воздухъ измѣнился и потерялъ способность поддерживать горѣніе.

Въ измѣненіи воздуха можно убѣдиться обоняніемъ. Онъ получаетъ особенный запахъ и становится удушливымъ. Чтобы еще яснѣе показать, что свойство воздуха дѣйствуетъ на горѣніе, сдѣлаемъ простой опытъ. Возьмемъ три графина значительной величины. Пусть одинъ будетъ наполненъ воздухомъ. Зажженная спичка, опущенная въ этотъ графинъ, сперва горитъ, потомъ угасаетъ, также какъ и подъ колпакомъ. Въ другой графинъ я кладу небольшое количество чернаго порошка, извѣстнаго подъ именемъ марганца или пиролизита, и обливаю его сѣрной кислотой. Тлѣющая спичка, опущенная въ этотъ графинъ, тотчасъ загорается яркимъ пламенемъ. Въ третій графинъ я кладу мѣлъ и обливаю

также сѣрной кислотой. Горящая свичка, опущенная въ этотъ графинъ, мгновенно поту-
хаетъ. Явленіе произошло отъ того, что въ
трехъ графинахъ находятся три различные
воздуха или газа, именно въ первомъ обык-
новенный атмосферный воздухъ, имѣющій
способность поддерживать горѣніе въ извѣст-
ной степени, во второмъ кислородъ, имѣющій
способность сильно поддерживать горѣніе, въ
третьемъ угольная кислота, неимѣющая вовсе
способности поддерживать горѣнія. Этотъ по-
слѣдній газъ образуется при самомъ горѣніи,
а частію находится и въ атмосферномъ воз-
духѣ. Подобно многимъ другимъ газамъ, онъ
не мѣшаетъ горѣнію, если количество его въ
воздухѣ незначительно: но если оно велико,
то горѣніе прекращается. Кислородъ также
находится въ воздухѣ, и отъ него единствен-
но зависитъ способность воздуха поддержи-
вать горѣніе. Очевидно, горѣніе будетъ тѣмъ
сильнѣе, чѣмъ больше количество кислорода
въ воздухѣ, тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше. Но
количество его уменьшается по мѣрѣ горѣнія,
тогда какъ количество угольной кислоты уве-
личивается.

Отсюда ясно, что мы можемъ усилить горѣніе, надувая на горящее тѣло вмѣсто воздуха кислородъ, что и употребляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и ослабить или совершенно уничтожить его, надувая угольную кислоту или другой газъ, который бы не поддерживалъ горѣнія. На этомъ основано обыкновенное тушеніе пожаровъ внутри зданій. Если комнату, въ которой сдѣлался пожаръ, затворить наглухо, такъ чтобы ни въ двери, ни въ окна, ни въ трубы не могъ проходить воздухъ снаружи, то кислородъ воздуха, находящагося въ комнатѣ, скоро потребится, и на мѣсто его отъ самаго горѣнія образуется угольная кислота, которая тотчасъ потушитъ огонь. Этимъ же объясняется замѣчательное явленіе тушенія сажи въ трубахъ посредствомъ выстрѣловъ изъ ружья или пистолета. Порохъ состоитъ изъ угля, сѣры и селитры, а въ селитрѣ находится почти $47\frac{1}{2}\%$ кислорода. При вспышкѣ уголь соединяется съ кислородомъ и составляетъ газъ угольной кислоты, а сѣра съ кислородомъ газъ сѣрнистой кислоты. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ свойства поддерживать горѣнія, а потому за-

горѣвшая въ трубѣ сажа мгновенно поту-
хаетъ.

3. Горѣніе можетъ быть или съ пламенемъ, или безъ пламени. Такъ мы видимъ, что дрова, спиртъ, сѣра горятъ съ пламенемъ; уголь при незначительномъ жарѣ, желѣзо, трутъ горятъ безъ пламени. Вообще вещества, легко превращающіяся въ газы, горятъ съ пламенемъ, не превращающіяся безъ пламени. Самое пламя есть не что иное, какъ газъ, снаружи горящій, внутри раскаленный. Только не всякій газъ можетъ горѣть, и не всякій горитъ съ одинаковою силою и съ одинаковымъ цвѣтомъ. Воздухъ, водяной паръ, угольная, сѣрнистая кислота и многіе другіе газы не горятъ вовсе; водородъ, пары сѣры, фосфора, виннаго спирта, масла, газъ, отдѣляющійся изъ смолы или дерева, горятъ пламенемъ различнаго цвѣта и блеска. Всякому извѣстенъ цвѣтъ пламени горящей свѣчи, сѣры, виннаго спирта, масла. Всякому также случалось замѣчать синеватое пламя при догараніи дровъ, происходящее отъ горѣнія особаго газа, состоящаго почти изъ 56 про-

центо́въ кислоро́да и 44 проце́нто́въ угле́рода и называе́маго *окисломъ угле́рода* или *угаромъ*. Привы́чный гла́зь по одному́ цвѣ́ту пламени́ можетъ различить́ составъ́ горяща́го тѣ́ла. Примѣ́сь къ горя́щему ве́ществу́ друго́го ве́щества́ нерѣ́дко измѣ́няетъ цвѣ́тъ пламени́. Такъ если́ къ ви́нному спирту́ мы прибави́мъ ка́ли, или одну́ изъ его́ солей, напр. поташъ, селитру, гла́зерову соль, то пла́мя окраси́тся въ сині́й или фіолетовы́й цвѣ́тъ;

Натръ или́ одну́ изъ его́ солей, напр. поваренную́ соль, со́ду, глауберову́ соль, то пла́мя окраси́тся въ желты́й цвѣ́тъ;

Аммоніакъ́ или́ одну́ изъ его́ солей, напр. нашатырь, пла́мя окраси́тся въ сині́й или фіолетовы́й цвѣ́тъ.

Соли́ литина, стронціаны, изве́сти произво́дятъ красны́й, карминны́й цвѣ́тъ.

Фосфоръ, за́жженный́ въ кислоро́дѣ, горитъ́ яркимъ, бѣ́лымъ пламенемъ, оче́нь похожимъ́ на солне́чный свѣ́тъ.

По цвѣ́ту пламени́ нельзя́ судить́ о степе́ни жа́ра. Самый́ сильны́й жа́ръ есть жа́ръ водоро́да,

горящаго въ кислородѣ. Но пламя въ этомъ случаѣ синеватое и почти безъ блеска. Напротивъ, пламя обыкновеннаго газа, которымъ освѣщаютъ комнаты или улицы и который отдѣляется изъ горящихъ дровъ, свѣчь, масла, яркое бѣлое, хотя жаръ далеко не имѣетъ такой силы. Газъ этотъ состоитъ почти изъ 86 процентовъ углерода и 14 процентовъ водорода.

4. Что дѣлается съ тѣломъ во время горѣнія, можемъ узнать легко, рассматривая его послѣ горѣнія. Самый простой отвѣтъ состоитъ въ томъ, что оно сгораетъ, т. е. уничтожается. Такъ и думали долго, пока величайшій дѣлатель въ химіи, безсмертный Антонъ Лоренцъ Лавуазье не доказалъ противнаго положительными опытами, и не рѣшилъ такимъ образомъ вполне вопроса о горѣніи.

Раскаленное желѣзо горитъ на воздухѣ. Сгорѣвши, оно не исчезаетъ, а превращается въ *окалину*, новое вещество, не похожее или мало похожее на желѣзо. Взвѣсивъ желѣзо и окалину, мы найдемъ, что вѣсъ ихъ не одинаковъ, и именно, что окалина вѣсомъ больше, чѣмъ желѣзо. Значитъ, здѣсь не только ничто

не исчезло, но еще прибавилось вещества. Сожигая цинкъ, мы получаемъ новое, бѣлое, легкое вещество, которое алхимики окрестили страннымъ именемъ *бѣлое ничто* (*nihilum album*) или *философская шерсть* (*lana philosophorum*). Изъ 400 золотниковъ цинка получается почти 500 золотниковъ этого новаго вещества. Отъ сожиганія водорода получается вода, и именно $12\frac{1}{2}$ золотниковъ водорода даютъ $112\frac{1}{2}$ золотниковъ воды. Отъ сожиганія дерева получаютъ уголь и дымъ. Дымъ состоитъ изъ воды, угольной кислоты и сажки. Если напередъ взвѣсимъ дерево и потомъ уловимъ образовавшійся дымъ и взвѣсимъ его вмѣстѣ съ углемъ, то найдемъ, что вѣсу прибавило, и притомъ много. Стало быть, ни въ какомъ случаѣ вещество не истребляется, а только измѣняется горѣніемъ, получаетъ новый видъ и новыя свойства, и вообще увеличивается въ вѣсѣ. Откуда же происходитъ эта прибыль въ вѣсѣ? Вопросъ этотъ можно рѣшить простымъ опытомъ. На маленькой чашечкѣ положимъ кусочикъ фосфора, въ который воткнута проволока, проходящая сквозь стеклянный колпакъ, опрокинутый надъ во-

дою. Соединивъ проволоку съ электрической машинной или раскаливъ ее, мы зажжемъ фосфоръ. Фосфоръ сгараетъ и отъ горѣнія образуется новое вещество, падающее подобно хлопьямъ снѣга. Въ то же время вода подъ колпакомъ поднимается, значитъ, уменьшается количество содержавшагося подъ колпакомъ воздуха, и именно убываетъ его $\frac{1}{5}$ по объему. Слѣдовательно прибыль вѣса въ сгорѣвшемъ тѣлѣ происходитъ отъ воздуха и на счетъ воздуха. Если будемъ разсматривать оставшійся за тѣмъ воздухъ, то мы уже не найдемъ въ немъ прежнихъ свойствъ. Онъ не горитъ и не поддерживаетъ болѣе горѣнія; маленькія животныя въ немъ умираютъ; по вѣсу онъ легче обыкновеннаго воздуха. Если вмѣсто обыкновеннаго воздуха подъ колпакомъ будетъ другой, именно тотъ, который получается при обливаніи марганца сѣрной кислотой (купороснымъ масломъ), то горѣніе будетъ сильнѣе, и послѣ горѣнія вовсе не останется воздуха, и вода наполнитъ весь колпакъ.

Очевидно, что обыкновенный воздухъ состоитъ изъ двухъ веществъ, изъ двухъ газовъ. Одинъ изъ нихъ есть тотъ самый газъ,

который отдѣляется при обливаніи марганца сѣрной кислотой и который имѣетъ къ высшей степени свойство поддерживать горѣніе, а также свойство поддерживать дыханіе и жизнь. Его называли жизненнымъ воздухомъ, *aër vitalis*) или кислородомъ (*oxygenium*), потому что многія вещества, соединившись съ нимъ, становятся кислыми: другой газъ названъ безжизненнымъ воздухомъ, азотомъ или селитродомъ (*nitrogenium*), поелику онъ входитъ въ составъ селитреной кислоты или крѣпкой водки. Дальнѣйшія изысканія показали, что во 100 частяхъ воздуха находится 79 частей по объему азота и 21 кислорода, или по вѣсу 77 частей азота и 23 кислорода.

5. Такимъ образомъ мы естественно приходимъ къ тому самому заключенію, къ которому пришелъ Лавуазье,—именно, что *горѣніе есть соединеніе горючаго вещества съ кислородомъ*. Продукты горѣнія суть вещества сложныя, состояція изъ горючаго вещества и кислорода и называемыя то окислами, то кислотами. Такимъ образомъ отъ горѣнія угля получится окисль углерода (угарь) или

угольная кислота; отъ горѣнія сѣры—сѣрнистая кислота; отъ горѣнія фосфора—фосфорная кислота; отъ горѣнія цинка — окисль цинка (бѣлое ничто); отъ горѣнія желѣза — окисль желѣза или окалина; отъ горѣнія мѣди—окисль мѣди; отъ горѣнія водорода—окисль водорода или *вода* и т. д. Дерево состоитъ изъ угля, водорода и кислорода. Очевидно, что, сгорѣвши, оно даетъ и угольную кислоту и воду, также какъ воскъ, сало, стеаринъ и подобныя.

6. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что не одинъ кислородъ поддерживаетъ горѣніе. Желѣзо горитъ въ парахъ сѣры, мѣдь въ хлорѣ (особенномъ газѣ, входящемъ въ составъ поваренной соли, хлорной извести, сулемы и пр.); многія вещества, особенно металлы, могутъ горѣть въ парахъ фосфора, брома, іодія (особенныя вещества, изъ которыхъ фосфоръ находится между прочимъ въ костяхъ, а бромъ и іодій въ составѣ морскихъ растеній). И такъ опредѣленіе Лавуазье не полно; надобно перемѣнить его такъ: *горѣніе есть соединеніе горючаго вещества съ веществомъ, поддерживающимъ горѣніе, т. е. съ кислоро-*

домъ, сѣрой, хлоромъ, бромомъ, іодіемъ и подобными. Отсюда происходятъ двойныя вещества, соотвѣтствующія кислотамъ и окисламъ, и называемыя сѣрнистыми, хлористыми, іодистыми, бромистыми металлами и неметаллическими веществами. Такимъ образомъ мы имѣемъ сѣрнистый водородъ, сѣрнистый углеродъ, сѣрнистый потассій (сѣрная печень), сѣрнистое желѣзо и пр. Такъ мы имѣемъ хлористый водородъ (соленая кислота), бромистый, іодистый, фтористый водородъ, хлористый натрій (поваренная соль), хлористое, іодистое, бромистое желѣзо, хлористую ртуть (каломель, сулема), и пр. Въ смыслѣ химическомъ всякое соединеніе горючаго тѣла съ веществомъ, поддерживающимъ горѣніе, есть дѣйствительное горѣніе: но въ смыслѣ обыкновенномъ горѣніемъ называютъ только такое соединеніе, которое происходитъ быстро и сопровождается значительнымъ жаромъ и свѣтомъ. Такимъ образомъ гніеніе, тлѣніе веществъ безъ значительнаго жара и свѣта химики называютъ медленнымъ горѣніемъ, но въ смыслѣ обыкновенномъ ихъ отличаютъ отъ горѣнія, хотя въ сущности они также

не что иное, какъ соединеніе тѣющихъ или гнѣющихъ веществъ съ кислородомъ.

6. Горящія вещества могутъ быть или *простыя* или *сложныя*. Простыя вещества горятъ, т. е. соединяются съ простыми веществами, поддерживающими горѣніе прямо; сложныя напередъ разлагаются. Винный спиртъ при горѣніи разлагается сперва на водородъ, углеродъ и кислородъ, и потомъ уже водородъ соединяется съ кислородомъ и образуетъ воду, а углеродъ, соединяясь съ кислородомъ, образуетъ угольную кислоту. И такъ процессъ горѣнія сложнаго тѣла посредствомъ простаго есть сложный, состоящій изъ *разложенія* и *соединенія*. Но не надобно смѣшивать горѣнія съ простымъ разложеніемъ. Если мы будемъ нагрѣвать дерево въ закрытомъ сосудѣ, то оно разлагается: а) на газы; б) на особенную кислую жидкость, состоящую изъ воды, водорода, углерода и кислорода и называемую древесной кислотой; в) на особенное вещество, называемое дегтемъ, и д) на уголь. Вѣсъ всѣхъ этихъ веществъ вмѣстѣ взятыхъ совершенно равенъ вѣсу упо-

требленнаго дерева, стало быть, здѣсь не было соединенія съ кислородомъ, не было горѣнія. Подобнымъ образомъ раскаленный мѣль или мраморъ разлагаются на известъ и угольную кислоту; поваренная соль при накаливаніи даетъ воду и новое черное вещество, известное подъ именемъ четверговой соли. Въсѣ воды и четверговой соли вмѣстѣ равны всѣу употребленной поваренной соли. Стало быть, здѣсь нѣтъ горѣнія. Напротивъ, каждое химическое соединеніе двухъ веществъ можно называть горѣніемъ, хотя бы оно и не сопровождалось явленіями теплоты и свѣта. Такимъ образомъ, если сквозь трубку, наполненную негашеной известью, будемъ пропускать угольную кислоту, то въсѣ извести по прошествіи нѣкотораго времени увеличится значительно. Здѣсь известь сгорѣла, т. е. соединилась съ угольной кислотой, которая въ этомъ случаѣ поддерживаетъ горѣніе, и образовался мѣль, состоящій изъ извести и угольной кислоты. Самое дыханіе животныхъ въ химическомъ смыслѣ есть горѣніе.

7. Послѣ этого ясно, что понятіе о веще-

ствахъ горючихъ и веществахъ, поддерживающихъ горѣніе, въ химическомъ смыслѣ есть понятіе относительное. Сѣра, фосфоръ, хлоръ и подобныя вещества сами горятъ, если ихъ соединять съ кислородомъ, поддерживаютъ горѣніе, если соединять ихъ съ металлами, углемъ и водородомъ. Угольная и другія кислоты не поддерживаютъ горѣнія простыхъ веществъ, но поддерживаютъ горѣніе окисловъ, напр. кали, натра, извести, барита. Такое расширеніе понятій о горѣніи побудило двухъ величайшихъ химиковъ нашего вѣка, Дэви и Берцелиуса, измѣнить опредѣленіе горѣнія и составить его на основаніи новаго признака. Подвергая сложное тѣло дѣйствію сильнаго Вольтова столба, * находимъ, что оно разлагается такъ, что при одномъ полюсѣ отдѣляется одно, при другомъ другое составное его начало. Кислородъ при разложеніи всѣхъ кислотъ и окисловъ отдѣляется постоянно при положительномъ полюсѣ; также сѣра, фосфоръ, хлоръ и пр. при разложеніи двойныхъ веществъ сѣрнистыхъ, фосфористыхъ, хлористыхъ. При разложеніи солей при положитель-

* Смот. прим. 2.

номъ полюсъ отдѣляется кислота (угольная, сѣрная, селитряная и пр.), при отрицательномъ окислѣ металла. Вещества, отдѣляющіяся при положительномъ полюсъ, суть вещества поддерживающія горѣніе или *электро-отрицательныя*; вещества, отдѣляющіяся при отрицательномъ полюсъ, суть вещества горючія или *электро-положительныя*. Самое горѣніе есть соединеніе двухъ противоположно-электризующихся веществъ, или, по выраженію означенныхъ ученыхъ, *соединеніе двухъ противоположныхъ электричествъ*. Мы рассмотримъ послѣ какъ горѣніе въ химическомъ смыслѣ и его законы, такъ и теорію Дэви и Берцелиуса, а теперь обратимся къ горѣнію въ смыслѣ обыкновенномъ.

8. Степень жара, обнаруживающагося при горѣніи, зависитъ отъ качества веществъ горючаго и поддерживающаго горѣніе. Самый сильный жаръ происходитъ отъ горѣнія чистаго водорода въ чистомъ кислородѣ. Смѣшивая два объема водорода съ однимъ объемомъ кислорода, мы получаемъ такъ называемый гремучій воздухъ, на пламени котораго можно

расплавить платину. При горѣніи другихъ простыхъ веществъ въ кислородѣ, напр. при горѣніи угля, фосфора, желѣза, цинка, сѣры и пр., жаръ получается гораздо меньшій, хотя иногда тоже значительный.

9. Гораздо меньшій жаръ происходитъ при горѣніи веществъ сложныхъ, состоящихъ напр. изъ водорода и углерода, посредствомъ кислорода, и еще меньшій, если вмѣсто кислорода употребить атмосферный воздухъ. Это зависитъ отъ того, что значительное количество теплоты здѣсь потребляется на разложеніе сложнаго вещества, т. е. съ одной стороны горящаго тѣла, съ другой самаго воздуха. Объяснимъ это произвольнымъ примѣромъ. Положимъ, что при сгараніи одного объема углерода и четырехъ объемовъ водорода посредствомъ четырехъ объемовъ кислорода, жаръ поднимется до 1200° ; если для разложенія болотнаго газа, состоящаго изъ водорода и углерода въ означенной пропорціи, нужно 300° , да для разложенія 20 объемовъ воздуха, въ которыхъ содержатся четыре объема кислорода нужно 300° , то остальной жаръ бу-

доть $1200^0 - 600^0 = 600^0$. Жаръ еще уменьшится, если въ составъ сгорающаго тѣла входятъ вещества негорючія, напр. вода; чтобы отдѣлить ихъ, надобно нагрѣть, а это уменьшить значительно остатокъ жара. Отъ того происходитъ, что сырыя дрова горятъ хуже сухихъ, что винный спиртъ, смѣшенный съ водою, горитъ хуже чистаго виннаго спирта, и т. д.

10. Степень жара зависитъ отъ количества сгорающаго вещества, а слѣдовательно и отъ количества потребляемаго кислорода. Но количество потребляемаго кислорода зависитъ отъ количества притекающаго къ горящему тѣлу воздуха, а это количество зависитъ отъ свободнаго движенія воздуха. Усиленіе свободнаго движенія воздуха производитъ усиленіе жара; прекращеніе его производитъ ослабленіе жара. Пожаръ при сильномъ вѣтрѣ всегда сильнѣе, чѣмъ пожаръ въ безвѣтренную погоду. Горѣніе въ печахъ съ длинной трубой сильнѣе, чѣмъ горѣніе въ печахъ съ трубой короткой. Даже въ самоварѣ и въ обыкновенной лампѣ мы замѣчаемъ, что жаръ зависитъ

отъ длины трубы или стекла, которое для лампы служить трубою. Устройство печей хозяйственныхъ и химическихъ основывается преимущественно на этомъ началѣ. Понятно, что оно будетъ различно; по различной цѣли, для которой печь назначается, т. е. будетъ ли она служить для нагрѣванія комнаты, для раскаленія, для плавленія и пр.,—слѣдов. будетъ ли нужно медленное или быстрое горѣніе. Печь большого размѣра съ высокой прямой трубою дастъ весьма сильный жаръ, но мало нагрѣетъ комнату, въ которой она помещена: напротивъ, печь съ трубою нѣсколько разъ изогнутой не дастъ большого жара, но значительно нагрѣетъ комнату, потому что движущіеся по изгибамъ трубы (колодцамъ) воздухъ и дымъ успѣютъ охладиться, т. е. передать свою теплоту стѣнамъ трубы и черезъ нихъ окружающему воздуху. Далѣе, какъ уже выше замѣчено, движеніе воздуха можетъ быть усилено искусственно помощію мѣховъ и воздухоудувныхъ машинъ.

11. Степень жара зависитъ отъ объема печи или сосуда относительно количества сгораю-

щаго вещества. Въ маломъ горѣ небольшое количество сгорающаго матеріала даетъ жаръ значительный, въ большемъ совершенно ничтожный. Обстоятельство это очень важно при устройствѣ печей, лампъ и пр., потому что оно даетъ возможность достигать цѣли съ меньшею тратою матеріаловъ.

12. Наконецъ степень жара зависитъ отъ качества матеріала, употребляемаго для устройства печи или вообще сосуда, въ которомъ производится горѣніе. Металлы, какъ хорошіе проводники, сильно ослабляютъ жаръ, передавая теплоту окружающему воздуху; глина, совершенно напротивъ, сосредоточиваетъ жаръ, потому что слабо проводитъ его.

13. Очевидно, что для тушенія огня нужно поступать по тѣмъ же началамъ, только наоборотъ, именно: а) охладить горящее тѣло, что достигается въ маломъ видѣ надуваніемъ холоднаго воздуха, въ большемъ—наливаніемъ воды, бросаніемъ снѣга и пр. Жаръ горящаго тѣла ослабѣетъ на столько, сколько нужно для испаренія налитой жидкости. Такъ если жаръ горящаго тѣла будетъ соотвѣтствовать 1000° ,

если для испаренія налитой воды нужно 100° , то жаръ уменьшится до 900° . При дальнѣйшемъ наливаніи жидкости онъ будетъ еще менѣе, и наконецъ огонь потухнетъ. в) Прекратить доступъ воздуха, заградивши его пути. Для этого закрываютъ окна, двери, трубы, прикрываютъ горящее тѣло другимъ, напр. войлоками, шубами, холстомъ, пескомъ и пр. с) Измѣнить качество воздуха, увеличивъ въ немъ количество газовъ, не поддерживающихъ горѣнія, какъ-то: угольной или сѣрнистой кислоты, и уменьшивъ количество кислорода. Это средство, самое простое и самое надежное, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не приложено къ тушенію пожаровъ.

14. Упомянемъ еще объ одномъ явленіи, повидимому, странномъ и однакожь легко объясняющемся законами горѣнія. Если мы будемъ накаливать металлъ въ наружномъ пламени спиртовой лампы, то онъ сгараетъ, т. е. окисляется, во внутреннемъ, напротивъ: металлъ не окисляется, но окислы теряютъ свой кислородъ, металлы раскисляются или восстанавливаются. Явленіе это происходитъ отъ того,

что наружное пламя есть горящій газъ, при свободномъ доступѣ кислорода, внутреннее раскаленный газъ, безъ доступа кислорода изъ воздуха, а потому оно отнимаетъ кислородъ у окисла. Подобнымъ образомъ отнимаютъ его и другія раскаленные тѣла. Если желѣзную окалину (желѣзный окисль) мы будемъ нагрѣвать съ углемъ, то уголь отнимаетъ у желѣза кислородъ и образуетъ съ нимъ угольную кислоту, которая улетаетъ. Желѣзо, съ небольшою примѣсью угля, составляетъ чугуны. На этомъ основана вообще выплавка металловъ изъ рудъ.* Окислы мѣшаютъ съ углемъ и накаливаютъ, надувая въ горны воздухъ. Уголь, загораясь по причинѣ своей спальной горючести, потребляетъ и кислородъ надуваемого воздуха и кислородъ окисла. Но если мы будемъ продолжать надуваніе воздуха и тогда, когда весь уголь сгоритъ, то кислородъ воздуха будетъ дѣйствовать на возстановленный металлъ, который отъ этого можетъ сгорѣть (окислиться) снова, потому что ничто не препятствуетъ дѣйствию на него кислорода.

* Смот. прим. 3.

Примѣчаніе 1. Что такое воздухъ, газъ, паръ? Это тѣла, большею частію невидимыя, но въ существованіи которыхъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія простыхъ явленій. Говорятъ, графинъ или другой сосудъ *пустъ*, т. е. въ немъ нѣтъ ничего. Вставимъ въ него воронку и для вѣрности опыта облѣпимъ горло графина воскомъ. Нальемъ въ воронку воды. Вода не идетъ въ графинъ, а остается въ воронкѣ. Значитъ, графинъ не пустъ, наполненъ чѣмъ-нибудь, мѣшающимъ водѣ въ него литься. Приподнимите немного воронку—вода польется въ графинъ. Значитъ, вещество, мѣшавшее водѣ литься въ графинъ, нашло себѣ дорогу и вышло вонъ. Это вещество и есть *воздухъ обыкновенный, атмосферный*. Имъ мы дышемъ, отъ него зависитъ безконечное множество явленій въ природѣ. Есть и другія вещества, также невидимыя, какъ воздухъ, и въ этомъ отношеніи сходныя съ нимъ, хотя и различныя въ другихъ отношеніяхъ. Вещества эти называются *газами* и *парами*. Въ сильно нагрѣтой комнатѣ, напр. въ банѣ, вы льете воду на раскаленные камни. Вода исчезла, но въ то же время вы чувствуете, что

въ воздухѣ явилось что-то новое. Войдите въ баню по охлажденіи ея, напр. на другой день послѣ топки. Вы найдете, что она наполнена туманомъ. Этотъ туманъ есть вода. И такъ вода не уничтожилась, а превратилась въ паръ, сперва невидимый, потомъ явившійся въ водѣ туманъ. Раскупоривши бутылку шампанскаго, зельтерской воды или кислыхъ щей, вы видите, что въ жидкости поднимаются пузырьки. Это особенный газъ, — особенный воздухъ, называемый угольной кислотой. Налейте въ стлянку воды, положите въ воду желѣзныхъ опилокъ и потомъ прибавьте туда хоть уксусу. Вы тотчасъ замѣтите поднимающіеся пузырьки и притомъ почувствуете особенный, непріятный запахъ. Пузырьки и запахъ происходятъ отъ другаго газа, называемаго водородомъ и между прочимъ употребляемаго для наполненія воздухоплавательныхъ шаровъ. Всякій запахъ показываетъ присутствіе въ воздухѣ того или другаго газа. Такъ при горѣніи сѣры образуется газъ сѣрнистой кислоты; запахъ гнилыхъ яицъ доказываетъ присутствіе *водосѣрнаго* газа; запахъ нашатырнаго нюхательнаго спирта происходитъ отъ

газа *аммоніака*. Изъ этого ясно, что газовъ очень много, но важнѣйшіе изъ нихъ суть слѣдующіе:

1. *Кислородъ* или *жизненный воздухъ*, находящійся въ воздухѣ, въ водѣ и въ большей части другихъ тѣлъ. Получается при обливаніи марганца купороснымъ масломъ. Не имѣетъ ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха; сильно поддерживаетъ горѣніе и дыханіе, а слѣдов. и жизнь-животныхъ.

2. *Водородъ*. Газъ, составляющій съ кислородомъ воду. Сильно горючъ. Отлпчается необыкновенною легкостью. Входитъ въ составъ всѣхъ растеній и животныхъ.

3. *Азотъ* или *безжизненный воздухъ*. Съ кислородомъ онъ составляетъ атмосферный воздухъ и другія соединенія, изъ которыхъ важнѣйшее есть селитренная кислота или крепкая водка. Съ водородомъ составляетъ аммоніакъ или летучій нашатырный спиртъ. Входитъ въ составъ всѣхъ животныхъ и большей части растеній. Ни вкуса, ни цвѣта, ни за :

пахъ не имѣтъ; ни горѣнія, ни дыханія не поддерживаетъ.

4. *Хлоръ*. Особенный, сильно пахучій, удушливый газъ, зеленоватаго цвѣта, добываемый посредствомъ обливанія смѣси поваренной соли и марганца сѣрной кислотой. Входитъ въ составъ поваренной соли, каломели, сулемы и проч. Употребляется для бѣленія тканей и для очищенія воздуха, потому что имѣтъ свойство уничтожать краску и пятна и разлагать пахучіе газы.

Это простыя газообразныя вещества; но есть еще множество сложныхъ. Напр. отъ соединенія кислорода съ углемъ происходятъ угольная кислота (газъ шипучихъ жидкостей) и углеродный окисль (угарь). Отъ соединенія водорода съ углемъ образуются *болотный газъ* и *газъ служащій для освѣщенія*. Отъ соединенія сѣры съ кислородомъ происходитъ *сѣрная кислота*, сильно удушливый газъ, запахъ котораго извѣстенъ каждому, кто зажигалъ сѣрные спички. Отъ соединенія сѣры съ водородомъ получается *водосѣрный газъ*, отли-

чающійся запахомъ гнилыхъ яицъ. Подобнымъ образомъ происходятъ и другіе газы, болѣе или менѣе замѣчательные. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то кислородъ, водородъ, азотъ, атмосферный воздухъ до сихъ поръ извѣстны только въ видѣ газовъ; они называются газами *постоянными*. Другіе посредствомъ холода и сильнаго давленія могутъ быть приведены въ состояніе жидкости и нѣкоторые даже могутъ быть заморожены. Таковы: водяной паръ, хлоръ, угольная и сѣрнистая кислоты и пр. Для наблюденія свойствъ газовъ ихъ собираютъ въ стеклянки, въ пузыри и пр.

Примѣчаніе 2. Къ стр. 83. Вольтовъ столбъ есть снарядъ, состоящій существенно изъ пластинокъ двухъ металловъ, напр. мѣди и цинка (металлъ по наружности похожій на свинецъ и входящій въ составъ зеленой мѣди), серебра и цинка, платины и цинка, даже угля и цинка, мѣди и желѣза, угля и желѣза. Снарядъ этотъ, между многими другими свойствами, имѣетъ замѣчательную способность разлагать сложныя тѣла. Напр. вода разлагается имъ на водородъ и кислородъ, купо-

росное масло на сѣру и кислородъ, поваренная соль на *натръ* (особенное щелочнистое вещество) и соленую кислоту (особенное чрезвычайно кислое вещество) и т. д.

Примѣчаніе 3. Металлы рѣдко находятся чистыми, самородными. Большею частію они бываютъ соединены съ другими веществами, напр. серебро и мѣдь съ сѣрой, желѣзо и олово съ кислородомъ, никкель съ мышьякомъ. Такія соединенія называются рудами. *Возстановить* металлъ значитъ отдѣлить его отъ веществъ съ нимъ соединенныхъ. Въ маломъ видѣ это можно сдѣлать легко даже на свѣчкѣ; но въ большемъ видѣ для этого устрояются особенные заводы, называемые *горными заводами*. Таковы у насъ знаменитые заводы: Златоустовскій, Нижнетагильскій, Богословскій, Колывано-Воскресенскій, Нерчинскій и многіе другіе.

А. Студитскій.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

Господинъ П...овъ посвящалъ дѣтямъ своимъ все время свободное отъ дѣлъ; а дѣти любили быть съ отцомъ своимъ, любили съ нимъ разговаривать и слушать его поучительные рассказы; болѣе же всего любили прогуливаться вмѣстѣ съ нимъ. Но ихъ прогулки были надолго прерваны суровою зимою погодою. Наконецъ возвратилась давно желанная весна! Снѣгъ растаялъ, земля покрылась нѣжною зеленью, на деревьяхъ начали разворачиваться молодые листочки, воздухъ былъ теплый, чистый, прозрачный, наполненный благовоніемъ, и дѣти, взявъ отца за руки, вышли съ нимъ за городъ, подальше въ поле.

Какая радость была увидѣть опять тѣ знакомые предметы, которые видали въ прошедшихъ годахъ! Они не могли насмотрѣться на зеленѣющій лѣсъ, на прозрачный прудъ, отражающій ясное, голубое небо! Они смотрѣли на трудолюбивыхъ поселянъ, воздѣлывающихъ свои нивы, слушали пѣнье птицекъ, и все ихъ веселило, даже самое кваканье неугомонныхъ лягушекъ; все напоминало прошедшую весну, встрѣченную съ такою же радостью.

Взошедъ на небольшой пригорокъ, откуда видъ былъ гораздо обширнѣе, они сѣли на травѣ, подъ толстою, старою березою. Солнце еще не пекло, какъ лѣтомъ, но благотворная его теплота оживляла. Вокругъ дерева порхали птички и роилось множество мушекъ, разнаго вида и породъ, а передъ нимъ летали разноцвѣтныя бабочки, будто живые цвѣточки.

«Какое множество листочковъ развертывается теперь на этой березѣ! — воскликнулъ Гриша. — А давно ли вѣтки ея были покрыты инеемъ, и совсѣмъ голенькія печально качались по вѣтру!»

«Это одно изъ безчисленныхъ чудесъ природы!—сказалъ отецъ.—Мы окружены чудесами, но не замѣчаемъ ихъ, или остаемся къ нимъ равнодушными отъ привычки видѣть ихъ ежедневно! Деревя покрываются листьями отъ сока, который корень извлекаетъ изъ земли. Этотъ сокъ весною начинаетъ подниматься къ вершинѣ дерева, посредствомъ жлоковъ, находящихся подъ корою. Изъ маленькаго сѣмячка вырастаетъ толстый стволъ, на немъ вырастаютъ вѣтви, а на вѣтвяхъ развертываются листья, цвѣты, и наконецъ образуется плодъ. Тотъ же самый растительный сокъ проявляется въ разныхъ видахъ и краскахъ. Посредствомъ этого же сока не только деревья покрываются листьями, но и луга травою, сады различными цвѣтами, а нивы хлѣбными растеніями. Когда же этотъ сокъ перестанетъ подниматься, то растенія засыхаютъ, листья на деревьяхъ блекнутъ и облетаютъ, и, упавая на землю, служатъ ей удобреніемъ, даютъ ей новыя силы для произведенія того же чуда слѣдующею весною.

«Вы слыхали сказки о волшебникахъ и колдунахъ, превращающихъ людей въ различ-

ныхъ животныхъ, пустыни въ цвѣтущіе сады, булыжникъ въ драгоцѣнные камни и уголья въ золотыя деньги: это вздоръ! Такихъ волшебниковъ никогда не бывало! Но природа творитъ всѣ эти чудеса безъ помощи волшебнаго жезла! Она трудится неутомимо и безпрестанно производитъ новыя превращенія. Примѣры отъ насъ недалеко. Вотъ видите ли тамъ эту грязную навозную кучу? Изъ нея извлекается тотъ драгоцѣнный растительный сокъ, который содѣйствуетъ произрастенію не только хлѣба и всякихъ овощей, но даже самыхъ драгоцѣнныхъ, душистыхъ плодовъ, какъ, на примѣръ: винограда, дыни, арбуза, ананаса и проч. Изъ отвратительнаго червяка дѣлается личинка, изъ которой вылетаетъ прекрасная бабочка. Часто измѣняется и самый воздухъ, окружающій землю: иногда онъ бываетъ наполненъ водою, иногда снѣгомъ, градомъ, или огнемъ, и все это ниспадаетъ на землю, для того чтобы увлажнить ее, оплодотворить или опустошить. Во внутренности горъ, въ тайныхъ горнякахъ природы, простая глина превращается въ мраморъ, и какой-нибудь ничего незна-

чащій камень сродняется съ благороднѣйшимъ металломъ. Вездѣ и безпрестанно дѣйствуетъ эта чудесная сила; она преобразуетъ и производитъ. Каждое мгновеніе какое-нибудь бытіе прекращается, и начинается другое. Все умираетъ и все оживаетъ вновь, но измѣненнымъ. И человѣкъ возвращается въ землю, изъ которой взятъ! Тѣло его, извлекавшее изъ земли всѣ потребности для своего существованія, превращается въ прахъ и утучняетъ землю.

«Но какая разница между человѣкомъ, одареннымъ разумомъ, и безсмысленною природою, дѣйствующею безсознательно, по законамъ, предписаннымъ ей Всемогущимъ Творцомъ, отъ которыхъ она не властна отступить. Деревья, камни, металлы и собственное наше тѣло, однимъ словомъ, все, что есть вещественнаго, подчинены силѣ природы, и не могутъ уклониться отъ ея могущества. Но мысли человѣка, его желанія, надежды, его духовное бытіе, не подвластны этой силѣ. Онъ одаренъ волею и можетъ избирать для себя различные пути: путь спасенія, или путь гибели, то есть, полюбить добро, или зло.

Здоровье и жизнь зависят не отъ насъ; но отъ насъ зависятъ облагородить наше существо, исправить наши пороки, возвыситься духомъ къ Великому Творцу нашему, и жить въ мирѣ съ совѣстью!

«Человѣкъ одаренъ способностью стремиться ко всему возвышенному, умомъ постигать совершенство, предчувствовать другой, лучший, невидимый міръ, который есть настоящая его отчизна, и спокойно смотрѣть на всѣ бѣды и превратности этой минутной жизни! И вотъ почему онъ есть глава творенія.»

ЛѢТНИЙ ВЕЧЕРЪ.

Господинъ П...овъ поѣхалъ съ дѣтьми за городъ, намѣреваясь провести вакаціи на прелестной дачѣ, по которой протекала довольно большая рѣчка. Послѣ жаркаго лѣтняго дня наступилъ пріятный, прохладный вечеръ. Отецъ вышелъ прогуливаться вмѣстѣ съ дѣтьми, и катался съ ними въ лодкѣ по тихой, никакимъ вѣтеркомъ не возмущаемой рѣчкѣ.

Но когда солнце село, и на водѣ становилось уже сыро, они причалили къ берегу, и взошедъ на пригорокъ, смотрѣли на окрестности, исчезающія въ туманномъ вечернемъ сумракѣ. Небо было ясно; начали показываться звѣзды одна за другою, но мѣръ того какъ все болѣе и болѣе темнѣло; наконецъ, когда совершенно смерклося, все небо устѣялось безчисленнымъ множествомъ звѣздъ. Дѣти радовались, глядя на нихъ; указывали на знакомыя имъ созвѣздія, называли ихъ, но смотрѣли съ особеннымъ вниманіемъ на млечный путь, опоясывающій сводъ небесный. Въ немъ видѣли они кучи звѣздочекъ; нѣкія сіяли блѣднымъ, слабымъ свѣтомъ, другія же горѣли какъ искорки. Дѣти слыхали уже, что эти звѣздочки такія же солнцы, какъ то, которое освѣщаетъ и согрѣваетъ нашу землю; но имъ казалось невѣроятно, чтобы эти свѣтлыя точки, едва замѣтныя для глазъ, могли быть такими же большими тѣлами, какъ наше солнце. Они просили отца разрѣшить ихъ сомнѣніе. Г. П...овъ напомнилъ сыновьямъ своимъ, въ какомъ величайшемъ разстояніи отъ насъ находятся эти звѣзды, и о томъ,

что отдаленность уменьшаетъ въ глазахъ нашихъ и величину и блескъ этихъ свѣтилъ. Между прочимъ, онъ сказалъ дѣтямъ:

«Вы уже знаете, что планета, на которой мы живемъ, есть огромный шаръ, поверхность коего состоитъ изъ воды и земли; а что таится въ его внутренности — это намъ неизвѣстно. Земля безпрестанно вертится около своей оси и въ то же время обращается вокругъ солнца. Это свѣтило безпрерывно привлекаетъ къ себѣ землю, магнитною силою, и земля столкнулась бы съ солнцемъ, если бы другая сила, столь же могучая, также безпрерывно, не отвлекала ее отъ солнца. Эти двѣ равныя, противоположныя силы удерживаютъ земной шаръ на его кругообразномъ пути около солнца. Путь этотъ совершается съ такою неимовѣрною быстротою, что въ шестидесятую долю часа, то есть въ одну минуту земля протекаетъ двѣсти сорокъ нѣмецкихъ миль, или тысячу шесть-сотъ восемьдесятъ верстъ.

«Какъ ни изумительна такая быстрота, но еще удивительнѣе та скорость, съ какою солнце и звѣзды, въ лучахъ своихъ, посылаютъ намъ свѣтъ. Солнце такъ удалено отъ насъ, что на-

добно было бы поставить десять тысячъ такихъ же земель, какова наша, чтобы построить мостъ къ солнцу. Вообразите себѣ этотъ мостъ, составленный изъ десяти тысячъ скалъ, изъ которыхъ каждая была бы длиною болѣе нежели въ 11,900 верстъ; потому что таковъ діаметръ, или поперечникъ земли! Не смотря на эту отдаленность, лучъ солнечный достигаетъ до насъ въ семь минутъ съ половиною.

«Но многія солнца, которыя вы видите теперь надъ собою, такъ удалены отъ земли, что, не взирая на всю быстроту, съ какою посылается намъ свѣтъ, лучи ихъ доходятъ до насъ болѣе нежели черезъ тысячу лѣтъ. Если въ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ зажгутся новыя свѣтила, то жители земли узнаютъ о томъ не прежде, какъ черезъ тысячу лѣтъ! Если же нѣкоторыя изъ тѣхъ, кои мы видимъ теперь, погаснутъ, то на землѣ еще тысячу лѣтъ будутъ видны лучи ихъ, все на томъ же мѣстѣ.

«Вѣроятно, каждое изъ этихъ солнцевъ есть центръ своего міра, и также освѣщаетъ обращающіяся вокругъ него планеты. Смотрите, какое множество неподвижныхъ звѣздъ! Иныя разсыпаны, какъ купы острововъ, по этому не-

измѣримоу океану небесному; другія стѣснены такъ близко одна къ другой, что отсюда кажутся какимъ-то прозрачнымъ, блестящимъ туманомъ—и все это солнца!... Какое же неисчислимое множество земель, или планетъ совершаютъ свое теченіе вокругъ этихъ центровъ!

«Какъ же, смотря на все это дивное созданіе, не воскликнуть вмѣстѣ съ Пророкомъ—Псалмопѣвцемъ:

«Небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвъщаетъ твердь. День дни отрываетъ глаголъ, и ночь ночи возвъщаетъ разумъ. Не суть рѣчи ниже словеса, ихъ же не слышатся гласи ихъ: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ.»

Отецъ замолчалъ, а дѣти погрузились въ размышленіе, и въ безмолвномъ благоговѣніи смотрѣли на небо, устѣянное вѣковыми, блестящими свѣтилами.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ.

Вечеръ былъ ненастный, бурный; ужасно завывалъ вѣтеръ, поднимая цѣлыя тучи снѣга и ударяя ими въ окна; съ неба не только не проглядывала ни одна звѣздочка, но и самага неба не было видно: казалось, оно смѣшалось съ землею. Страшная мятель, бушевала съ необыкновеннымъ неистовствомъ и закрывала снѣжнымъ покровомъ всѣ предметы, такъ, что въ немногихъ шагахъ невозможно было ничего различить. Въ это время господинъ П...овъ спокойно сидѣлъ у камина съ двумя сыновьями. Яркое пламя освѣщало комнату и согрѣвало ихъ благотворною теплотою. Иногда блестящія искры, какъ бы играя, взлетали къверху, иногда же выпрыгивали вонъ и потухали на желѣзной доскѣ, лежавшей передъ камномъ. Каждый, смотря на огонь, дѣлалъ свои замѣчанія; напоследокъ Сережа сказалъ: «Отъ чего бы это было, что намъ такъ весело и въ дурную погоду? Я думаю, намъ не было бы такъ пріятно сидѣть у огня, еслибъ не слышны были эти страшные порывы бури, и еслибъ снѣгъ не стучалъ въ окна съ такою силою!»

Гриша подтвердилъ замѣчаніе старшаго брата, сказавъ: «Это правда!... Миѣ теперь почти также весело, какъ бывало лѣтомъ, когда, сидя подѣ старою липою, мы смотрѣли на стадо, возвращающееся домой съ пажити. А какъ можно сравнить этотъ бурный, ненастный вечеръ, съ тихимъ, яснымъ лѣтнимъ вечеромъ? Но все-таки, хотя лѣтомъ и лучше, мы съ весельемъ ждемъ зимы и всегда радуемся первому снѣгу!»

«Можетъ статься, намъ наскучило бы и прекрасное лѣто, еслибъ оно продолжалось всегда безсмѣнно! — сказалъ Сережа. — Намъ все хочется чего-нибудь новинькаго, хотя бы это новое и хуже было стараго!»

«Можетъ статься, — возразилъ отецъ, — не одна любовь къ переменѣ заставляетъ насъ находить пріятнымъ такой бурный вечеръ, который мы проводимъ спокойно, грѣясь передъ каминомъ, въ искреннихъ, сердечныхъ разговорахъ. Миѣ кажется, что чувство собственной нашей безопасности въ такую ужасную мять, и теплота огня, передъ которымъ мы сидимъ во время жестокаго холода, производятъ это удовольствіе, которымъ мы, до сихъ поръ, безсознательно наслаждались.»

Отецъ и дѣти развѣвали эту мысль все болѣе и болѣе; наконецъ Г. П...въ сказалъ, что даже самыя ужасныя явленія природы могутъ быть для человѣка источникомъ наслажденій. «Мы, говорилъ онъ, ежеминутно окружены опасностями, и каждый изъ насъ, болѣе или менѣе, похожъ на человѣка, спящаго на подкопѣ, наполненномъ порохомъ, къ которому стѣптъ только прикоснуться зажженнымъ фитилемъ, чтобы произвестъ гибельный взрывъ. Земля подъ нашими ногами, небо надъ нашею головою, наполнены губительными веществами, которыя всякую минуту могутъ соединиться для нашего уничтоженія. Одно мгновенное неравновѣсіе стихій производитъ ураганы, наводненія, землетрясенія. Но для истребленія нашего не нужны столь сильныя потрясенія природы: достаточно одной искры, загорѣвшейся въ воздухѣ, чтобы убить насъ!»

«Я объ этомъ еще никогда не думалъ! — воскликнулъ Гриша: — папенька, какъ это страшно!»

«Если природа такъ враждуетъ противъ человѣка, — сказалъ Сережа, — то какъ же онъ

можетъ считать себя главою созданія? Впередъ я этому вѣрить не буду!»

«Напрасно ты не хочешь этому вѣрить! — отвѣчалъ отецъ. — Человѣкъ точно есть глава созданія, и это всего замѣтнѣе въ то время, когда онъ безъ страха смотритъ на окружающія его опасности. Душа человѣческая превышаетъ силы природы. Она можетъ, въ своихъ враждебныхъ порывахъ, истребить его тѣло, но не властна унижить душу. Пускай возстанутъ всѣ стихіи противъ человѣка: онѣ разрушатъ его тѣлесный составъ; но то, что въ немъ есть лучшаго, духъ оживотворявшій его, останется цѣлымъ! Онъ не подвластенъ смерти.... Эта высокая мысль, эта вѣра въ безсмертіе души дѣлаетъ насъ безстрашными! И эта мысль, эта вѣра даны въ удѣлъ одному только человѣку; онѣ-то возвышаютъ его надъ прочими тварями и даютъ ему возможность не только съ наслажденіемъ смотрѣть на ужасы природы, но даже изучать ея тайны.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ Неаполѣ, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ изверженія Везувія.... При наступленіи ночи я

пошелъ на берегъ моря, куда собралось уже множество народа, ожидавшаго въ страхѣ и недоумѣніи послѣдствіи этого ужаснаго событія. Густыя облака висѣли надъ вершиною горы, изъ которой ежеминутно излетали молніи. Пламя, извергаемое кратеромъ, подернуло небо багровымъ свѣтомъ; громъ грохоталъ въ нѣдрахъ горы, и по временамъ были ощутительны лёгкіе удары землетрясенія.... Все наше вниманіе было устремлено на это явленіе, столь же страшное, какъ привлекательное. Между тѣмъ надъ моремъ взошла луна, и кроткое ея сіяніе отражалось въ волнахъ залива. Увидя ее, я забылъ объ ужасахъ волкана, и многіе вмѣстѣ со мною отворотились отъ этого грознаго зрѣлища и смотрѣли на тихую сопутницу ночи. Она уподоблялась добродѣтельной, возвышенной душѣ, взирающей спокойно на возстаніе стихій, предающейся съ покорностію волѣ Провидѣнія, и съ тихимъ упованіемъ на благость Божію торжествующей надъ всѣми бѣдствіями жизни.»

А. Зонтагъ.

ПОРАЖЕННЫЙ ОРЕЛЬ.

(Сказка.)

Разъ, въ знойный лѣтній день, шумно подымалось съ земли все птичье царство; стадами слетались птицы къ великому Черному морю. Вороны и галки, какъ трубачи, метались во всѣ стороны, громко сзывая знакомыхъ и незнакомыхъ. Болтливыя газетчицы-сорочки первыя поспѣли явиться на берегъ моря; туда же прилетѣлъ и воронъ, старая, зловѣщая птица; туда же явился и красноногій аистъ, ученый путешественникъ, только что возвратившійся изъ отдаленной земли, съ таинственныхъ пирамидъ Египта, отъ желтого, вѣчнаго Нила, отъ друзей своихъ—

Сфинксовъ, полузасыпанныхъ горючими песками пустыни; наконецъ прилетѣла и молодая, прекрасная лебедь, въ великомъ, сердечномъ горѣ; но и счету не было всѣмъ вольнымъ птицамъ, слетѣвшимся къ зеленымъ, роскошнымъ волнамъ Чернаго моря.

Рядамъ сажались онѣ вокругъ высокой горы, давно уже названной отъ людей Чатырь-Дагомъ. Но вы любопытны, вижу я, узнать, за чѣмъ слетались туда вольныя птицы? Для чего онѣ сажались густыми рядами вокругъ Чатырь-Дага? Неожиданная, печальная вѣсть созвала туда вдругъ все пернатое племя: славная птица орелъ ударился могучею грудью о гранитный утесъ Чатырь-Дага,—и упалъ стремглавъ въ мрачную, бездонную пропасть. Объ этомъ-то теперь нестройно шумитъ весь птичій народъ: самые странные толки, самыя язвительныя рѣчи идутъ между птицъ о погибшемъ орлѣ; но всѣхъ громче и злѣй поносятъ его зловѣщій воронъ. «Я знаю, кричитъ черный воронъ, что ненавистный орелъ питался только свѣжимъ мясомъ, пилъ одну горячую кровь; я знаю еще и то, что былъ онъ страшный, безбожный вольнодумецъ: не

онъ ли одинъ, — ссылаюсь я на всѣхъ васъ, — уносился всегда за облака, подъ самое небо, и вѣчно смотрѣлъ дерзко и прямо въ пламенные очи самому солнцу? Я удивляюсь лишь тому, какъ только могли еще терпѣть его въ нашемъ благонравномъ, поднебесномъ царствѣ!»

Такъ неблагоклонно поносили птицы память погибшаго орла. Одна только молодая, прекрасная лебедь стонала тихо, убиваясь у корней высокой чинары: ея граціозно-стройная шея, бѣлая, какъ заоблачный снѣгъ, упала недвижно на сырую землю; посинѣвшія вѣки полузакрыви ея нѣжныя, потухающія очи. Но вотъ, и къ ней подлетѣла долгоногая цапля, болотная птица, вѣчная завистница всѣмъ прекраснымъ птицамъ; злобно начала она теперь издѣваться надъ сокрушительной печалью страдальцы. «Оставь меня, злая птица, скорбно молвила ей, простонавъ, молодая лебедь. Что нужды вамъ до меня и что мнѣ теперь до всѣхъ васъ? Опъ былъ одинъ такъ прекрасенъ и могучъ, такъ гордъ и великодушенъ — мой ненаглядный орелъ! Легче, о легче, было бы мнѣ разбиться самой о чер-

ный утесъ моеѣ бѣлою грудью. О! дайте мнѣ умереть подъ этой зеленой чинарой.»

Тутъ важно выступилъ впередъ анстъ, стоявшій до тѣхъ поръ молча, на одной ногѣ, по своему обыкновенію, и слушавшій долго птичій шумный говоръ. «Послушайте наконецъ меня, сказалъ онъ имъ громко и гнѣвно: дивуюсь я и не могу надивиться вашей завистливой клеветѣ, вашему злобному, низкому веселью. Право, вы, воздушные, поднебесные жители, вы, ни дать, ни взять, какъ люди: пока у васъ былъ живъ могучій орелъ, вы не смѣли на него поднять даже и глазъ своихъ, чуть почувете, бывало, полетъ его; А теперь... мой бѣдный орелъ! Я не спору, и у него были недостатки и слабости, были заблужденія — общее наслѣдство смертности; но за то у него были и блистательныя достоинства, великія добродѣтели; вы же, несчастныя, вы не можете даже и падать такъ, какъ падаетъ орелъ, Зевесова птица! Не хочу я оставаться съ вами долѣе! Прощай навсегда, гора Чатыръ-Дагъ!»

Но въ это самое время сурово и гордо поднялся изъ мрачнаго ущелья, отдохнувшій отъ

удара, ширококрымый орелъ..... Никогда, казалось, не былъ онъ такъ царственно-прекрасенъ и величественъ! Онъ устремилъ полетъ свой, стремительный, какъ молнія, прямо къ родному, пламенному солнцу и скоро исчезъ въ голубыхъ пространствахъ неба, не бросивъ даже и взгляда на нестройно шумныя стада презрѣнныхъ враговъ.

В. Красовъ.

МОЛИТВА.

(Изъ Виктора Гюго.)

Дитя мое! молись вотъ ночь уже слетаетъ,
И мѣсяцъ золотой сквозь облако мелькаетъ;
Прозрачный, тонкій паръ колеблетъ тѣнь
холмовъ;
Чуть слышный легкій шумъ въ долинѣ пеще-
заетъ....

Все тихо, все молчитъ, и древо отряхаетъ
При легкомъ вѣтеркѣ дневную пыль съ листовъ.

Въ часъ этотъ ангелы мольбамъ дѣтей вни-
мають,
И люди средь утѣхъ безсмысленныхъ блуж-
даютъ;

А дѣти свѣтлый взоръ возведши къ небесамъ,
Сложивши руки всѣ, колѣна преклоняя,
Съ улыбкой ясною, усердіемъ пылая,
Прощенья у Творца испрашиваютъ намъ.
И вотъ они заснутъ, подъ тѣнію nocturnoю.

Видѣнія, какъ рой, безчисленной толпою,
Рожденной вечеромъ, въ часъ гаснущихъ
лучей,
При видѣ этихъ устъ съ улыбкою пріятной,
Какъ пчелы въ лѣтній день надъ розой аро-
матной,
Игриво спустятся надъ ложами дѣтей.

О сонъ невинности! О дѣтскія молитвы!
Отрадный чистый гласъ, онъ не пророчитъ
битвы,
Религія души, онъ радость въ душу льетъ,
Начальный чудный гимнъ гармонія полночной.
Какъ птичка вольная, ребенокъ безпорочный,
Съ молитвой на устахъ, сномъ ангела заснетъ.

Дитя мое! молись, молись за мать сначала:
Она и колыбель твою въ полночь качала,
И душу въ небесахъ тебѣ она взяла,
И въ этотъ міръ тебя съ любовью поселила,
Всѣ муки горести одна переносила,
А радости тебѣ съ восторгомъ отдала.

М. Котельниковъ.

* * *

Будь умна,
Учена,
Но скромна.
Будь остра,
Будь хитра,
Но добра.
Не бѣла,
Не ала,
А мила,
Будь, душа,
Хороша,
Пригожа;
Но отнюдь
Не забудь,
Что ни чуть
Ты одной
Красотой
Молодой,
Не прельстишь,
Не плѣнишь.
Такъ смотри жъ:
Не лицомъ,
А умомъ,
А добромъ

Удивляй,
Утѣшай'
И плѣняй
Всѣ сердца.
А пѣвца
До конца
За совѣтъ,
За привѣтъ,
Ты, мой свѣтъ,
Чуръ отнюдь
Не забудь!
Вѣчно будь
Дорогой
Мнѣ родной;
И съ судьбой
Вѣкъ въ ладахъ —
Не въ бѣдахъ,
Не въ слезахъ,
Подрастай,
Разцвѣтай,
И свершай
Жизни свой
Путь, другъ мой,
Золотой.

Н. Сушковъ.

ВАНИЧКА - СЕРПНАЧЬ.

Давно, очень давно, — едва ли кто припомнитъ теперь того старичка, который разсказывалъ эту повѣсть, — печально сидѣлъ у дороги маленькій мальчикъ, очень дурно одѣтый, и думалъ, гдѣ бы достать ему что-нибудь поѣсть. Былъ уже вечеръ, а онъ, бѣдняжка, не ѣлъ съ самаго утра.

У бѣднаго Вани, — такъ звали того мальчика, — не было матери: она недавно умерла; а отецъ его былъ дурной человѣкъ. Его нельзя было бы назвать такимъ, еслибъ не было у него гадкаго порока: онъ очень любилъ пить вино, и когда напивался, то кричалъ и бранился съ утра до вечера, и билъ бѣднаго Ваню, какъ билъ прежде мать его.

Бѣдная женщина много отъ него терпѣла и плакала, и наконецъ умерла съ печали. Ваня тоже плакалъ, но только до тѣхъ поръ, пока отецъ билъ его; а потомъ опять забывалъ свое горе, опять дѣлался веселъ и доволенъ, и ласкался къ отцу своему. Изъ этого видно, что у Вани было доброе сердце и чистая совѣсть, и что онъ не былъ злопамятенъ.

Отецъ Вани былъ деревенскій музыкантъ; онъ игралъ на скрипкѣ, когда крестьяне и крестьянки забавлялись пляскою. Гдѣ только была свадьба или именины, — туда непременно приглашали и его со скрипкою. Прежде игралъ онъ очень хорошо; но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ онъ пить, скрипка его стала такъ ужасно визжать, что собаки и кошки выходили изъ терпѣнья; и пачинали выть, визжать и мяукать, заслыша игру его. Впрочемъ крестьянамъ было все равно — хорошо или дурно онъ играстъ, лишь бы только можно было имъ попрыгать; но у бѣднаго Вани разрывалось сердце: онъ очень любилъ скрипку и зналъ, что у нея хорошій голосъ, если бъ только отецъ захотѣлъ играть на ней какъ слѣдуетъ.

Отецъ, возвратясь домой, вѣшалъ скрипку на гвоздь, и Ваня смотрѣлъ съ сожалѣніемъ, какъ она, бѣдная, была вся въ пыли, и глухо стонала, когда отецъ храпѣлъ, лежа на своей постелѣ. Однажды онъ рѣшился даже сказать ему: «Ахъ, батюшка, ты совсѣмъ не бережешь эту милую скрипку; посмотри, и она также умретъ, какъ умерла моя матушка.»

Отецъ сначала удивился этимъ словамъ, но потомъ разсердился, взялъ палку и прибилъ бѣднаго мальчика такъ больно, какъ никогда не бывалъ.

На этотъ разъ Ваня плакалъ долѣе обыкновеннаго; но — вотъ чудо! — скрипка, которая висѣла на стѣнѣ, какъ будто сожалѣя о немъ, тихо зазвучала ему въ голосъ. Когда Ваня услышалъ это, ему стало еще грустнѣе, и такъ почти цѣлый часъ онъ и скрипка плакали вмѣстѣ.

Но всему есть конецъ — и радости и печали. Ваня пересталъ плакать, скрипка также замолчала; но какъ мила стала она ему съ этой минуты! Онъ приставилъ стулъ къ стѣнѣ, досталъ скрипку съ гвоздя, и сталъ очищать ее отъ пыли и грязи; потомъ навязалъ на нее

четвертую, самую тоненькую струну, которая называется квинтою, и которая была оборвана, настроилъ ее какъ должно, и приведя все въ порядокъ, нѣжно поцѣловалъ скрипку, и хотѣлъ повѣсить ее на прежнее мѣсто. Но вдругъ скрипка прошептала ему ласково : «Добрый Ваня! милый мальчикъ! я съ тобой хочу остаться; буду пѣть тебѣ я нѣсни, утѣшать тебя въ печали, или въ радости смѣяться.»

— Ахъ, нѣтъ, пѣть! — отвѣчалъ Ваня, — если батюшка услышитъ насъ вмѣстѣ, то больно приѣдетъ меня, да и тебѣ отъ него достанется.

А скрипка отвѣчала ему:

— Нѣтъ, не бойся, милый мой,
Онъ про это не узнаетъ:
Онъ до ночи прогуляетъ.
Ты возьми меня съ собою,
Мы пойдемъ съ тобой въ лѣсочикъ,
Гдѣ струится ручеекъ,
Гдѣ соловушко живетъ,
Гдѣ онъ пѣсенки поетъ.
Тамъ тебя я, милый Ваня,
Научу на мнѣ играть,
Тамъ всѣ птички нашимъ пѣснямъ
Будутъ дружно подпѣвать.

— Славно! славно! — закричалъ Ваня, захлопавъ въ ладоши; поспѣшно снялъ со стѣны смычекъ, взялъ скрипку подѣ-мышку, и побѣждалъ въ лѣсъ къ ручью.

— Здравствуй, Ваня! — прожурчалъ ему ручей.

— Здравствуй, Ваня! — прошептали всѣ деревья и цвѣточки.

— Ку-ку! — закричала кукушка, — вотъ новый музыкантъ! Здравствуй, Ваня! ку-ку! ку-ку! — И всѣ малиновки, синички, овсянки и чижички пропѣли ему въ одинъ голосъ: «здравствуй, Ваня!»

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! — сказалъ Ваня, сѣлъ на берегу ручья, взялъ въ руки скрипку и попросилъ се, чтобъ она показала ему, какъ играть на ней.

Она объяснила ему все, что онъ долженъ дѣлать, потомъ скликала всѣхъ птичекъ, чтобъ и онѣ поучили его. Онѣ тотчасъ прилетѣли, сѣли кругомъ на вѣточкахъ, и каждая подала ему свой голосъ, а онъ сталъ искать этотъ голосъ на скрипкѣ, и такъ отыскалъ первые семь звуковъ: *ut, re, mi, fa, sol, la, si*. Это ему такъ хорошо удалось, что всѣ птички закричали: «браво! брависсимо!»

Но вотъ прилетѣлъ соловей и сказалъ: «теперь я буду пѣть. Ваня будетъ капельмейстеромъ, и станетъ мнѣ подыгрывать на скрипкѣ, ручей долженъ пѣть басомъ, а вы всѣ составьте хоръ.»

—Послушай, соловушко!—сказалъ Ваня,—а ты забылъ про полевые колокольчики; пусть и они звенятъ въ нашемъ концертѣ, только погромче.

—Да, это правда,—сказалъ соловей;—слышите, колокольчики, что приказалъ г. капельмейстеръ? звените же хорошенько.

Тутъ Ваня махнулъ смычкомъ—и концертъ начался: соловей запѣлъ,—ахъ! какъ хорошо пѣлъ онъ! Ваня подыгрывалъ ему на скрипкѣ, ручей гудѣлъ басомъ, колокольчики звенѣли, а всѣ прочіе голоса тихо, тихо подпѣвали ихъ музыкѣ.

Олени и лани пришли ихъ слушать изъ глубины лѣса; рѣзвые бѣлочки скакали кругомъ по деревьямъ; зайчики сидѣли на заднихъ лапкахъ, наостривъ уши, а деревья качали въ тактъ своими кудрявыми вершинами.

Такъ игралъ Ваня до вечера; но вотъ солнышко сбло, и ему надобно было воротиться домой.

— Прощайте, мои милые пѣвцы! — сказалъ онъ птичкамъ.

— Прощай, нашъ капельмейстеръ! — отвѣчали птички, — приходи къ намъ скорѣе.

А соловушко запѣлъ ему:

Милый Ваня! до свиданья!
 Приходи скорѣе къ намъ:
 Разнымъ пѣсенкамъ пріятнымъ
 Научу тебя я самъ.
 Въ нашихъ рощахъ веселѣе
 Во сто разъ,
 Чѣмъ у васъ;
 Такъ скорѣе же, скорѣе
 Будь у насъ!
 Будь у насъ!

Съ этихъ поръ Ваня каждый день приходилъ въ лѣсъ, и съ каждымъ днемъ увеличивались его успѣхи въ музыкѣ.

Между тѣмъ отецъ Ванн, видя, что у него дома большой безпорядокъ, задумалъ жениться въ другой разъ. Онъ долго искалъ себѣ невѣсту, потому что ни одна дѣвушка изъ всей

деревни не хотѣла идти за него, зная его дурное поведеніе; наконецъ одна бѣдная вдова, которой нечего было ѣсть, рѣшилась быть его женою. И вотъ они женились. Но онъ скоро замѣтилъ, что эта вторая жена его не похожа на прежнюю жену. Она ничего не давала пить ему, кромѣ чистой воды, и даже отнимала у него всѣ деньги, какія онъ зарабатывалъ; а если замѣчала, что онъ приходилъ домой не въ трезвомъ видѣ, то поднимала такую войну, что хотъ бѣгти изъ дому. Поздно замѣтилъ онъ свою ошибку; но дѣлать было нечего,—пришлось самому терпѣть отъ этой жены то, что первая жена терпѣла отъ него. Пріунылъ нашъ гуляка, повѣсилъ голову, и сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ: бывало, онъ по цѣлымъ днямъ гулялъ и веселился, теперь ему ужъ было не до того. Печальный и задумчивый, ходилъ онъ теперь, и вспоминая свою покойную жену, глубоко сожалѣлъ объ ней и раскаявался, что такъ дурно обходился съ нею.

Однажды вечеромъ, когда онъ былъ печальнѣе обыкновеннаго, Ванѣ стало жаль его; онъ взялъ скрипку и сталъ играть на ней

такъ хорошо, что отецъ остолепѣлъ отъ удивленія, и слушая чудесную игру его, не замѣчалъ, какъ слезы текли у него по щекамъ.

Но когда Ваня кончилъ, отецъ бросился обнимать его, и снова заплакалъ, но ужъ отъ радости.

— Ваничка! милое дитя мое! какъ хорошо ты играешь! — говорилъ онъ вѣ себя отъ восхищенія:—о, теперь я никогда не буду бить тебя, и попрошу твою мачиху, чтобъ и она тебя не била; я пошлю тебя въ училище, чтобъ ты могъ тамъ чему-нибудь научиться и сдѣлаться человѣкомъ.

Но мачиха была совсѣмъ другихъ мыслей: она хотѣла отослать Ваню въ ближній городокъ, къ брату своему, портному, у котораго онъ долженъ былъ учиться этому ремеслу.

Когда же Ваня сказалъ ей: «но я не хочу быть портнымъ,» она крикнула на него: «ты долженъ!» и дала ему такую пощечину, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Отцу жаль было бѣднаго Ваню, но онъ ничего не смѣлъ сказать.

На другое утро, когда было еще совсѣмъ темно, онъ тихо пробрался въ кладовую, взялъ оттуда два-три пирога, кусокъ жареной телятины и нѣсколько хлѣба, положилъ все это въ мѣшокъ, и вошелъ въ ту комнату, гдѣ спалъ Ваня.

Мальчикъ спалъ очень сладко, и видѣлъ во снѣ свой любимый лѣсъ съ его птичками; окно было открыто, и прохладный утренній вѣтерокъ игралъ струнами скрипки, которая висѣла на стѣнѣ надъ головою Вани.

Отецъ нѣсколько времени любовался спящимъ мальчикомъ, и ему жаль было разбудить его. Наконецъ онъ наклонился къ нему и поцѣловалъ его въ щеку. Ваничка открылъ глаза и сказалъ впросонкахъ: «чего ты хочешь, соловушко?»

— Что ты говоришь, Ваня? проснись!—сказалъ ему отецъ,—я не соловей, я отецъ твой.

— Ахъ, батюшка!—сказалъ Ваня, вскочивъ съ постельки, — какой же ты нынче ласковій.

— Одѣнься скорѣе, Ваня,—сказалъ отецъ,—возьми скрипку и пойдемъ со мною, да смотри, другъ мой, потише, чтобъ никто не услышалъ.

Ваня проворно исполнилъ все, что приказалъ отецъ: одѣлся, снялъ со стѣны скрипку со смычкомъ, и тихо вышелъ за отцомъ изъ дому.

Оба молча пошли къ лѣсу. Когда они пришли къ ручью, отецъ сказалъ Ванѣ:

— Сядемъ здѣсь, Ваничка, и слушай внимательно, что я буду говорить тебѣ.

Они сѣли, и отецъ продолжалъ:

— Вотъ видишь ли, дитя мое, я много виноватъ передъ твоею покойною матерью; мое дурное обхожденіе съ нею, можетъ статься, свело се прежде времени въ могилу. Господь наказалъ меня за это, давъ мнѣ такую злую вторую жену, какова твоя мачиха; я признаю справедливость и пользу этого наказанія, и буду сносить его, пока угодно будетъ Богу облегчить мою участь. Но ты, мой милый, не долженъ за меня терпѣть, и потому я отпускаю тебя на чужую сторону. Господь сохранить невиннаго малютку, а добрые люди, которыхъ вездѣ довольно, дадутъ пріютъ и помощь бѣдному мальчику. Я увѣренъ, что и тебя они не оставятъ, если только услышатъ игру твою. А если когда-нибудь достигнешь

ты счастья, то вспомни о бѣдномъ отцѣ своемъ, и приди къ нему на помощь, если Богъ не приберетъ его до того времени. Теперь прощай, мой милый! Господь да благословить тебя! Прощай!

Ваня со слезами бросился на шею къ отцу, и не хотѣлъ съ нимъ разлучаться; но отецъ сказалъ ему:

— Не плачь, дитя мое, а дѣлай такъ, какъ я сказалъ тебѣ; я знаю лучше, что тебѣ полезно.

Между тѣмъ свѣжіи утренній вѣтеръ закачалъ вершины деревьевъ, листья зашумѣли, а на востокъ показались первые лучи утра.

— Если у тебя не озябли руки, Ваня, — сказалъ ему отецъ, — то сыграй мнѣ что-нибудь на прощанье.

Ваня тотчасъ взялъ скрипку и началъ играть; птички услышали это, слетѣлись къ нему со всѣхъ сторонъ, и стали подпѣвать ему:

Тирили! тирили!

Куку!

Черезъ горы, черезъ лѣсъ,
Позлащая край небесъ,

Красно солнышко глядитъ,
И улыбкой насъ даритъ.

Тирили! тирили!

Куку!

* * *

Тирили! тирили!

Куку!

Вѣтъ свѣжій вѣтерокъ,
По песку журчитъ потокъ,
Отражая небеса,
На цвѣтахъ блеститъ роса.

Тирили! тирили!

Куку!

* * *

Тирили! тирили!

Куку!

Ну, подруженьки, бодрѣй!
Собирайтесь поскорѣй!
Вѣдь ужъ солнышко взошло
Такъ прекрасно и свѣтло!

Тирили! тирили!

Куку! куку!

Тирили-ли-ли-ли-ли!

Куку!

Такъ игралъ Ваня и цѣли птички. Когда онъ кончилъ и оглянулся къ отцу, то его уже не было: онъ удалился, закрывъ лицо руками. Ваня хотѣлъ было бѣжать за нимъ, но, вспомнивъ его приказаніе, остановился. Онъ сначала не зналъ, что ему дѣлать, но рѣшился положить на Бога, который все устроиваетъ къ лучшему.

Прежде всего онъ умылся въ лѣсномъ источникѣ, прочиталъ утреннюю молитву и сталъ завтракать; но онъ не забылъ и птичекъ, и подѣлился съ ними своимъ завтракомъ. Потомъ онъ вычистилъ свою скрипку, настроилъ ее какъ должно, и повторилъ на ней всѣ ноты, чтобъ онѣ тверже остались у него въ памяти. Потомъ на удачу пошелъ по тропинкѣ.

Такъ шелъ онъ цѣлый день, а лѣсу и конца не было; но Ваню это ни мало не беспокоило: запасъ въ его мѣшкѣ былъ довольно великъ, да и скучно ему не было, — скрипка рассказывала ему дорогой веселенькія сказки, а по временамъ попадались ему знакомые щегленки, зяблики, овсянки и другія птички, которыя цѣли ему свои пѣсенки.

Но вотъ солнышко стало садиться и послѣдними лучами своими освѣщало вершины деревьевъ, вотъ оно совсѣмъ зашло, и въ лѣсу съ каждою минутою становилось темнѣе. Но вскорѣ съ противоположной стороны возшелъ полный мѣсяцъ, и миллионы свѣтляковъ замелькали по кустамъ и деревьямъ. Тутъ увидѣлъ Ваня довольно большое озеро, въ которомъ ярко отражался мѣсяцъ; въ это время соловей началъ свою вечернюю пѣсню.

Это мѣсто такъ понравилось Ванѣ, что онъ рѣшился провести тутъ ночь. Онъ выбралъ себѣ удобное мѣстечко для ночлега на мягкой травѣ, поужиналъ, помолился Богу, легъ и хотѣлъ было уснуть; какъ вдругъ по всему лѣсу распространился какой-то нѣжный, голубоватый свѣтъ, какъ будто не одна, а три луны освѣтили окрестность. Но это еще ничего: вдругъ между кустовъ послышался ему тихій шорохъ, и изъ всѣхъ окружныхъ цвѣточковъ вышли нѣжныя, маленькія созданія, съ виду похожія на человѣка, но такія прекрасныя и легкія, что всякій могъ догадаться, что это не люди, а духи. Всѣ они были ростомъ съ Ваню, но лицомъ они были точно юноши

и дѣвицы; они были одѣты въ прозрачныя платья, а на головѣ ихъ были вѣнки изъ лиліи, которыя блестѣли какъ серебро. Двое изъ нихъ—чудесной красоты юноша и дѣвица—были ростомъ нѣсколько выше другихъ, и на головѣ, вмѣсто вѣнковъ, имѣли серебряныя короны.

— Это вѣрно король и королева,—подумалъ Ваня, притаившійся подъ кустомъ.

Король выбралъ мѣсто, которое было болѣе освѣщено мѣсяцемъ, тронулъ землю своимъ скиптромъ изъ лилій, и вдругъ выросли изъ земли серебряныя лиліи и образовали великолѣпный тронъ, на которомъ сѣли король и королева; прочіе эльфы (*)—такъ назывались эти духи—помѣстились кругомъ на цвѣтахъ, и качаясь на нихъ, весело играли между собою и пили изъ цвѣточныхъ чашечекъ медовую росу. Но когда мѣсяцъ сталъ высоко надъ самымъ лѣсомъ, и все погрузилось въ какую-то торжественную тишину, король подалъ знакъ скиптромъ, и всѣ эльфы начали свой танецъ и запѣли:

(*) Эльфами въ сѣверной мифологіи называются маленькіе духи, живущіе въ цвѣтахъ и деревьяхъ.

Эльфы, эльфы! разовьейся,
Эльфы, эльфы! понесемся

Высоко,
Далеко!

Не увидятъ смертныхъ очи,
Какъ при свѣтѣ лунной ночи,

Надъ землею
И летаетъ,
И играетъ
Эльфовъ рой.

*
* *

Свѣтитъ мѣсяцъ величавый
На долины и дубравы;
Сладкимъ сномъ окрестность спитъ.
Пойте, эльфы, хоръ завѣтный,
Пусть онъ стройно и привѣтно
Въ часъ безмолвія звучитъ.

*
* *

Эльфы, эльфы! понесемся!
Эльфы, эльфы! соберемся!
Дружно хоръ свой запоемъ
При безмолвіи nocturno.

*
* *

Сводъ небесный голубой!
Какъ ты чуденъ и прекрасенъ!
Мѣсяцъ, мѣсяцъ золотой!
Какъ ты свѣтелъ, какъ ты ясенъ!

Какъ отрадно намъ играть
 При твоёмъ сіяньѣ чистомъ,
 И по цвѣтикамъ душистымъ
 Роемъ радостнымъ порхать!

Эльфы! тише!
 Замолчимъ!
 Выше, выше
 Полетимъ!

И въ самомъ дѣлѣ, эти пѣжныя созданья унеслись въ вышину, и пѣсня ихъ становилась все тише и тише, пока совсѣмъ умолкла въ отдаленіи.

— Что я слышалъ! ахъ, что я слышалъ! — вскричалъ Ваня, вскочивъ съ земли: — скрипочка! милая скрипочка! слышала ли ты это?

— Разумѣется, слышала, — прошептала скрипка, — это пѣсня эльфовъ, отъ которой всѣ люди приходятъ въ восхищеніе.

— Можешь ли ты мнѣ спѣть ее? — спросилъ Ваня.

— Возьми меня и попробуй, — отвѣчала скрипка.

Ваня взялъ ее, и хотѣлъ было играть; но вдругъ прилетѣлъ соловей, и сказалъ ему:

— Не теперь, Ваня, и не здѣсь въ лѣсу; ради Бога, не здѣсь. Если ты теперь станешь играть

эту пѣсню, то всѣ эльфы придутъ назадъ, и защитятъ тебя до полусмерти, и заколдуютъ твою скрипку такъ, что она никогда не будетъ играть: вѣдь они не любятъ, чтобъ ихъ подслушивали. Подожди, пока разсвѣнетъ, — тогда я выведу тебя изъ лѣсу.

— Спасибо тебѣ, соловушко! — сказалъ Ваня, и отложивъ въ сторону скрипку, легъ на траву и заснулъ сладкимъ сномъ. А соловушко сѣлъ надъ нимъ на вѣткѣ дерева, и запѣлъ свою чудную пѣсню.

Когда солнышко взошло, Ваня проснулся, вспомнилъ все, что было, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени, когда ему можно будетъ повторить пѣсню эльфовъ. Онъ проворно умылся, помолился усердно Богу, поѣлъ немножко, и сказалъ: — Ну, соловушко, я готовъ.

И соловей полетѣлъ передъ нимъ и вскорѣ показалъ ему не вдалекѣ большую дорогу. Тогда всѣ птички пропѣли ему хоромъ: «прощай, Ваня! приходи къ намъ скорѣе!» — Ваня простился съ ними и вышелъ на большую дорогу.

Тутъ первымъ дѣломъ его было настроить свою скрипку и попробовать на ней пѣсню эльфовъ. Она удалась ему почти съ разу. Онъ по-

вторгалъ ее еще нѣсколько разъ, и каждый разъ она удавалась ему все лучше и лучше. Сынъ гравъ въ послѣдній разъ, онъ закричалъ съ восхищеніемъ : « скрипочка ! мы знаемъ нѣсенку ! » — и тутъ онъ, довольный собою, весело принялся за завтракъ.

Между тѣмъ солнышко стало припекать, и Ваня смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ убѣжища отъ зноя. Въ сторонѣ отъ большой дороги видна была большая деревня, но до нея было почти три версты. Ваня пошелъ къ ней.

Было уже за полдень, когда онъ пришелъ туда; изъ оконъ домовъ доносился къ нему паръ теплаго кушанья, который возбуждалъ и въ немъ аппетитъ; но въ мѣшкѣ его ужъ ничего не осталось, и онъ не зналъ, гдѣ бы достать ему что-нибудь поѣсть.

Такъ стоялъ онъ въ раздумьѣ у дверей трактира, изъ окна котораго выглядывало толстое и румяное лицо трактирщика въ бѣломъ колпакѣ; а внутри за накрытыми столами сидѣло нѣсколько человѣкъ за обѣдомъ.

Ваня подошелъ ближе къ окнамъ, и заглянулъ на разставленное на столахъ кушанье. Толстый хозяинъ замѣтилъ его и сказалъ ему:

— Эй, ты, дуралей! чего ты тутъ зѣваешь? или тебѣ хочется чего-нибудь поѣсть, такъ возьми свою скрипку и съиграй гостямъ моимъ веселую пѣсенку, чтобъ имъ вкуснѣе былъ обѣдъ.

Ваня не заставилъ просить себя два раза, тотчасъ взялъ скрипку и началъ играть пѣсню эльфовъ.

Господи! какъ изумился хозяинъ, услышавъ эту чудную пѣсню! Онъ развѣсилъ уши и онѣмѣлъ отъ восхищенія, а у почтенныхъ гостей выпали изъ рукъ ножи и вилки. Прислуга забыла про угощенье, а гости про ѣду, — всѣ бросились къ окнамъ, и черезъ минуту почти вся деревня сбѣжалась слушать Ваню. Старики притаили дыханье, молодые люди столпились въ кучу и улыбались отъ удовольствія, а маленькіе мальчики и дѣвочки прыгали вокругъ Вани, который все игралъ, и чѣмъ долѣе, тѣмъ лучше.

Наконецъ рука его устала и смычекъ опустился. Тогда всѣ вздохнули, какъ будто пробудившись отъ сладкаго сна; а толстый трактирщикъ сказалъ со слезами:

— Жаркаго сюда! дайте жаркаго этому славному мальчику, этому чудному музыканту! дайте ему салату и соусу, сколько онъ захочетъ, дайте всего, чего онъ только спроситъ! я ни въ чемъ не откажу ему.

Потомъ онъ выбѣжалъ къ нему на улицу, обнялъ и поцѣловалъ его горячо, и ввелъ его въ комнату, и посадилъ на почетное мѣсто, и сталъ угощать, какъ нельзя лучше.

Послѣ обѣда призывалъ онъ деревенскаго портнаго и заказалъ ему для Вани новое платье, а сапожникъ сдѣлалъ ему пару сапогъ, а староста подарилъ ему хорошенькую шляпу, а старостиха полдюжины новыхъ сорочекъ и столько же паръ чулокъ, — словомъ, всѣ подавали ему столько, что онъ ужъ ни въ чемъ не имѣлъ недостатка.

Съ недѣлю прогостилъ онъ въ деревнѣ, забавляя жителей своею игрою; наконецъ простился съ добрымъ хозяиномъ, который былъ бы радъ никогда съ нимъ не разставаться; но онъ зналъ, что Ванѣ надо идти странствовать, и не смѣлъ его удерживать долѣе. Онъ далъ ему на дорогу и денегъ, и припасовъ, и прощаясь съ нимъ, сказалъ ему:

— Ступай съ Богомъ, дитя мое! да сохранить тебя Господь! а если придешь въ какой-нибудь городъ, то начини только играть, — и тебѣ никогда не будетъ недостатка ни въ похвалѣ, ни въ деньгахъ. Съ твоимъ искусствомъ ты вездѣ найдешь себѣ хорошій пріемъ.

Ваня былъ до слезъ тронутъ его ласкою, и простился съ нимъ, какъ сынъ прощается съ отцомъ своимъ.

Такъ ходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и гдѣ только ни игралъ онъ, вездѣ сбѣгались къ нему старъ и младъ, и не могли наслушаться чудесной игры его. Но когда игралъ онъ пѣсню эльфовъ, всѣ приходили въ такое восхищеніе, что готовы были все отдать ему, если бы онъ только захотѣлъ что-нибудь попросить.

Вотъ минуло ему уже 18 лѣтъ, и онъ сталъ прекраснымъ юношею, съ большими черными глазами, съ длинными каштановыми локонами и свѣжими, розовыми щеками. Денегъ у него не было, потому что онъ не дорожилъ ими; но какъ онъ сохранилъ въ чистотѣ свое доброе сердце, то всѣ птички,

цвѣты и деревья по прежнему любили его, и часто съ нимъ бесѣдовали; и скрипка никогда не оставляла его, и становилась все звучнѣе, чѣмъ долѣе была при немъ.

Ваня и скрипка его такъ прославились повсюду, что маленькія дѣти хлопали отъ радости въ ладоши, когда слышали про Ваничку-скрипача, какъ называли его вездѣ.

Такъ однажды пришелъ онъ въ государство, въ которомъ однакожъ не позволено было играть, потому что недавно умерла тамъ королева, а прекрасная принцесса, дочь ея, была при смерти больна отъ печали, потерявъ свою мать, которую нѣжно любила. Король, отецъ ея, былъ въ отчаяніи отъ болѣзни единственной своей дочери, и обѣщалъ отдать половину своего царства тому, кто спасетъ отъ смерти милую принцессу.

Но это никому не удавалось. Хотя всѣ ученые доктора сказали въ одинъ голосъ, что стоитъ только развеселить ее, и тогда она будетъ спасена; но никто не зналъ, какъ это сдѣлать, и всѣ попытки оставались безъ успѣха.

Тогда король велѣлъ публично объявить, что тотъ, кто вымечитъ дочь его, будетъ пер-

вымъ человѣкомъ во всемъ государствѣ, и если она захочетъ выйти за него замужъ, то онъ будетъ его наслѣдникомъ послѣ его смерти.

Но никто не смѣлъ явиться на этотъ вызовъ, потому что всѣ доктора объявили, что невозможно спасти принцессу.

Ваня узналъ про это и подумалъ: «Дай-ка я съ Божіею помощіею это попробую! а если принцесса и не захочетъ послѣ выйти за меня замужъ, то я сдѣлаю по крайней мѣрѣ доброе дѣло, — спасу дочь ея родителю, и, можетъ быть, помогу этимъ моему бѣдному отцу.»

И вотъ онъ смѣло явился во дворецъ; и только что объявилъ стражѣ, что пришелъ лечить принцессу, какъ въ ту же минуту былъ представленъ королю.

— И ты надѣешься спасти дочь мою?—спросилъ его король, когда онъ стоялъ предъ нимъ съ своею скрипкою.

А Ваня отвѣчалъ ему почтительно:

— Государь! я не могу ручаться въ ея выздоровленіи, потому что жизнь и смерть зависятъ отъ воли Божіей; но мнѣ извѣстна причина ея болѣзни, и у меня есть для нея

лекарство. Если оно и не возвратитъ ея къ жизни, то по крайней мѣрѣ облегчитъ ея страданія и пошлетъ ей тихую кончину.

У короля навернулись на глазахъ слезы.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—поди въ ея комнату, и испытай твое лекарство; а я не въ силахъ идти къ ней и смотрѣть на ея страданія.

И Ваню отвели въ комнату принцессы. Онъ велѣлъ всѣмъ оттуда удалиться, кромѣ одной фрейлины и стараго лейбмедика; подошелъ къ постели, на которой лежала принцесса съ закрытыми глазами и съ смертною блѣдностію на лицѣ, посмотрѣлъ на нее нѣсколько времени, потомъ сѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и началъ играть.

Сначала музыка его была такъ тиха, какъ шелестъ листьевъ, когда колеблетъ ихъ вечерній вѣтерокъ. Въ звукахъ его было что-то нѣжное, утѣшительное, и принцесса, прислушиваясь къ нимъ, открывала глаза.

— Что со мною? гдѣ я?—сказала она тихимъ голосомъ.

— Боже! она говоритъ!—вскричалъ лейбмедикъ, и пошелъ сказать объ этомъ королю.

А Ваня продолжалъ играть. И пѣсня соловья, и шумъ деревьевъ, и журчаніе потока — все сливалось и смѣнялось одно другимъ въ его чудесной музыкѣ.

Принцесса стала улыбаться, и нѣжный румянецъ заигралъ на щекахъ ея.

— Теперь она спасена! — сказалъ докторъ, который между тѣмъ возвратился; — еслибъ только она уснула!

Тогда мало по малу смолкла соловьиная пѣсня, и какъ будто тихій вѣтерокъ повѣялъ по комнатѣ. Но вотъ звуки снова задрожали, вотъ зазвенѣли колокольчики, зажужжали свѣтляки, и началась пѣсня эльфовъ, которая на этотъ разъ была сыграна такъ хорошо, что самые эльфы могли бы ея заслушаться.

Въ эту минуту король вошелъ въ комнату, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что дочь его сидитъ на постели, съ прелестною улыбкою на устахъ, съ свѣтлыми глазами; онъ хотѣлъ подойти къ ней, но самъ былъ очарованъ чудною пѣснію Вани, и остался на мѣстѣ, и притаивъ дыханье, слушалъ эту восхитительную музыку.

Когда Ваня проигралъ три раза пѣсню эльфовъ, принцесса опустилась на подушки и сладко заснула, а щеки ея играли нѣжнымъ румянцемъ, и дыханіе было ровно и легко.

Докторъ подошелъ къ ней, тихо пощупалъ ея пульсъ и сказалъ: «Государы! она спасена.»

Тогда король обнялъ Ваню, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь, велѣлъ одѣть его въ богатое платье, и оказывать ему королевскія почести.

На слѣдующее утро принцесса была совершенно здорова, и когда король представилъ ей Ваню, она сказала, что готова исполнить общаніе родителя. Черезъ нѣсколько дней Ваня женился на принцессѣ.

Тотчасъ послѣ свадьбы Ваня послалъ за отцомъ своимъ въ деревню, и велѣлъ привести его къ нему, а самъ съ молодою женою поѣхалъ къ нему на встрѣчу. Можно представить себѣ ихъ радость при свиданіи послѣ долгой разлуки! Старикъ со слезами упалъ на грудь сына, и послѣ первыхъ восторговъ разсказалъ ему, что злая мачиха его умерла. А прекрасная жена Вани обошлась съ старикомъ очень лас-

ково и, почтительно, какъ съ отцомъ своего мужа, и они втроемъ поѣхали домой. Король-отецъ принялъ ихъ очень торжественно, и старикъ до конца жизни не разлучался съ своимъ добрымъ сыномъ.

Θ. Миллеръ.

СААРДАМСКІЙ ПЛОТНИКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ НИРИТЦА.

ЧУЖЕСТРАНЕЦЪ.

— Вы опять здѣсь? — сердито говорилъ Саардамскій мельникъ Фюрштенъ двоимъ дѣтямъ, которыя, въ этотъ день, третій разъ всходили на мельничную лѣстницу. — Какъ будто бы у васъ дома нѣтъ и куска хлѣба! Отецъ вашъ славный работникъ, и по воскресеньямъ не прогуливаетъ своихъ денегъ, а бережетъ ихъ для дома. Что же вы такъ хлопочете изъ-за нѣсколькихъ мѣрокъ муки!

Дѣвочка, не снимая висѣвшей у нея на спинѣ корзины, молчала и робко смотрѣла на

свой шейный платокъ. Мальчикъ, напротивъ того, смѣло поднимъ большіе темные глаза на мельника, сказалъ:

— Мы сами собирали и обмолачивали колосья; отъ того и не знаемъ, какъ дожидаться хлѣба, за которымъ хлопотали.

— Скажи лучше, который подбирали. Конечно, трудовой хлѣбъ всегда вкуснѣе; но къ чему вы такъ торопитесь смочь эту пшеницу? Скоро опять будетъ жатва.

— Батюшка намъ говорилъ, — возразилъ мальчикъ, — что если мы теперь попробуемъ заработаннаго хлѣба, то, вспоминая это, съ большимъ стараніемъ будемъ собирать новыя колосья

— Надобно сознаться, что отецъ вашъ не глупый человекъ, сказалъ Фюрштенъ; — но подождите не много; черезъ полчаса мука ваша будетъ готова. Эй, Пальдерсъ! лѣнтый, вскричалъ мельникъ, заглянувъ на мельницу: — развѣ ты не слышишь звонка? Насыпай муку, а не то я насыплю на твою широкую лѣнливую спину!

Молодой работникъ, смотрѣвшій въ раскрытое окно, поспѣшно отошелъ отъ него, протянулъ руку за мѣшкомъ съ жито^{мъ}, чтобы насыпать его на жернова, и сказалъ:

— Хозяинъ, посмотри пожалуйста въ окно: недалеко отъ мельницы стоитъ какой-то человѣкъ, престранно одѣтый, и разинулъ ротъ. На немъ длинныя широкія шаровары, со складками около пояса, и короткая узкая куртка съ блестящими пуговицами. На головѣ у него шапка, похожая на мѣрку съ висящимъ на сторону верхомъ. Можетъ быть, это какой-нибудь Китаецъ или Японецъ, привезенный капитаномъ Ватерло съ послѣднимъ грузомъ фаянса.

Мельникъ, обрадованный, что однообразная жизнь его прерывается необыкновеннымъ явленіемъ, поспѣшно высунулъ въ окно голову, и увидѣлъ, что работникъ его говорилъ правду. Предъ взорами зрителя, смотрѣвшаго съ верха мельницы, раскидывалась необыкновенно привлекательная картина. Легкая возвышенность въ окрестностяхъ Саардама была оживлена множествомъ вѣтряныхъ мельницъ, крылья которыхъ, надуваемые морскимъ вѣт-

ромъ, вертѣлись съ необыкновенной быстро-
тою. Это очаровательное зрѣлище возвыша-
лось еще болѣе синѣющимъ моремъ, на бе-
регу котораго множество работниковъ труди-
лось на корабельной верфи.

Однако мельникъ не обратилъ ни малѣй-
шаго вниманія на эту картину, которую ви-
далъ ежедневно, но устремилъ взоры свои на
чужестранца, смотрѣвшаго, не спуская глазъ,
на мельницу. Любопытство Фюрштена возбу-
дилось въ высочайшей степени. Желая узнать,
что это за человѣкъ, онъ вступилъ съ нимъ
въ разговоръ, закричавъ изъ окна: — Побе-
регись, пріятель, а то можешь получить пре-
порядочный щелчокъ; мельничныя крылья шу-
тить не любятъ, если вѣтеръ разсердить ихъ,
хотя въ спокойномъ состояніи они не оби-
дятъ и ребенка.

Чужестранецъ взглянулъ на верхъ, и какъ
бы въ знакъ привѣтствія, подвинулъ немно-
го свою шапку на лѣвое ухо, и отвѣчалъ
иностраннымъ выговоромъ:

— Что стоить мельница?

— Э-э! — возразилъ мельникъ, засмѣявшись, — не хотите ли вы купить кота въ мѣшкѣ? Прежде взойдите сюда и осмотрите хорошенько мельницу.

Молодой человѣкъ въ ту же минуту быстро вошелъ на лѣстницу. По топору и треугольнику, которые онъ держалъ на плечѣ, его можно было принять скорѣе за плотника, нежели за мельника. Вступивши на мельницу, онъ не обратилъ никакого вниманія на присутствующихъ, но тотчасъ же началъ разсматривать ея внутреннее устройство. Ни одинъ предметъ не укрылся отъ его любопытныхъ взоровъ, начиная отъ колесъ мельницы до мѣшковъ съ мукою. Отвѣты, получаемые на множество сдѣланныхъ имъ вопросовъ, онъ тщательно записывалъ въ портфель свой, и въ то же время сдѣлалъ нѣсколько очерковъ отдѣльныхъ частей мельницы.

Окончивши эту работу, онъ повторилъ свой вопросъ: — Такъ какъ же дорого вы цѣните всю мельницу?

— За 320 Голландскихъ гульденовъ вы можете владѣть ею, — отвѣчалъ мельникъ,

предполагая, что имѣсть дѣло съ покупщикомъ.

— Ты ошибаешься, — отвѣчалъ молодой чужестранецъ:—я и не думалъ покупать мельницы; я только желаю знать, и знать основательно, сколько стоитъ постройка мельницы. Я не мельникъ, а плотникъ, и хочу поступить въ работники на здѣшнюю верфь. Кто считается лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Саардамъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, мастеръ Блундвикъ, — отвѣчалъ, обманутый съ своимъ ожиданіемъ, мельникъ;—по крайней мѣрѣ у него болѣе всѣхъ работы и самыя лучшіе работники.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Его жилище могутъ указать вамъ вотъ эти дѣти; ихъ отецъ также работаетъ у Блундвика.

— Вѣроятно, вы пріѣхали издалека?—продолжалъ онъ, мучимый любопытствомъ.

— Издалека,—отвѣчалъ сухо чужестранецъ.

— Можетъ быть, изъ Швеціи?

— Нѣтъ, не изъ Швеціи.

— Тамъ, стало быть, изъ Польши?

— И не пзъ Польши.

— Откуда же вы? одежда ваша необыкновенная.

— Это обыкновенная одежда съ моемъ отечествѣ.

— Съ Богомъ въ путь, — сказалъ чужестранецъ, и быстро пошелъ за дѣтьми, которыя уже оставили мельницу.

— Треска, — ворчалъ Фюрштенъ: — сначала онъ безъ отдыха разспрашивалъ, а теперь ротъ его точно заперло. Приходи-ка опять!

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Дѣти бѣжали какъ угорѣлыя. Въ воображеніи ихъ уже рисовалось вскиснувшее тѣсто, потомъ тесто, обращенное въ хлѣбъ, наконецъ хлѣбъ испеченный и намазанный масломъ давался имъ въ руки. Они походили на молочницу въ баснѣ.

— Въ слѣдующій разъ мы станемъ еще прилежнѣе собирать колосья, такъ чтобы у насъ вышла полная мѣра муки. Я попрошу батюшку сдѣлать намъ пару цѣповъ, а то молотить бревномъ очень трудно, и никакъ не выбьешь зерна на чисто, — говорилъ мальчикъ.

Присутствіе чужестранца какъ бы связывало дѣвочку, и она ни слова не отвѣчала брату; но черезъ нѣсколько времени опустила корзину, едва переводя духъ отъ усталости.

— Дай я понесу, — сказалъ братъ: — теперь мое очередь; здѣсь половина дороги.

Молодой плотникъ правою рукою быстро схватилъ мѣшокъ съ мукою, и сказалъ добродушно:

— Услуга за услугу: вы укажете мнѣ домъ мастера, а я донесу до вашего мѣшокъ съ мукою. Какъ зовутъ вашего отца?

— Бидеманъ, — отвѣчалъ мальчикъ

— А васъ?

— Меня зовутъ Вильгельмомъ, а сестру Анною.

Анна ободрилась и сказала: — Вы запомнитесь мукою отъ мѣшка.

— Ничего, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, смѣясь, и только у жилища мастера, которое было недалеко отъ ихъ собственнаго, отдалъ дѣтямъ мѣшокъ съ мукою.

Г-нъ Блундвикъ, почтенный корабельный мастеръ, брюхо котораго равнялось въ объемъ съ корабельной бочкой, сидѣлъ въ

своей комнатѣ, за столомъ, на которомъ были разложены разныя инструменты, планы и счеты. На особенной этажеркѣ стояло шесть фаянсовыхъ трубокъ, которыя всѣ были набиты табакомъ. Вблизи отъ трубокъ стояла витая восковая свѣча, въ серебряной коробочкѣ, и лежало множество узко-сложенныхъ бумажекъ. Широкая бутылка съ искрящимся виномъ, наполненный стаканъ, фаянсовая тарелка съ сыромъ и бѣлымъ хлѣбомъ, довершали убранство стола.

Вошедши въ комнату мастера, иностранецъ нашель его окруженнаго густымъ облакомъ дыма, и отъ этого такъ сильно закашлялся, что не могъ выговорить ни слова. Однако же, не смотря на то, онъ не преминулъ привѣтствовать его, также какъ и мельника, подвинувши немного шанку на лѣвое ухо.

Изумленный Блундвикъ открылъ, сколько могъ шире, свои маленькіе глаза. Потомъ, отнявши ото рта трубку, сказалъ съ Голландской флегмой: — шанку долой!

Чужестранецъ повиновался и открылъ свои блестящіе, черные волосы.

— Что тебѣ надобно? — спросилъ Блундвикъ.

— Работы на корабельной верфи, — коротко отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Откуда?

— Теперь изъ Амстердама.

— Паспортъ!.

Чужестранецъ вынулъ бумагу и подалъ ее мастеру,

— Петръ Михайловъ изъ Москвы, — читалъ мастеръ не безъ затрудненія, — двадцати пяти лѣтъ. Стало быть, Москвитянинъ?

— Русскій, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ сверкающимъ взоромъ.

— Ладно, все будетъ сдѣлано. Завтра рано утромъ будь на верфи № 3. Прежде надобно посмотрѣть твою работу, а потомъ назначится плата.

— Я хлопочу болѣе о наукѣ, чѣмъ о платѣ, — быстро отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Не глупо, — сказалъ Блундвикъ.

— Поэтому и прошу тебя, г. мастеръ, назначить мнѣ работу на закладкѣ корабля.

Трубка едва не выпала изъ рукъ мастера отъ изумленія.

— Что? что ты говоришь? мастеру, — ты.... прекрасно!... Нѣтъ, братъ Петръ, если бы ты сѣлъ со мною десять мѣръ соли, то и тогда не получишь права говорить мнѣ ты.

— У насъ въ Россіи такой обычай.

— Стало быть, ваша Россія земля Готтентотовъ, — отвѣчалъ Блундвикъ; — но будь увѣренъ, пріятель, что я не часто буду доставлять тебѣ случай обращаться со мной по-Русски; можешь имѣть дѣло съ подмастерьями. Завтра начнется закладка трюма шестидесяти-пушечнаго корабля; тамъ ты можешь работать сколько душъ угодно.

— Благодарю тебя, мастеръ, за расположеніе, — сказалъ обрадованный Петръ. — Но сдѣлай одолженіе, скажи мнѣ, что будетъ стоить постройка такого корабля.

— Я тебѣ совѣтую лучше не спрашивать, пріятель Петръ, — возразилъ Блундвикъ съ досадою; вѣроятно тебѣ никогда не придется покупать кораблей.

Сказавъ это, мастеръ подалъ знакъ Петру удалиться.

ЗАБЛАДКА ТРЮМА.

Было раннее утро. Легкій туманъ игриво скользилъ по спокойной поверхности моря, воздымающіяся волны котораго, прямой линіей, непрерывно катились къ берегу и съ шумомъ разбивались объ него. Маленькіе рыбацьи челноки рѣяли по синему морю, въ которомъ отражалось утреннее солнце. На горизонтѣ, легко, какъ орѣховая скорлупа, виднѣлся гордый трехмачтовый корабль, обвѣшенный съ верха до низа надутыми парусами. На берегу же все еще было мертво. На верфяхъ лежали морскія чудовища болѣе или менѣе оконченныя. Какъ остовъ великана, воздымались въ голубомъ воздухѣ обнаженные бока неоконченнаго корабля; остовъ другаго походилъ на спящаго громаднаго кита; на третьемъ виднѣлись готовыя каюты; между тѣмъ какъ четвертый уже красовался своимъ пестрымъ убранствомъ. Саардамскія мельницы спорили въ дѣятельности и прилежаніи съ ранними мореплавателями; быстро вертящимися крыльями своими онѣ какъ бы отдавали имъ утреннее привѣтствіе. Когда Саардамскіе церковныя часы показывали четверть пятаго,

то на верфи подъ № 3-мъ отворилась дверь маленькой хижины, изъ которой вышелъ, зѣвая, плотникъ и началъ звонить въ колоколъ, повѣшенный между двумя столбами. Въ минуту вся верфь оживилась. Съ всѣхъ сторонъ работники и подмастерья начали сходить на широкую площадь, посреди которой лежало огромное дерево. Когда пробило пять часовъ, то въ толпу, горящую нетерпѣніемъ, вступилъ толстый мастеръ Блундвикъ. На широкихъ плечахъ его лежалъ топоръ, искусно обложенный серебромъ. Вся одежда его была праздничная. При его прибытіи присутствующіе сняли шапки и поклонились ему. Мастеръ, задыхаясь отъ усталости, не могъ произнести ни слова и только молча кинулъ подмастерьѣ, стоявшему на деревѣ. Длинный, худащавый подмастерье, опершись обѣими руками о топоръ, громкимъ голосомъ началъ говорить слѣдующее:

— Добрые мои товарищи! Люди справедливо смотрять на постройку дома, какъ на важное дѣло, и потому закладку перваго камня сопровождаютъ извѣстнымъ торжествомъ. Домъ—колыбель и гробъ чловѣка, мѣсто его радостей и страданій, трудовъ и отдыха. Но

не важнѣе ли еще построеніе корабля, назначеннаго носить на себѣ смѣлаго мореплавателя надъ бездонными глубинами, грозными утесами и скалами? Между тѣмъ какъ житель земли спокойно смотритъ на бури и грозы, тонкая доска отдѣляетъ моряка отъ разверстой могилы; разъяреннымъ стихіямъ онъ можетъ противопоставить одно ломкое произведеніе рукъ нашихъ. Какъ же важна должна быть наша работа! Какъ прочно и добросовѣстно должны быть соединены между собою всѣ части цѣлаго! Какъ вѣрно должна быть рассчитана соразмѣрность между грузомъ, рулемъ и парусами! Смотрите: у ногъ моихъ лежитъ дерево, назначенное на первое основаніе корабля. Отъ его правильности зависитъ все огромное зданіе, назначенное носить на себѣ 60 пушекъ, сотни людей и нѣсколько тысячъ пудовъ груза. Не будемъ же приступать къ такому важному дѣлу легкомысленно, или съ гордою самоувѣренностію; напротивъ того, обратимся ко Всемогущему Богу, безъ воли и благословенія котораго ни въ чемъ не бываетъ успѣха, и съ тихимъ благоговѣніемъ воскликнемъ: *Отче нашъ!*

Всѣ присутствующіе, набожно сiali шляпы, и прочитали молитву, по окончаніи которой, подмастерье продолжалъ: — Ну, теперь, г. оберъ-мастеръ Блуцвикъ! и вы товарищъ Магельманъ, также и ты, старшій изъ работниковъ, Бидеманъ! подойдите сюда и трижды три раза, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, зарубите рубы для трюма новаго корабля.

Толстый Блуцвикъ съ большимъ затрудненіемъ ударилъ топоромъ своимъ по дереву, и не оставилъ на немъ почти ни малѣйшаго слѣда. Подмастерье Магельманъ рубилъ гораздо сильнѣе. Но когда пришелъ чередъ старшаго работника, и онъ приготовился ударить топоромъ по дереву, то вдругъ почувствовалъ, что его отталкиваетъ новичекъ, Петръ Михайловъ.

— Товарищъ!—сказалъ этотъ послѣдній выразительно,—позволь мнѣ заступить твое мѣсто. За то, во все время, что я буду здѣсь работать, ты станешь получать за меня плату.

Бидеманъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, съ вида очень сильный, бросилъ мрачный взглядъ на молодаго человека и сказалъ рѣшительно:—ни за что!

— Пусти его! — закричалъ толстый Блундвикъ старшему работнику:—мы хотя разъ сдѣлаемъ исключеніе изъ правила и позволимъ зарубить корабль младшему вмѣсто старшаго. Бидеманъ! продолжалъ онъ съ жаромъ, замѣтивъ, по его виду, что онъ не соглашается: это моя воля, и я, какъ хозяинъ верфи, призываю тебѣ уступить свое право.

Тогда Бидеманъ невольно отступилъ, кинувъ непріязненный взглядъ на молодого товарища, который, засучивъ рукава и сбросивъ на землю шапку, подошелъ къ дереву.

— Во имя Пресвятой Троицы!—вскричалъ онъ громко, и въ то же мгновеніе блестящій топоръ его нанесъ дереву три могучіе удара:—да возмогутъ эти три удара пробудить ото сна мое отечество! да возможетъ закладка этого корабля быть основаніемъ Русскаго флота! да носитъ возраждающійся корабль имя Царя моего!

Какъ громъ, сыпались его удары. Каждый изъ нихъ откалывалъ огромныя щепы отъ дерева. Потомъ Петръ опустилъ руку въ карманъ и бросилъ полную горсть серебра окружившимъ его товарищамъ. Это превратило непріятное начало въ веселый конецъ.

— Вотъ пресмѣшной Москвичъ!—вскричалъ Блундвикъ: — вспомните меня, онъ еще надѣлаетъ вамъ шутокъ по своимъ Русскимъ обычаямъ. Онъ, кажется, не скупъ и скорѣе походить на матушкина сынка, который получаетъ изъ дома порядочную поддержку. Такой товарищъ вамъ будетъ съ руки.

— А какъ онъ рубить! — замѣтилъ подмастерье Магельманъ:—замѣтили ли вы, оберъ-мастеръ, какъ обрубки дерева исчезали въ его карманахъ? Вѣрно онъ хочетъ послать ихъ своей матери, какъ образецъ своего перваго опыта.

Блундвикъ захохоталъ снова; потомъ, оставивъ верфь, отправился завтракать, въ чемъ онъ чувствовалъ величайшую потребность послѣ непривычнаго движенія. Большая часть работниковъ, а между ними и Петръ, пошли на верфь.

НАСТОЙЧИВОСТЬ.

Съ корзиной, наполненной щепами, пришли домой дѣти Бидемана.

— Вы опять здѣсь?—сказала мать съ удивленіемъ.

— Да, — отвѣчалъ Вильгельмъ, — мы были у Русскаго. Онъ такъ быстро рубить, что мы едва успѣваемъ подбирать щепы.

— Какъ добръ и какъ искусенъ этотъ Петръ! — продолжала Анна. — Иерониму попала въ глазъ соринка, такъ что онъ чуть съ ума не сошелъ отъ боли. Едва только услышалъ объ этомъ Петръ, какъ блестящими щипчиками страннаго вида, счастливо вытащилъ соринку, и потомъ велѣлъ Иерониму прикладывать къ глазу бѣлый хлѣбъ, размоченный въ молоко.

— У Петра полный бумажникъ разныхъ щипчиковъ, ножичковъ и ноженковъ, какъ бы у настоящаго лекаря, — замѣтилъ Вильгельмъ. Всѣ работники очень полюбили его, и есть за что; одинъ только батюшка съ нимъ не ласковъ.

Мать вздохнула. — Отецъ вашъ, — сказала она, — въ неудовольствіи на Петра за то, что онъ отнялъ у него честь при закладкѣ корабля.

— Э! — вскричалъ Вильгельмъ, — за три пустые удара топоромъ, я бы ни на кого не сталъ сердиться. Кромѣ того Петръ недаромъ просилъ отца моего сдѣлать для него эту уступку.

Въ эту минуту, въ открытое окно хижины, показалась голова осьмнадцати-лѣтняго юноши.

— Братъ Адольфъ! — вскричали дѣти въ одинъ голосъ.

Мать вскрикнула вмѣстѣ съ ними, но въ то время, какъ она хотѣла заговорить, сынъ предупредилъ ее и спросилъ робко: — Батюшка еще на верфѣ?

Когда дѣти подтвердили это, то голова исчезла изъ окошка, и въ ту же минуту Адольфъ, высокій, стройный юноша, вошелъ въ бѣдную хижину.

— Богъ помочь вамъ, матушка и дѣти! — сказалъ онъ грустно: — что, батюшка еще не перемѣнился?

— Ахъ, нѣтъ еще! — печально возразила мать. — Ты знаешь, какая у него желѣзная воля, не уступаетъ и твоей.

— Я не могу перемѣнить себя матушка! Батюшка настаиваетъ просто изъ упрямства; у меня же призваніе, которое — я вѣрю — самъ Богъ вселилъ въ мою душу.

Въ это время у дверей хижины раздался сильный, мужской голосъ.

— Отецъ! — закричали испуганные дѣти. Мать поблѣднѣла, а Адольфъ скрылся за занавѣсъ кровати. Въ ту же минуту Бидеманъ вошелъ въ комнату.

— Марѳа, — сказалъ онъ жепѣ, бросаясь на кресла, — налей мнѣ рюмку водки; мнѣ что-то не здоровится.

Въ то время какъ трепещущая женщина пошла за водкой, взоръ плотника упалъ на корзину со щепами.

— Эти щепы нарублены рукою славнаго плотника, — сказалъ онъ.

— Это рубилъ Русскій, Петръ Михайловъ, — поспѣшно отвѣчали дѣти.

— Молодецъ обидѣлъ меня, — сказалъ Бидеманъ женѣ, выпивъ водку;—но что хорошо, то хорошо: съ солнцемъ на работу, съ ночью на покой, неутомимъ, понятливъ и любознательнъ, трезвъ; короче сказать, Петръ образецъ настоящаго плотника. Нанялъ себѣ у оберъ-мастера на верфи небольшой деревянный домикъ, самъ себѣ готовитъ кушанье; не принимаетъ никакого участія въ буйныхъ попойкахъ своихъ легкомысленныхъ товарищей. Когда мы съ охотою работаемъ другъ подлѣ друга, и капли пота катятся по лицу его, то я иногда думаю самъ про себя: отъ чего это не сынъ твой вмѣсто безпутнаго Адольфа!

— Не брани своего первенца безпутнымъ, — возразила Марѳа, — за то только, что онъ не исполнилъ одного изъ твоихъ желаній.

— Молчи! — вскричалъ Бидеманъ. — Первый долгъ дѣтей повиноваться своимъ родителямъ. Я желаю добра сыну. Въ водѣ нѣтъ подмо-
стковъ, и ежегодно тонуть въ ней тысячи людей.

— Но Адольфъ говоритъ, — начала снова жена, — что если угодно будетъ Богу, то смерть также легко найдетъ плотника въ постелѣ, какъ и моряка на морѣ; что безъ моряковъ не было бы корабельной верфи, слѣдовательно, не было бы надобности и въ корабельныхъ работни-
кахъ.

Бидеманъ только что собрался сдѣлать женѣ сильное возраженіе, какъ въ хижину вошелъ Петръ Михайловъ, и положилъ конецъ спору.

— Товарищъ, — сказалъ Петръ, — я принесъ тебѣ обѣщанныя деньги, заработанные мною въ эту недѣлю. И отсчитавъ, положилъ ихъ на столъ.

— Береги свои деньги, — сказалъ мрачно Бидеманъ, — я не беру незаслуженнаго.

— Я очень обязанъ тобою, — возразилъ Петръ, — и привыкъ держать свое слово.

— Все-таки я не возьму твоихъ денегъ! — сказалъ упрямый Бидеманъ.

Петръ смотрѣлъ на него безмолвно, глаза его бросали молніи, лице вспыхнуло отъ гнѣва. — Ты противишься мнѣ? мнѣ?... Но спустя мину-ту, онъ продолжалъ спокойнѣе: — Ты вдвое старше меня, а упрямъ какъ ребенокъ! У тебя жена и дѣти, которыя съ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ, собирая колосья на поляхъ и щепы на верфи, а ты отвергаешь деньги, которыя я предлагаю тебѣ отъ искренняго сердца. Неужели ты такъ безгрѣшенъ, что не можешь простить мнѣ юношескаго порыва? Я слышалъ, какъ, при закладкѣ корабля, ты читалъ набожно «Отче нашъ;» а теперь не дѣлаешь того, что обѣщалъ въ этой молитвѣ Всемогущему Творцу!

Видъ, рѣчь, голосъ молодаго плотника — все вмѣстѣ проникнуло чувства присутствующихъ какимъ-то почтеніемъ. Упорный Бидеманъ стоялъ передъ своимъ молодымъ товарищемъ, какъ школьникъ, пораженный гро-

момъ. Когда Петръ окончилъ, еще продолжая строго смотрѣть на него, онъ подалъ ему руку.

— Товарищъ, — сказалъ онъ, — ты меня побѣдилъ. Будемъ друзьями. Но денегъ твоихъ все-таки не возьму. Это бы значило обобратить тебя.

Съ этими словами старый работникъ вышелъ изъ дому. Петръ посмотрѣлъ ему во слѣдъ, качая головой.

— Твой мужъ честиѣйшій изъ людей, — сказалъ онъ женѣ Бидемана, — и непреклоненъ какъ дубъ.

— Не это ли же самое говорилъ и я вамъ, матушка, — раздался голосъ изъ-подъ кровати, — и Петръ, къ великому изумленію своему, увидѣлъ тонкую фигуру Адольфа, вымѣзающего изъ своего заключенія.

— Что это значить? — спросилъ Русскій съ удивленіемъ.

— Ахъ! любезный Петръ Михайловичъ, — отвѣчала жена плотника: — вы имѣете такое сильное вліяніе на моего упрямаго мужа, что не удастся ли вамъ, можетъ быть, дать другое направленіе его чувствамъ, переломить

его. Это старшій сынъ нашъ, Адольфъ. Я не стану хвалить его въ глаза; но, право, въ немъ нѣтъ ничего худаго. Для его лѣтъ онъ очень высокъ, и потому отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него плотника. Къ этому мастерству бѣдный мальчикъ не имѣетъ никакой охоты. Море—его стихія, его родина. Со слезами онъ умолялъ отца позволить ему быть морякомъ; но отецъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Это произвело въ нашей мирной хижинѣ раздоры, которые окончились тѣмъ, что юноша, противъ родительской воли, пошелъ на корабль юнгой, а отецъ, съ того времени, не хочетъ болѣе объ немъ и слышать. Сегодня Адольфъ, все еще не теряющій надежды умиловитъ отца, едва вошелъ въ нашу хижину, какъ услышалъ голосъ отца, и опасаясь его гнѣва, спрятался подъ кровать.

Петръ строго смотрѣлъ на открытое, пріятное лицо юноши.

— Развѣ ты не знаешь,—сказалъ онъ,—въ чемъ состоитъ первая, священная обязанность дѣтей?

— Очень хорошо знаю,—отвѣчалъ Адольфъ со слезами на глазахъ.—Я молилъ Бога испол-

слать мнѣ силу и волю исполнить желаніе батюшки; но когда, съ топоромъ въ рукахъ, я работалъ на верфи, и взоры мои падали на море съ его весело-несущимися кораблями, то всѣ чувства мои летѣли за ними. Въ какомъ-то самозабвеніи я бросалъ работу или портилъ ее. Я смѣю предполагать, что самъ Богъ вдохнулъ въ меня призваніе къ морю....

— А знаешь ли также,—возразилъ Петръ,—что Богъ далъ намъ силу побѣждать тѣ стремленія, которыя отвлекаютъ насъ отъ добродѣтели? Что значитъ добродѣтель безъ борьбы? Я не хочу этимъ сказать, что родители должны насиловать наклонности дѣтей своихъ. Я нахожусь въ такомъ же положеніи, какъ и ты, и стараюсь дѣйствовать совсѣмъ иначе. У меня большое влеченіе къ плотническому ремеслу, и отъ самой ранней юности непреодолимый ужасъ къ водѣ; я боюсь ступить на корабль и ввѣрить жизнь свою невѣрной стихіи; однакожъ мужественно борюсь съ своею слабостію, и надѣюсь выйти изъ этой борьбы побѣдителемъ. Не можешь ли и ты поступать такимъ же образомъ?

— Ахъ, г. Петръ, — отвѣчалъ Адольфъ, — ваше дѣло совсѣмъ другое. Вы любите плотническое ремесло и хотите сдѣлаться плотникомъ, а на морѣ только прогуливаться. А я, напротивъ, принужденъ буду на всю жизнь остаться плотникомъ, и никогда не буду морякомъ. Если бы отецъ согласился оставить меня морякомъ, то временно я охотно бы занимался плотничествомъ. Ахъ, добрый г. Петръ, уговорите батюшку!

— Постараюсь, — отвѣчалъ Петръ, — какъ только представится удобный случай, а пока, прощай.

— Ваши деньги, г. Петръ, — сказала Марѳа Русскому, уже взявшемуся за ручку двери.

— Если мужъ твой отказывается отъ нихъ, то я дарю ихъ тебѣ и дѣтямъ твоимъ. — Сказавши это, онъ скрылся.

— Если всѣ Русскіе такъ добры, какъ этотъ, то я почти желала бы жить въ ихъ сторонѣ, — замѣтила Марѳа, и бережно спрятала деньги.

И П Р Ъ.

Корабль, въ закладкѣ котораго участвовалъ Петръ Михайловъ, видимо росъ въ величину и ширину. Палуба была почти готова, и Петръ съ высоты ея гордо и радостно смотрѣлъ на море, которое, черезъ нѣсколько недѣль, на безмѣрномъ хребтѣ своемъ должно было нести этого великана. Однажды, 11 Іюня 1697 года, толстый оберъ-мастеръ Блундвикъ появился на едва только оконченной палубѣ новаго корабля, чтобы осмотрѣть его.

Въ сопровожденіи подмастерьевъ и старшихъ работниковъ онъ осматривалъ его съ видомъ знатока. Оставшись совершенно доволенъ всѣмъ, что видѣлъ, онъ рѣшился на одно весьма опасное предпріятіе: по высокой лѣстницѣ подняться до корабельнаго борта; но какъ толщина мѣшала ему идти обыкновеннымъ образомъ, то, при помощи спяпаго плотника, онъ сталъ взбираться на нее задомъ, и едва только поднялся до пятой ступени, какъ она подъ тяжестію его изломалась, точно тонкая палка. Провалившись подъ лѣстницу, онъ, съ необыкновенною жи-

востію, закричалъ лъвинымъ голосомъ:—Помогите ради Бога, помогите вашему хозяину—принесите подмости, чтобы я могъ по нимъ выбраться! не оставьте въ несчастіи вашего отца Блундвика! Двадцать рукъ вытащили его на ровное мѣсто; отирая съ лица потъ, онъ клялся никогда не вѣрять своей жизни лѣстницѣ.

— Должно быть, мастеръ, вы много прибавились въ тяжести,—сказалъ одинъ изъ работниковъ,—съ тѣхъ поръ, какъ по этой самой лѣстницѣ всходили осматривать послѣдній корабль.

— Или въ вашей лѣстницѣ убыло крѣпости,—отвѣчалъ Блундвикъ;—а можетъ быть, вы и съ намѣреніемъ такъ поставили лѣстницу, чтобы я не могъ осмотрѣть вашей работы!

— Мастеръ!—вскричалъ съ верху Петръ,—твои слова оскорбляютъ насъ, и мы требуемъ немедленнаго удовлетворенія. Я говорю тебѣ, что ты долженъ взойдти сюда, хотя бы сломилъ себѣ шею.

— Счастье твое, Московить, что стоишь на верху, а то бы я далъ тебѣ знать за эти

слова! Конечно такой угорь, какъ ты, легче взберется на лѣстницу, чѣмъ такой увѣсистый Голландецъ, какъ я.

— Товарищи,—закричалъ Петръ,—достаньте большое, крѣпкое кресло, въ которомъ бы на блокъ можно было безопасно поднять на верхъ нашего строгаго хозяина, и спустить оттуда.

Эта счастливая выдумка была одобрена всѣми, даже самимъ мастеромъ, и немедленно приведена въ исполненіе.

Позабывъ всякое неудовольствіе, Блундвикъ, вмѣстѣ съ Петромъ, ходилъ по подмосткамъ, и каждого хвалилъ по заслугамъ.

— Мастеръ,—сказалъ Петръ Блундвику, — сдѣлай одолженіе, освободи на сегодняшнее послѣобѣда работниковъ.

Блундвикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Русскаго; но прежде, нежели получилъ способность отвѣчать, Петръ продолжалъ:—Ты долженъ благодарить меня за то, что основаніе этого корабля такъ скоро окончено. Я обѣщалъ твоимъ работникамъ, если они ко дню моего рожденія окончатъ корабль, то я задамъ имъ славную пирушку, разумѣется на

мой счетъ. Это обѣщаніе надѣлало чудесъ, оживило ихъ. Вспомни, мастеръ, когда плотники строятъ домъ, то при постановкѣ стропилъ, имъ всегда дается праздникъ, слѣдовательно....

— Это будетъ опасное нововведеніе,—сказалъ Блундвикъ,—отъ котораго каждый хозяинъ верфи долженъ остерегаться.

— Ничего не бывало,—возразилъ Петръ,—это будетъ только исключеніе въ честь моего рожденія. Я хочу сказать еще кой-что, отъ чего ты согласишься на мое желаніе: у меня есть покупатель на этотъ корабль, если ты не будешь слишкомъ дорожиться.

— Кажется, у тебя виво заранѣе шумить въ головѣ,—смѣясь, промолвилъ Блундвикъ:—что же будетъ послѣ обѣда! Если ты теперь торгуешь корабль, стоящій полмилліона гульденовъ, то послѣ тебѣ и флотъ будетъ ни почемъ.

— И, что тебѣ за дѣло до этого!—возразилъ со смѣхомъ Петръ.—Положимъ, что мой покупатель изъ такого торговаго дома, который извѣстенъ честнымъ платежемъ. И такъ ты желаешь получить полмилліона гульденовъ

за этотъ корабль, когда онъ будетъ совершенно оконченъ. Я подумаю о твоёмъ требованіи, рассчитаю, и если найду сго не слишкомъ высокимъ, то соглашусь.

— Кто ты такой, нашъ добрый Петръ? Ты или переодѣтый принцъ или просто вѣтреникъ.

— Я, — отвѣчалъ Петръ, — твой преданный работникъ, который проситъ на сегодняшнее послѣ-обѣда дать свободу его товарищамъ. Что же касается до покупки корабля — это вѣрно.

Наконецъ Блундвикъ далъ свое согласіе, которое было принято всѣми съ величайшею радостію, и еще болѣе увеличилось, когда явились бочки съ виномъ и другими напитками.

Дѣти Бидемана, возвратясь домой, не могли довольно наговориться о праздникѣ на кораблѣ.

— Ахъ, матушка! — сказалъ Вильгельмъ, — нельзя себѣ представить, что тамъ дѣлается! Работники безпрестанно бѣгаютъ то вверхъ, то внизъ по лѣстницѣ. А на верху шумятъ, поютъ, ѣдятъ и пьютъ! Я также былъ на верху, тамъ мнѣ дали стаканъ меда и заста-

вили выпить его за разъ, а то бы я тебѣ привесъ не много. Должно быть, Петръ очень богатъ, что такъ угощаетъ въ день своего рожденья; отецъ нашъ также хорошіи плотникъ, но въ его рожденье, мы рады бываемъ и тому, когда ты испечешь намъ блиновъ.

— А можетъ быть, Петръ во всю жизнь свою не ѣдалъ блиновъ. Говорятъ, что въ Москoвѣи не имѣютъ понятія ни о блинахъ, ни объ аладьяхъ.

— Что бы тебѣ, матушка, въ честь Петра, испечь блиновъ сегодня? Онъ же тебѣ всякую недѣлю отдаетъ свое жалованье.

Мать задумалась.—Ты говоришь правду, сказала она наконецъ: — намъ надобно доказать свою благодарность Петру, хотя малостию. Поди, Анна, принеси дрождей; а я между тѣмъ приготавливаю все, что надобно.

Въ скоромъ времени все было готово; сковорода поставлена на огонь и печенье блиновъ началось. Дѣти стояли около печи и внимательно смотрѣли, какъ одинъ блинъ за другимъ исчезалъ со сковороды на блюдо. Между тѣмъ Вильгельмъ продолжалъ рассказывать матери о пирѣ на кораблѣ.

— Отецъ,—говорилъ онъ,—также очень веселъ, такъ веселъ, какъ я его никогда не видывалъ. Онъ ходилъ вмѣстѣ съ Петромъ по подмосткамъ и, смѣясь, разговаривалъ съ нимъ; въ это время я слышалъ, какъ Петръ просилъ батюшку простить Адольфа и позволить ему быть морякомъ.

— Что же отвѣчалъ на это отецъ?—съ любопытствомъ спросила Марѳа.

— Онъ сказалъ: объ этомъ, братъ, не говори мнѣ ни слова, и если бы всѣ Генеральные Штаты стали просить меня, то я бы и имъ отказалъ.

Это извѣстіе сильно возмутило радость Марѳы.

— А не знаешь ли ты, что Петръ еще на кораблѣ, или ушелъ домой?

— Онъ еще прежде насъ ушелъ въ свою хижину.

— Тѣмъ лучше, — сказала Марѳа, и дала дѣтямъ по холодному блину. Вильгельмъ свой блинъ немедленно съѣлъ, а Анна печально положила свою долю въ сторону.

— Что же ты не ѣшь своего блина?—спросила ее мать.

— У меня очень болятъ зубы, — отвѣчала она.

— Можетъ быть, у тебя зубъ гніеть?—спросимъ братъ.

— Совсѣмъ гніеть, — отвѣчала Анна.

—Такъ выдерни его, продолжалъ Вильгельмъ: я знаю, что надобно сдѣлать. Когда мы принесемъ Петру блины, то я попрошу его помочь тебѣ. Мнѣ не идетъ кусокъ въ горло, когда я вижу тебя такою печальною.

— Пожалуйста не говори ему ничего, я боюсь дергать зубы.

— Сдѣлай милость не мѣшай мнѣ, — возразилъ братъ, и началъ торопить мать, чтобы она скорѣе посылала блины Петру.

Уже наступала ночь, когда дѣти, съ тарелкой блиновъ, завязанной платкомъ, отправились къ хижинѣ Петра.

ЗУБНОЙ ВРАЧЬ.

Когда Вильгельмъ и сестра его подошли къ жилищу Петра, то въ окошко увидѣли, что у него свѣтится огонь, между тѣмъ какъ дверь была заперта. Вильгельмъ стучался сначала потихоньку, а потомъ сталъ сильнѣе и сильнѣе; однакожъ никто не отворялъ ему. Наконецъ Вильгельмъ нашелъ небольшой обрубокъ дерева, поставилъ его къ окну, и взмолившись на него, сталъ смотрѣть. Онъ увидѣлъ Петра съ засученными у рубашки рукавами, сидящаго за столомъ, гдѣ лежало множество бумагъ, которыя онъ, повидимому, читалъ очень внимательно. Подлѣ него стоялъ неизвѣстный человѣкъ, закутанный въ длинный плащъ, и на всѣ вопросы Петра отвѣчалъ съ величайшимъ уваженіемъ.

Вильгельмъ тихонько сошелъ съ своего мѣста, и снова началъ стучаться въ двери, крича громкимъ голосомъ:— Г-нъ Петръ! отворите намъ!

Засовъ двери внутри комнаты отодвинулся, и Петръ, быстро отворивъ ея, сказалъ сердито:—Что вамъ надобно?

— Матушкэ, — отвѣчалъ Вильгельмъ, — немало не оробѣвъ, — велѣла вамъ кланяться, поздравить васъ со днемъ вашего рожденія, пожелать вамъ всякаго счастія и благополучія; а какъ она думаетъ, что у васъ въ Россіи не знаютъ, что такое блины, то въ честь вашу она сегодня напекла ихъ, и посылаетъ вамъ на рожденье.

Говоря это, онъ развязалъ платокъ. Мрачное лице Петра вдругъ прояснилось.

— Взойдите сюда, — сказалъ онъ дѣтямъ, и взявши у Вильгельма тарелку съ блинами, предложилъ ее незнакомцу, и сказалъ, смѣясь: на-ка попробуй Голландскихъ лакомствъ. Незнакомецъ поклонился и не бралъ блиновъ. — А! — вскричалъ Петръ, — вижу, что я долженъ подать тебѣ примѣръ, — и началъ усердно ѣсть горячіе блины, увѣряя, что давно не ѣдалъ съ такимъ аппетитомъ.

— Поблагодари отъ меня мать свою за ея поздравленіе и за вкусные блины. Я никогда не забуду ея вниманія. И отлавиши мальчику пустую тарелку, ласково подвелъ его къ двери. Однако Вильгельмъ, сначала нѣсколько озадаченный присутствіемъ незнакомца, ободрился

и сказалъ: — У меня есть къ вамъ очень большая просьба, добрый г-нъ Петръ. Моя бѣдная сестра, Анна, такъ страдаетъ зубами, что въ день рожденья вашего, не можетъ съѣсть ни одного блина. Если бы вы сдѣлали милость, вырвали ей этотъ зубъ, который всему виною.... Вы мастеръ на все. У васъ множество разныхъ щипчиковъ, ножичковъ и ножницъ, которые я видѣлъ въ то время, какъ вы вытащили соринку изъ глаза Іеронима.

— Что ты на это скажешь? — замѣтилъ Петръ, обращаясь къ незнакомцу съ веселой улыбкою: — не молодецъ ли я? — Сказавъ это, онъ поставилъ посреди хижины деревянную скамейку, на которой прежде сидѣлъ, и велѣлъ Аннѣ на нее помѣститься.

— Ну-ка покажи свой больной зубъ, — сказалъ онъ дѣвочкѣ. — Анна разинула ротъ, а Петръ, держа въ одной рукѣ свѣчу, другою отыскивалъ больной зубъ.

— Точно, зубъ надобно выдернуть, — сказалъ онъ, и взявши хирургическіе инструменты, выбралъ необходимый для этой операціи. — Посвѣти мнѣ немного, — сказалъ онъ незнакомцу, который въ ту же минуту взялъ

свѣчу. Между тѣмъ какъ Петръ инструментомъ искалъ во рту Анны больной зубъ, взоръ Вильгельма случайно упалъ на незнакомца; подъ распахнувшимся плащемъ его мальчикъ съ ужасомъ замѣтилъ мундиръ, вышитый золотомъ, шпагу на боку и блестящую звѣзду на груди.

Когда операція счастливо окончилась, незнакомецъ снова завернулся въ плащъ. Братъ и сестра усердно благодарили Петра, который, обратившись къ своему собесѣднику, съ довольнымъ видомъ сказалъ: — Этотъ зубъ я оставляю у себя на память; у меня уже много собрано ихъ здѣсь.

Анна, какъ возрожденная, вышла изъ хижины Петра, по милости котораго она еще въ этотъ вечеръ могла ѣсть блины, и спокойно уснуть ночью. Вильгельмъ же потихоньку сказалъ матери, что онъ видѣлъ у незнакомца, а она, какъ разумная женщина, велѣла ему молчать, но сама часто объ этомъ думала.

ПРОГУЛКА ПО МОРЮ.

Корабль былъ готовъ, окрашенъ, и въ скоромъ времени долженъ былъ спуститься съ верфи въ море, что дѣлается обыкновенно съ большимъ торжествомъ. Многочисленные подмостки, которыя поддерживали этого страшнаго великана, были отняты, и онъ величественно покоился на огромныхъ каткахъ. Низко опущеннымъ носомъ своимъ онъ былъ направленъ къ своему истинному отечеству—къ морю. Большая часть работниковъ, строившихъ корабль, собирались спуститься въ немъ на море, и само собою разумѣется, что Петръ былъ не изъ послѣднихъ между ними. Ему говорили, что при спускѣ корабля не всегда обходится благополучно, и что передняя часть его обыкновенно заливается волнами.

Чтобы увѣриться, достанетъ ли у него мужества на исполненіе этого предпріятія, онъ хотѣлъ, для опыта, сдѣлать небольшую поѣздку по морю. Отъ жены Бидемана онъ слышалъ, что сынъ ея Адольфъ служить у одного моряка въ педаальной приморской деревнѣ, и рѣшился взять его себѣ проводникомъ. Маленькій бо-

тикъ, который долженъ былъ приять на себя Петра и Адольфа, колыбался, привязанный къ берегу. Первый, смотря на него, сравнивалъ его съ необозримымъ моремъ. На каждомъ концѣ ботика было по палубѣ для помѣщенія плавателей, а пустая середина его была назначена для груза.

Указывая на ботикъ, Петръ сказалъ женѣ моряка, которая, въ отсутствіе мужа, помогала переносить на судно небольшіе паруса:—Возвратимся ли мы на немъ благополучно домой, и умѣетъ ли вашъ работникъ управлять имъ?

— Не беспокойтесь, г. Петръ: на этомъ ботикѣ вы безопаснѣе, нежели на трехмачтовомъ кораблѣ. Что же касается до Адольфа, то у насъ еще не было такого честнаго и искуснаго работника. Я бы безъ страха поѣхала съ нимъ даже въ Индію.

Эта похвала заставила Адольфа покраснѣть. Онъ не сказалъ ни слова, но рѣшился доказать на дѣлѣ, что заслуживалъ такого отзыва.

Послѣ того, какъ паруса были приведены въ порядокъ, весла расположены на случай надобности и руль направленъ какъ слѣдовало, Адольфъ указалъ Петру безопасное мѣсто и

отплылъ отъ берега. Когда благопріятный вѣтеръ надулъ паруса, и ботикъ съ пріятнымъ шумомъ разсѣкъ пѣнящіяся волны, то Петръ почувствовалъ замираніе духа, какъ бы во время качанья на высокихъ качеляхъ; грудь стѣснило у него, и онъ, отвернувшись въ сторону, закрылъ отъ страха глаза. Но это положеніе продолжалось не долѣе минуты: онъ уже боролся съ своею слабостію и остался побѣдителемъ.

Вскорѣ Петръ обратилъ все свое вниманіе на внутреннее устройство ботика: на паруса и руль, которымъ Адольфъ управлялъ сильною и искусною рукою. Онъ разспрашивалъ его обо всемъ, что видѣлъ на ботикѣ, и объискуствѣ управленія судномъ. Когда они были въ виду Саардама, то передъ ними представилось самое роскошное зрѣлище; сотни вертящихся мельницъ виднѣлись въ голубомъ отдаленіи; новый корабль, который на слѣдующій день долженъ былъ спуститься въ море, казался какъ бы выброшеннымъ на берегъ и покинутымъ всѣми; на немъ не было видно ни одного работника. Адольфъ, увидѣвъ это, печально устремилъ

взоры свои на родное жилище и сказалъ Петру со вздохомъ:—Не пробовали ли вы уговорить моего батюшку?

При этомъ вопросѣ лице Петра помрачилось.

—Не говори объ этомъ, юноша, я не хочу, чтобы воспоминаніе о жестокости сердца человеческого отравило наслажденіе, которое я чувствую при видѣ повсюду разлитой благодати Создателя, — сказалъ онъ повелительно, — и безмолвно устремилъ взоры вдаль, гдѣ волны простирались синей полосой, надъ которой развѣвались бѣлые паруса.

Адольфъ, сожалѣя, что сдѣлалъ неудовольствіе Петру, и желая поправить свою ошибку, сказалъ:—Не наслажденіе ли, при благопріятномъ вѣтрѣ, кататься по морю!

— Неужели ты думаешь, что я ввѣряю жизнь свою этому утлому ботику, какъ наѣздникъ жизнь свою бѣшеному коню, изъ одного наслажденія? Если при выборѣ рода жизни тебя не руководило чувство болѣе высокое, то я готовъ перейти на сторону твоего отца. Не видишь ли ты въ океанѣ, со впадающими въ него рѣками и источниками, безмѣрную ленту, которую Господь въ премудрости своей со-

творилъ для соединенія въ стройное цѣлое всѣхъ странъ и климатовъ? Безъ этого соприкосновенія и искусства мореплаванія, богатѣйшія страны земнаго шара походили бы на закопанныя сокровища. Жители странъ безплодныхъ томилась бы голодомъ; варварство и невѣжество всегда бы царствовали: но посредствомъ мореплаванія и торговли уравниваются всѣ климаты, изобилія и мѣстныя положенія странъ; вмѣстѣ съ богатствомъ возрастаетъ и умственное развитіе; самые отдаленные народы соединяются и вступаютъ въ дружескія сношенія. Что было бы изъ твоего многолюднаго, цвѣтущаго отечества безъ моря и торговли? — пустынные, болотистыя мѣста, на которыхъ нѣсколько человѣкъ влчили бы бѣдное, безотрадное существованіе....

Адольфъ чувствовалъ справедливость этихъ словъ, и обратилъ задумчивые взоры на море, которое въ одномъ мѣстѣ вдругъ начало ужасно волноваться, хотя въ спокойномъ воздухѣ не было видно ни малѣйшаго къ тому повода.

— Держитесь крѣпче, — закричалъ онъ своему товарищу, не теряя присутствія духа, и направилъ руль въ противоположную сторону.

Прежде нежели Петръ успѣлъ послѣдовать этому совѣту, ботикъ получилъ такой сильный толчекъ, что онъ упалъ на дно его. Не понимая, что съ нимъ дѣлается, и поднявшись со дна ботика, до полу-фута наполнившагося водою, Петръ увидѣлъ Адольфа, который, держа одною рукою паруса, а другою руль, съ хладнокровіемъ управлялъ обоими. Ботикъ пришелъ въ прежнее положеніе, но еще продолжалъ сильно колебаться. Они были уже далеко отъ опаснаго мѣста, гдѣ волны съ дикимъ шумомъ сражались между собою, превращаясь въ бѣлую пѣну, брызги которой высоко разсыпались.

—Что это значить?—спросилъ Петръ, скрывая свой испугъ.

— Мель или водоворотъ.

— Какъ же ты не знаешь своего владѣнья и смѣло направляешь ботикъ на это мѣсто? Кажется, мать напрасно расхвалила тебя!

—Г. Петръ,—отвѣчалъ Адольфъ спокойно,—это дѣйствительно мель, и тѣмъ опаснѣйшая, что можетъ, по произволу, съ величайшей быстротою перемѣнять свое мѣсто. Потому-то самый опытный морякъ не можетъ избѣжать ея, если она къ нему приблизится. Видите ли —

призракъ этотъ уже исчезъ, а черезъ минуту можетъ появиться совсѣмъ на другомъ мѣстѣ. Въ толчкѣ, который получили вы, виноватъ китъ, или другое морское чудовище, и я совѣтую для избѣжанія его втораго привѣтствія, скорѣе пристать къ берегу.

Это было исполнено, и Петръ, послѣ перваго опыта, чувствовалъ, что можетъ участвовать въ торжествѣ слѣдующаго дня.

СПУСКЪ КОРАБЛЯ.

День спуска корабля, также какъ и день его закладки, былъ торжествененъ. Моллись, говорили рѣчи, пѣли. Послѣ того взошли на корабль самые смѣлые молодцы и музыканты. Въ то время, когда раздались звуки инструментовъ, послѣднія подпорки были отняты отъ великана. Дно корабля и лежавшіе подъ нимъ катки были хорошо смазаны саломъ, какъ для облегченія его спуска, такъ и для того, чтобы онъ не загорѣлся. Взоры всѣхъ были устремлены на оберъ-мастера Блундвика. Онъ вскорѣ подалъ знакъ къ спуску раз-

вѣвающимся знаменемъ. Въ то же мгновеніе страшный колоссъ застоналъ подъ соединенными успіями нѣсколькихъ сотъ рукъ, которыя канатами и машинами старались пустить его въ ходъ. Наконецъ онъ тяжело подался и съ глухимъ гуломъ заскользилъ внизъ по задымившимся каткамъ; скорость его увеличивалась съ каждымъ шагомъ, наконецъ онъ понесся съ неописанной быстротою, и стрѣлою слетѣлъ съ высокаго берега въ волны. Шумъ ихъ заглушилъ громкое ура, раздавшееся съ корабля. Море, возмущенное и разрѣзанное до самой отдаленной глубины своей, поднялось стѣнами съ обѣихъ сторонъ корабля, и слившись надъ нимъ водянымъ сводомъ, скрыло его отъ взоровъ зрителей.

Корабельный носъ такъ глубоко врѣзался въ море, что половина его потопилась водою, а находившіеся на немъ люди должны были броситься назадъ. Въ одно мгновеніе, побѣдоносно поднявшись изъ пропасти, корабль снова появился на поверхности, и въ спокойномъ величіи, торжественно понесся по укрощеннымъ волнамъ; какъ вдругъ, тяжелый якорь упалъ въ синее море, толстый канатъ вытянулся,

и корабль, удержанный на всемъ бѣгу своемъ, легко колеблясь, остановился. Крики восторга, раздавшіеся на кораблѣ, повторились на берегу, и были знакомъ окончанія морскаго праздника, которое, естественно, долженствовало заключиться праздникомъ другого рода.

Между тѣмъ, какъ работники спускались съ корабля, по веревочнымъ лѣстницамъ, въ подплывшіе ботики и спѣшили на землю, Петръ, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, осматривалъ всѣ части прекрасно-отстроеннаго корабля, отъ трюма до щегольской капитанской каюты. Капли воды, стекавшія съ его вымоченнаго платья, казались ему пріятнѣе всѣхъ лентъ и орденовъ. Онъ бы еще и не думалъ о возвращеніи, если бы послѣдніе изъ сопровождавшихъ его товарищей не напомнили ему объ этомъ. Выйдя на верфь, онъ услышалъ, что одинъ изъ плотниковъ говорилъ своему товарищу:—Каждое новое строеніе, на водѣ ли или на землѣ, требуетъ жертвы; на этотъ разъ обошлось еще довольно счастливо, что никто не лишился жизни. Въ ту минуту какъ музыканты проиграли тушъ и бросили къ верху шанки, случилось несчастье, которое могло бы имѣть

худыя послѣдствія. Теперь онъ не можетъ участвовать въ праздникѣ. Ему съ этимъ кораблемъ удивительная неудача: при закладкѣ Русскій лишилъ его слѣдующей ему почести; теперь.... — А что такое случилось? — спросилъ Петръ — При спускѣ корабля Бидеманъ спльно ушибся, — отвѣчалъ плотникъ; — мы принесли его домой совершенно безчувственнаго.

Петръ немедленно поспѣшилъ въ жилище Бидемана, но прежде зашелъ къ себѣ и взялъ хирургическіе инструменты и необходимыя перевязки. Товарища своего онъ нашелъ спльно разбитаго, на рукахъ горько плачущей жены; дѣти стояли на колѣняхъ у кровати отца и обливали руки его слезами. Несчастное семейство встрѣтило Петра какъ ангела-утѣшителя; онъ и дѣйствительно походилъ на него. Искусною рукою онъ омылъ раны плотника, и осмотрѣвши, перевязалъ ихъ съ рѣдкимъ искусствомъ; велѣлъ больному быть спокойнымъ, а женѣ его сказалъ, чтобы при появленіи горячечнаго состоянія она обращала на него величайшее вниманіе. Ввечеру этого дня Петръ легъ спать съ невыразимымъ наслажденіемъ....

На другой день первый выходъ Петра былъ въ жилище Бидемана. Ему сказали, что несчастный плотникъ цѣлую ночь былъ въ бреду и метался, а теперь находится въ такомъ изнеможеніи, что опасаются за жизнь его. Какъ искусный врачъ, Петръ пощупалъ пульсъ его, перемѣнилъ перевязки, приложилъ прохладительныя, болеутоляющія средства къ ранамъ, и утѣшилъ упавшую духомъ Марю.

Вильгельмъ и Анна со слезами смотрѣли на него и прислушивались къ каждому слову.

— Г. Петръ, — сказалъ мальчикъ, — нельзя ли пустить сюда Адольфа? Онъ будетъ всегда мучиться, если батюшка умретъ, не благословивъ его....

— Пока отецъ твой безъ памяти, Адольфъ можетъ быть при немъ; но когда онъ придетъ въ чувство, то братъ твой не долженъ ему показываться до тѣхъ поръ, пока не получитъ прощенія, а то болѣзнь отца можетъ усилиться.

Нѣсколько времени жизнь Бидемана была въ опасности; онъ никого не узнавалъ и былъ безпрестанно въ жару, во время котораго бредилъ о Петрѣ, о его бумагахъ, о женѣ и своемъ непокорномъ сынѣ, о спускѣ и за-

кладкѣ корабля. Адольфъ неподвижно сплѣлъ въ изголовьѣ отца своего, и каждый разъ, какъ этотъ говорилъ о немъ, сердце его разрывалось. Наконецъ сильная природа Бидема и искусство Петра одержали верхъ надъ болѣзнію. Больной мало по малу успокоился и впалъ въ продолжительный сонъ, совершенно оживившій его силы. Опамятавшись, онъ привѣтствовалъ вошедшаго Петра дружеской улыбкой, подалъ ему правую руку, но не могъ произнести ни слова; Адольфъ же, какъ убитый, заливаясь слезами, вышелъ изъ родительскаго дома. Когда Марѳа спросила мужа, не желаетъ ли онъ видѣть своего раскаявающагося сына, онъ отрицательно покачалъ головою.

Здоровье Бидема видно улучшалось. Однажды, когда Петръ пришелъ навѣстить своего больного, дѣти встрѣтили его съ букетами свѣжихъ цвѣтовъ и сказали: — Послѣ Бога вы нашъ первый благодѣтель! Въ знакъ нашей благодарности, примите этотъ подарокъ, — и подали ему букеты. Петръ весело принялъ цвѣты, поглаживая дѣтей по кудря-

вымъ головкамъ, и сказалъ тронутымъ голосомъ: — Благодарите, дѣти, Бога: Онъ ведетъ все къ лучшему.....

Марѳа крѣпко пожала ему руку, слезы задушали слова ея, и, рыдая, подвела она Петра къ постели больного.

Самъ Бидеманъ былъ одѣтъ по праздничному. Когда Петръ подошелъ къ нему, то онъ съ величайшимъ почтеніемъ привѣтствовалъ его и сказалъ дрожащимъ голосомъ: — Братъ Петръ! великодушіе твое побѣдило меня: простишь ли меня? Поднимаясь изъ гроба, я хочу примириться съ Богомъ, и просилъ пастора пріобщить меня святыхъ Таинъ. Онъ скоро придетъ, но прежде его прихода, я хотѣлъ просить прощенья у тебя. — Сказавъ это, Бидеманъ подалъ ему руку. Петръ взялъ ее и сказалъ добродушно: — Довольно; старайся болѣе владѣть собою; въ гнѣвѣ мы часто бываемъ несправедливы. Но вспомни, товарищъ, что тебѣ надобно примириться съ однимъ близкимъ тебѣ человѣкомъ: это пріятно будетъ Богу.

— Братъ, — отвѣчалъ Бидеманъ, — не разстраивай благоговѣйнаго состоянія моего духа

воспоминаніемъ о сынѣ, уже не существующемъ для меня. Вспомнилъ ли онъ обо мнѣ, когда я былъ при дверяхъ гроба!

— Конечно, — замѣтилъ Петръ, — бѣдный юноша, какъ окаменѣлый, не отходилъ отъ твоей постели, пока ты не опомнился.

— Добрый Петръ, — возразилъ больной, — я виноватъ передъ тобою, а сынъ виноватъ передо мной. Дѣти должны повиноваться родителямъ, а не родители дѣтямъ.

— Ты въ правѣ желать, — отвѣчалъ Петръ, — чтобы сынъ во всемъ повиновался тебѣ; но употребишь во зло права свои, если будешь требовать, чтобы онъ взялся за ремесло, къ которому не имѣетъ ни малѣйшей склонности, и изъ упорства лишишь счастія своего сына. Адольфъ твой славный, честный, трудолюбивый юноша; хозяева его очень довольны имъ.

— Я плотникъ, — сказалъ упорно Бидеманъ, — и сынъ мой долженъ быть плотникомъ. Морякъ подвергается слишкомъ большимъ опасностямъ.

— Бидеманъ! Бидеманъ! — возразилъ Петръ, погрозивъ пальцемъ: — всякое состояніе

имѣть свои наслажденія и свои тяжести. Богъ каждому назначилъ свой предѣлъ, котораго равно достигнемъ какъ на морѣ, такъ и въ спокойной комнатѣ. Товарищъ, ты вѣрно согласишься со мною, что за твое излеченіе я заслуживаю награду. Помиришь съ Адольфомъ, и ты расплатишься со мною.

Марса и дѣти присоединили просьбы свои къ словамъ Петра, но Бидеманъ не соглашался.

— Петръ, — сказалъ онъ, — я далъ себѣ слово, что если бы всѣ Генеральные Штаты стали просить меня объ этомъ, то и тогда не соглашусь. Ты благородный человѣкъ и мой благодѣтель, но все-таки простой плотникъ и не можешь равняться съ Генеральными Штатами.

— Также какъ и они не могутъ равняться со Всемогущимъ Богомъ, — сказалъ Петръ, и оставилъ неумолимаго плотника.

ЖАЛОБА.

Однажды Петръ, отработавшись, пришёлъ ломой, и увидѣлъ у дверей своего домика худощаваго человѣка въ черномъ платьѣ и бѣлокуромъ парикѣ, локоны котораго висѣли до половины спины. Въ это время онъ замѣтилъ приложенныя къ дверямъ своимъ двѣ большія печати, соединенныя лоскуткомъ бумаги.

Не заботясь объ этомъ, онъ вынулъ ключъ и только что хотѣлъ отпереть замокъ, какъ черный человѣкъ удержалъ его, и сказалъ сердитымъ голосомъ: — Стой! кто ты таковъ?

Петръ гнѣвнымъ взоромъ измѣрилъ вопрошающаго, но чрезъ минуту въ его взглядѣ выразился смѣхъ, и онъ отвѣчалъ весело: — Ты желашь знать, кто ты таковъ? Сколько я могу понять, ты долженъ быть чернильная стеклянка, заткнутая запачканной пробкой.

Этотъ отвѣтъ вывелъ изъ себя неизвѣстнаго.—Грубіянъ! вскричалъ онъ сердито. Какъ ты смѣешь отвѣчать подобнымъ образомъ помощнику благороднаго, могущественнаго синдика Голландіи и Брабанта? Развѣ ты не видишь печатей высоко-уважаемой, свѣтлѣй-

шей республики, которую ни одинъ смертный не осмѣлится оскорбить безнаказанно? Прочь, говорю тебѣ, или ты почувствуешь тяжелую руку правосудія.

Петру стоило небольшого труда оттолкнуть писаря синдика Голландіи отъ дверей своего домика, входъ къ который онъ хотѣлъ запретить ему. Еще съ меньшимъ трудомъ онъ сорвалъ печати, связь которыхъ сама собою распалась, когда онъ отворилъ дверь. Писарь исчезъ, но въ скоромъ времени возвратился съ значительнѣйшимъ подкрѣпленіемъ.

Петръ сидѣлъ передъ столомъ и писалъ, какъ вдругъ дверь отворилась, и показалось горящее гнѣвомъ лице синдика. Онъ былъ одѣтъ также въ черное платье, на головѣ у него былъ напудренный парикъ, подъ мышкою маленькая трехъ-угольная шляпа, а въ рукахъ большой свертокъ бумагъ. Измѣривши взоромъ спокойно сидящаго плотника, онъ началъ съ важностію:

— Не ты ли та отчаянная голова, что осмѣлился сорвать священные печати республики?

— Не ты ли тотъ отчаянный, который испачкалъ мою дверь краснымъ воскомъ и хотѣлъ запретить мнѣ входъ въ мое собственное жилище? Какъ ты осмѣлился, не спросясь, обременить меня своимъ присутствіемъ?

Испуганный синдикъ отскочилъ назадъ, увидѣвъ, что Петръ, при этихъ словахъ, взялся за тоноръ.

— Этотъ Москвичъ настоящій дикарь, — сказалъ онъ, обращаясь къ сопровождавшимъ его: — онъ говоритъ мнѣ, синдикъ Голландіи и Брабанта, *ты*. Какая дерзость!

— Г. синдикъ, — сказалъ мастеръ Блундвикъ, — онъ и со мною не лучше обращается. Я думаю, что онъ и съ Генеральными Шта-тами не вѣжливѣе бы обошелся.

— Съ нимъ нельзя шутить, — прибавилъ подмастерье Магельманъ: — кого онъ ударить, тотъ не вдругъ поднимется.

— Добрые люди, берегите вашего синдика! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ: — защитите мою неприкосновенную особу.

— Порой, — сказалъ одинъ изъ плотниковъ, Петръ бываетъ кротокъ какъ ягненокъ, такъ

что его можно обернуть вокругъ пальца ; а если съ нимъ будешь грубо обходиться, то ничего не возьмешь.

— Гмъ, — пробормоталъ синдикъ, — дѣло наше очень важно; придется съ этимъ варваромъ обойтись потише. Г-нъ Петръ, — закричалъ онъ изъ-за двери, которую Петръ уже заперъ за нимъ, — добрый г-нъ Петръ, мнѣ надобно поговорить съ тобою кой о чемъ. Хотя ты и Русскій, однако же тебѣ вѣрно пзвѣстно, что всякій долженъ повиноваться властямъ: конечно, я не знаю точно, есть ли въ твоёмъ отечествѣ начальство, однако же для твоей чести и твоего края, предполагаю, что оно существуетъ.

— Въ этомъ предположеніи ты и не ошибаешься, — сказалъ Петръ, отворивъ дверь и показавшись на порогѣ.

— Я одинъ изъ важныхъ начальниковъ Голландіи, и надѣюсь, что ты будешь обходиться со мною со всевозможнымъ уваженіемъ, которое и самъ Богъ повелѣваетъ имѣть къ старшимъ.

— Что тебѣ надобно? — спросилъ Петръ.

— Я запечаталъ дверь твоего дома, потому что долженъ пересмотрѣть твои бумаги, потомъ сдѣлать тебѣ допросъ на нѣкоторые пункты.

— Перваго не допускаю, на послѣднее согласенъ, — отвѣчалъ спокойно Петръ.

Синдикъ изумился этому рѣшительному отвѣту и бросилъ на своихъ значительный взглядъ.

— Натебя доносятъ, — началъ синдикъ, взглянувши въ свой свертокъ бумагъ, — что поздно по вечерамъ принимаешь посѣщенія подозрительныхъ иностранцевъ. Сверхъ того эти люди всегда бывають завернуты въ длинные, широкіе плащи, такъ что болѣе половины лица ихъ не видно.

— Что же вы находите подозрительнаго въ этихъ людяхъ? — спросилъ Петръ спокойно: — то, что они иностранцы? что приходятъ поздно вечеромъ и носятъ длинные плащи? Стало быть, и мои посѣщенія также подозрительны, потому что я иностранецъ? А какъ я цѣлый день работаю, то не могу никого принимать иначе какъ

вечеромъ. Что же касается до длинныхъ плащей, то я не знаю ни одного закона, которымъ бы запрещалось ихъ носить.

— Экой хитрецъ, — сказалъ синдикъ, обратясь къ своему писарю, и продолжалъ допросы. Г-нъ Петръ, порою ты роскошно угощаешь своихъ товарищей, отдаешь заработанныя тобою деньги семейству Бидемана, и кромѣ того дѣлаешь значительныя издержки на другихъ: откуда ты берешь столько денегъ?

— Я первый разъ въ жизни слышу упреки за любовь къ ближнему. Развѣ тебѣ было бы пріятнѣе, чтобъ Русскія деньги оставались у меня въ кошелькѣ, и я привезъ бы ихъ обратно въ мое отечество?

Синдикъ закашлялся. — Мастеръ Блундвикъ сказывалъ мнѣ, что въ актѣ о покупке корабля не упомянуто имя покупателя, котораго ты ему доставилъ. Это также дѣло подозрительное. Кромѣ того, ты былъ на мельницѣ Фюрштена и срисовалъ всѣ части ея, справлялся о цѣнѣ всего, и потомъ у другаго мастера заказалъ все необходимое для устройства мельницы.

Петръ отъ всего сердца расхохотался, и сказалъ:—Мастеръ Блундвикъ пусть будетъ доволенъ и тѣмъ, что получилъ за корабль свой полмилліона гульденовъ, вѣрными векселями. Мужчинѣ не прилично, какъ женщинѣ, надрываться отъ любопытства. Передъ отъѣздомъ моимъ ты узнаешь имя владѣтеля корабля. Мастеръ же мельникъ жалуется на меня отъ зависти. Если бы я нашелъ, что у Фюрштена мельницы устроиваютъ лучше, чѣмъ у другихъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, заказалъ бы ему. Въ Голландіи, кажется, не запрещается покупать то, что находишь лучшимъ.

— Теперь, — сказалъ синдикъ, — я буду спрашивать тебя о самомъ важнѣйшемъ пунктѣ, и тебѣ не удастся болѣе выйти сухимъ изъ воды. Ты вѣрно не запрешься, что блестящими обѣщаніями уговорилъ переселиться въ Россію изъ Саардама и его окрестностей, множество ремесленниковъ, какъ-то: корабельщиковъ, парусниковъ, канатчиковъ, мельниковъ, моряковъ, кузнецовъ, слесарей и прочихъ?

— Я и не запираюсь, — отвѣчалъ Петръ: — Голландія — республика, и хвалится тѣмъ, что всѣ граждане ея могутъ поступать такъ,

какъ находятъ для себя лучше. Они ѣдутъ въ Россію не по неволѣ, и основываясь не на ложныхъ обѣщаніяхъ, но добровольно, и увѣренныя въ большихъ выгодахъ. Россія крайне нуждается въ такихъ людяхъ, и потому не стоитъ за деньгами. Развѣ ты запрещаешь кому-нибудь ѣхать въ Англію, Францію и другія государства?

— Все это хорошо, — возразилъ синдикъ, — но по всему видно, что ты не простой плотникъ, а шпионъ, или какой-нибудь другой опасный человѣкъ, и потому необходимо осмотрѣть все, что у тебя находится въ хижинѣ, если ты не признаешься откровенно.

— Послушай, синдикъ, я располагаю пробить въ Саардамъ не долѣе нѣсколькихъ дней, пока ново-купленный корабль будетъ готовъ къ отплытію, и тогда отправлюсь на немъ въ Амстердамъ за пушками. Если же ты желаешь узнать обо мнѣ болѣе, то обратись къ Русскому посольству въ Амстердамъ; что же касается до обыска моеѣ хижины, то я до этого рѣшительно не допущу.

— Ну, такъ обыщите его силою, — сказалъ синдикъ, обращаясь къ своимъ провожатымъ.

Послышавшійся громкій ропотъ заставилъ синдика оглянуться. Всѣ работники верфи, собравшіяся около домика, съ любопытствомъ слушали этотъ разговоръ, и узнавъ, что хотятъ употребить насиліе противъ ихъ добраго товарища, подняли ропотъ; но, вѣроятно, они и остались бы при этомъ, и обыскъ былъ бы сдѣланъ, еслѣбъ прибытіе новыхъ лицъ не измѣнило всего хода дѣлъ.

ОПРАВДАНИЕ.

Вильгельмъ Бидеманъ, таща за руку робкую сестру свою, быстро проскользнулъ между раздраженнымъ синдикомъ и его провожатыми, рѣшительно сталъ передъ Петромъ, и сказалъ неустрашимо:

— Мы не допустимъ обижать васъ, г. Петръ! Сейчасъ придутъ сюда батюшка и матушка.

Это и дѣйствительно такъ случилось. Едва только Бидеманъ услышалъ о происшедшемъ, какъ, забывъ свою слабость, оставилъ постель, и, опираясь на жену, отправился для защиты Петра.

Онъ былъ вооруженъ тяжелымъ молоткомъ. Оба супруга составили вторую ширенгу передъ Петромъ, котораго все это происшествіе, по-видимому, болѣе забавляло, нежели приводило въ испугъ.

— Петръ возвратилъ мнѣ здоровье и спасъ жизнь! — вскричалъ Бидеманъ, угрожая молоткомъ.

— Онъ отдавалъ свое жалованье мнѣ и дѣтямъ моимъ, — продолжала Марѳа.

— А мнѣ помогъ отнестъ домой муку, и кромѣ того много дѣлалъ добра! — вскричалъ Вильгельмъ.

— Мнѣ вырвалъ зубы, — прибавила Анна.

— Мнѣ сохранилъ глазъ, — кричалъ изъ толпы одинъ плотникъ.

— А моимъ шестерымъ дѣтямъ сдѣлалъ новыя платья, — продолжалъ другой.

— Онъ заплатилъ за похороны моей матери, говорилъ третій.

Число защитниковъ Петра все болѣе увеличивалось, и всѣ вспоминали добро, которое онъ имъ дѣлалъ.

—Онъ щедро угощалъ насъ виномъ и медомъ, и задавалъ не разъ веселые пиры,—продолжалъ Бидеманъ:—неужели мы его теперь выдадимъ?

— Никогда!—закричали прочіе хоромъ.

Сотни угрожающихъ рукъ поднялись въ воздухъ, а нѣкоторые изъ защитниковъ Петра возстали противъ синдика и его провожатыхъ.

— Что это значитъ?—вскричалъ синдикъ:—это бунтъ, возмущеніе! Мастеръ Блундвикъ, верфь ваша въ военномъ положеніи, и если я теперь отступаю, то для того только, чтобы возвратиться немедленно съ цѣлымъ гарнизономъ, который прогонитъ мятежниковъ, а Москвича предастъ моей власти.

Между тѣмъ какъ синдикъ съ своими провожатыми готовился оставить верфь, тронутый Петръ сказалъ работникамъ, собравшимся для его защиты:—Благодарю васъ, товарищи, за помощь, но она мнѣ не нужна. Увѣряю васъ, что это небольшое недоразумѣніе окончится очень счастливой развязкой. Я ни мало не противлюсь вашему начальству, и желаю, чтобы и вы не возставали противъ него.—Г-нъ синдикъ Голландіи и Брабанта, я готовъ открыть тебѣ

мои небольшія тайны, если ты не откажешься войти въ мою хижину.

— Эге, — сказалъ торжествующимъ голосомъ синдикъ: — хватъ начинается трясня. А можетъ быть, онъ хочетъ заманить меня къ себѣ, чтобы задушить на свободѣ! Не жди этого, варваръ: ты не иначе увидишь меня, какъ съ цѣлымъ батальономъ.

— И дѣльно, — отвѣчалъ, смѣясь, Петръ.

Когда толпа разступилась, чтобы пропустить синдика съ его свитою, то увидѣли, что къ верфи приближается длинный рядъ тяжелыхъ каретъ. Всѣ обратили взоры свои на это странное зрѣлище и стояли въ истерпѣливомъ ожиданіи. Даже самъ синдикъ остановилъ свое шествіе, желая узнать, что значилъ этотъ поѣздъ.

Когда находившіяся въ каретахъ лица вышли изъ нихъ, въ толпѣ пробѣжалъ глухой шепотъ восхищенія. Генеральные штаты!... перелетало изъ устъ въ уста, и всѣ съ уваженіемъ сняли шляпы. Длинный рядъ богато одѣтыхъ людей, предшествуемый пятью знатными вельможами, въ сіяющихъ золотомъ одеждахъ, въ шляпахъ съ перьями, со звѣздами на

грудь, мѣрными шагами приближался къ домику Петра, который, поджавъ руки, спокойно стоялъ у дверей.

— Это посланники Англіійскій, Французскій и Россійскій, — шепталъ синдикъ своему писарю, — а четвертаго я не знаю.

— Это Россійскій Князь, который на дняхъ пріѣхалъ въ Саардамъ, — отвѣчалъ кто-то.

— Кажется, какъ они, такъ и Генеральные Штаты совсѣмъ незамѣчаютъ меня, — говорилъ синдикъ съ обиженнымъ видомъ: — всѣ смотрятъ только на упрямаго Москвича.

Это и дѣйствительно было точно такъ. Еще далеко не доходя Петра, всѣ пріѣзжіе сняли свои шляпы, низко преклонились передъ просто одѣтымъ плотникомъ, а Русскій посланникъ сказалъ съ глубокимъ уваженіемъ: Царь мой и повелитель! долѣе нельзя было скрывать пребыванія Вашего Величества въ здѣшнихъ мѣстахъ. Посланники Франціи и Англіи, также и могущественные Генеральные Штаты горятъ желаніемъ и осмѣлились изъяснить вамъ свою покорнѣйшую преданность. Позвольте мнѣ, Ваше Величество, быть такъ счастливу, и этихъ г-дѣ....

— Неужели, — сказалъ Петръ недовольнымъ голосомъ, — ты такъ позабылъ свою родину, что уже не знаешь, какъ должно говорить съ своимъ Царемъ?

— Покоряюсь твоей волѣ, Государь. — Позволь же этимъ господамъ еамимъ обратить къ тебѣ рѣчь свою.

Въ это время оба иностранные посланника и одинъ изъ Генеральныхъ Цитатовъ приблизились къ Царю, и въ почтительнѣйшихъ рѣчахъ выразили свое изумленіе и восторгъ, что онъ снизошелъ до званія плотника.

— Дѣла Царей, добрыя ли или худыя, не могутъ долго оставаться сокрытыми. Я считаю себя обязаннымъ объяснить вамъ причину, по которой принялъ на себя роль плотника. Не пустая прихоть или желаніе славы заставили меня такъ поступить. Я не забывалъ своей святой обязанности — управленія великимъ государствомъ, и изъ этой хижины заботился о его благѣ; для этого и принималъ здѣсь многочисленныя посѣщенія, о которыхъ донесли синдику. Мои Русскіе отъ природы добры, великодушны, трудолюбивы, но еще необразованны. Желая доказать

знатному Русскому дворянству, что трудъ не унижаетъ человѣка, а просвѣщеніе возвышаетъ всѣ сословія, я сдѣлался простымъ плотникомъ. Кромѣ того, теперь я ясно понимаю положеніе бѣднѣйшаго класса людей, видѣлъ ихъ нужды, и могу помочь имъ. Россія богата многими естественными произведеніями, и въ то же время бѣдна, не имѣетъ торговли, первымъ основаніемъ которой служитъ мореплаваніе. Для образованія въ этомъ я употребилъ всѣ свои силы, и посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Желая доставить Россіи хорошихъ работниковъ, я завербовалъ ихъ здѣсь довольное число, и не пустыми обѣщаніями, какъ предполагалъ г-нъ синдикъ; напротивъ того, даю слово, что никто изъ принявшихъ мое предложеніе не будетъ раскаяваться. Наконецъ, мой добрый г-нъ синдикъ, я никакъ не могъ допустить тебя пересмотрѣть мои бумаги, потому что тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ знать ихъ содержаніе.

Уничтоженные синдикъ и его писарь, преклонившись передъ Царемъ, просили прощенія.

—Ты исполнилъ свою обязанность,—сказалъ Царь ласково,—и я не могу быть на тебя за это

въ неудовольствіи; за топоръ я взялся безъ всякаго намѣренія повредить тебѣ.—Теперь, мастеръ Блундвикъ, тебя не будетъ болѣе мучить любопытство, на счетъ имени покупателя корабля твоего. Корабль этотъ будетъ носить имя своего покупателя: онъ назовется *Петръ Царь Русскій*.... Никогда не позабуду, какъ пріятно я жилъ на твоей верфи и въэтой хижинѣ.... Бидеманъ, Марѳа, дѣти! такъ какъ съ сего дня прекращается мое здѣсь пребываніе, то я оставляю вамъ на память мой домикъ и все, что въ немъ находится. Я надѣюсь, что это поможетъ вамъ въ нуждѣ.... Послушай, Бидеманъ, неужели ты для нынѣшняго дня не простишь своего сына Адольфа? Ты хвалился, что если бы Генеральные Штаты стали упрашивать тебя, то и тогда бы ты не измѣнилъ своему слову: не измѣнишь ли его по просьбѣ Русскаго Царя, и не возвратишь ли, по его желанію, родительскую любовь своему сыну?

— О, Царь мой и повелитель!—пролепеталъ Бидеманъ,—приказывай, я повинуюсь во всемъ!

— Бидеманъ! Бидеманъ!—сказалъ Петръ, погрозивши на него пальцемъ.—Богу надобно по-

виноваться болѣе, нежели людямъ, хотя бы они были и Цари. Тебѣ давно бы слѣдовало исполнить заповѣдь Божию. Все же лучше поздно, чѣмъ никогда. Мнѣ кажется, я вижу сына твоего Адольфа среди изумленной толпы. Поди сюда, молодецъ — вотъ отецъ твой; Бидеманъ, вотъ твой потерянный сынъ: обнимитесь и живите въ мирѣ. Бидеманъ, сынъ твой мнѣ нравится; если ты и жена твоя согласны, я возьму его въ Россію. Изъ него выйдетъ славный морякъ, а такіе люди вездѣ надобны. Онъ поступитъ на мой новый корабль первымъ подшкиперомъ. И если когда кто-нибудь изъ твоего семейства прибудетъ въ Россію, то всегда найдетъ во мнѣ друга и помощника.

Потомъ Петръ громко сказалъ:—Старые товарищи, собравшіеся на мою защиту, и вы могущественные Генеральные Штаты, господа посланники, мастера и подмастерья, не исключая и жалующагося мельника! всѣхъ васъ прошу быть сегодня моими гостями; я тебя, Князь, заняться угощеніемъ, и мы при звонѣ бокаловъ выпьемъ за благоденствіе Голландіи.

Такъ окончилъ рѣчь свою Государь истинно Великій.

Генеральные Штаты бросили вверхъ свои шляпы, синдикъ и его писарь отъ робости вскинули парики, работники свои шапки, и всѣ, исполненные восторга, воскликнули: да здравствуетъ Петръ Великій, Царь Русскій!

Да здравствуетъ Петръ Великій! раздавалось съ моря; да здравствуетъ Петръ Великій! отдавалось изъ Саардама. Казалось, и вѣтряныя мельницы, быстро махая своими огромными крыльями, раздѣляли всеобщее торжество.

Пер. Т. Пассекъ.

РАСКАЯНІЕ

ПОЛОВИНА ИСПРАВЛЕНІЯ.

Комедія въ 2 дѣйствіяхъ.

дѣйствующія лица:

Миша)
Сонюшка) Ленины.

Ваня)
Машинька) Минскіе.

Володя Лавровъ.

Карлъ Ивановичъ, гувернеръ.

Егорка)
Архипка) лакеи.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ хорошо меблированную комнату. Съ обѣихъ сторонъ двери. На одномъ изъ столовъ графинъ съ водой и стаканы. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сонюшка (*входитъ, снимаетъ шляпку и ставитъ на столъ корзиночку съ малиной*).
Еслибъ не эта гадкая крапива, я вѣрно набрала

бы полную корзинку.... Ну, да мамашѣ къ чаю и этого будетъ довольно. Посмотрѣть, встала ли она (*Идетъ къ боковой двери и останавливается*). Лѣнтій—Миша навѣрное еще въ постелѣ. Вотъ странный, право, мальчикъ! Сколько разъ просила я его вставать раньше: и утро прекрасное, и голова свѣжѣе будетъ, и урокъ легче выучишь.... Ничего не слушаетъ, и понимать не хочетъ. Только цѣлый день строгаешь палки, да дѣлаешь игрушки! Право, жаль мамашу: какъ она, глядя на него, огорчается! А сердце у него доброе, и способности, говорить учителя, хорошія; только бы отъ лѣни вымечить, да еще отъ небрежности.... (*Слышенъ звонокъ.*) Чу! мамаша проснулась. Побѣгу къ ней первая. (*Убѣгаетъ въ боковую дверь, оставивъ шляпку и корзинку на столѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Миша (*скоро входитъ съ сердитой гримасой на заспанномъ лицѣ*). Что это такое? Другое утро, какъ на смѣхъ, будятъ меня какимъ-то стукомъ въ стѣну. Я просто попрошу мамашу, чтобы отвели мнѣ другую комнату. Говорю Егоркѣ, чтобъ мнѣ не мѣшали спать; онъ толь-

ко, дуракъ, улыбається: «Пора вставать, сударь; 8 часовъ; чайъ готовъ-съ....» Очень нужно! (*Наткнувшись на столъ, видитъ малину въ корзинкѣ.*) Что это? Малина, да какая крупная, только-что съ вѣтки. Что ни говори Ваня Минскій, малина по мнѣ самая лучшая ягода въ свѣтѣ. (*Ѣстъ по ягодкѣ.*) Что въ ротъ, то спасибо. Ему нравятся лучше вишни. Чѣмъ онѣ лучше? Вовсе не слаще; а главное, — вишни надобно ѣсть по одной ягодкѣ, вынимать зерна.... и тихо, и скучно! То ли дѣло, какъ можно разомъ взять въ ротъ ягодъ десять! (*Беретъ горсть и проглатываетъ.*) Безъ лишнихъ хлопотъ и скоро! (*Беретъ другую горсть, высыпаетъ остатки на руку и хочетъ поставить корзинку на столъ, какъ юлосъ Сонюшки заставляетъ его обернуться.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Сонюшка (*вбѣгая*). Ужъ не даромъ я рано встала! (*Увидѣвъ свою корзинку въ рукѣ Миши*). Не для васъ, не для васъ, любезный братецъ: извольте сами набрать.

Миша (*отдавая пустую корзинку*). Совѣтую тебѣ, милая сестрица, еще пораньше вставать;

а то тутъ и мнѣ одному мало: надобно малины набирать столько, чтобъ на всѣхъ стало.

Сонюшка (*отталкивая корзинку, съ горькимъ упрекомъ*). Миша! какъ тебѣ не стыдно такъ жадничать. Посмотри, я сожгла себѣ крапивой руки, для того чтобы набрать мамашѣ къ чаю ея любимыхъ ягодъ; а ты отнял у меня это удовольствіе. Мамаша не будетъ кушать малины; да и тебѣ натошакъ мало пользы принесть мои ягоды.

Миша (*повертываясь на одной ногѣ*). Обо мнѣ не безпокойся. Да и мамашу нашла ты чѣмъ угощать! Малиной, самой безвкусной, самой деревенской ягодой. Ну что за десертъ малина? Что это ананасъ что ли, что ты хотѣла подчивать ею мамашу. Ужъ и названье-то — малина. Ни сласти, ни вкусу....

Сонюшка (*перебивая его*). Это разсужденіе прекрасно; жаль только, что не въ время пришло оно вамъ въ голову. Чтобы вамъ пораньше разсудить, что не стоитъ изъ-за такой дрянной ягоды дѣлать другимъ неудовольствіе!

Миша (*съ гримасой*). Страшная потеря, невознаграждаемая!

Сонюшка (*съ возрастающимъ негодованіемъ*). Для другихъ имѣть брата, значитъ каждый день получать неожиданныя удовольствія, сюрпризы....

Миша (*ходитъ позади нахмурившись*). Ужъ дернуло меня съѣсть эту дрянъ. Будетъ теперь брюзжать до самаго класса.... а тамъ еще будетъ лучше. По неволѣ спишь долго.

Сонюшка (*въ томъ же тонѣ*). А я отъ моего братца вѣчно терплю однѣ непріятности, и ни одной услуги не видала.

Миша. Какія, право, охотницы до услугъ эти дѣвочки. Ну, успокойся!

Сонюшка (*не слушая*). Вонъ, Володинька Лавровъ, какой чудесный портфель сдѣлалъ своей сестрицѣ Аниутѣ! Сколько узоровъ нарисовалъ!

Миша. Не уймешь! такъ заораторствовалась. Да послушай же: дай осужденному слово молвить въ свое оправданіе.

Сонюшка. Я знаю, что ты говорить мастеръ, только на дѣлѣ-то выходитъ иначе.

Миша (*беретъ ее за руку*). И дѣло будетъ хорошо, Сонюшка; только послушай....

Сонюшка (*надувши губки и не смотря на него*). Слушаю! Вѣрно старыя пѣсни.

Миша. Пожалуй, хоть и старыя, только съ нѣкоторыми новыми варіаціями. Вотъ что! Малины воротить нельзя. Я бы сбѣгалъ и набралъ вдвое больше, да некогда: скоро классъ начнется. Урокъ же у меня, знаешь, по обыкновенію — черезъ два слова въ третье. Въ замѣнъ твоей потери обѣщаю тебѣ честнымъ словомъ окончить въ воскресенье начатый зимою канвовый узоръ; въ день твоего ангела увидишь у себя на столѣ отличную этажерку; и отнынѣ я твой покорный слуга на всѣ возможные услуги. Завтра встану раньше тебя и наберу малины полную эту корзинку....

Сонюшка (*перебивая*). Пстой, постой! Ты, кажется, забылъ, что всѣ эти обѣщанія гораздо труднѣе выполнить, нежели высказать....

Миша. Будь увѣрена!...

Сонюшка. Вѣрю, вѣрю. Но мои желанія нейдутъ такъ далеко; я вовсе не эгоистка. (*Беретъ его за руку, съ нѣжностію*). Знаешь, что, Мишинька? У меня къ тебѣ есть просьба попроще, несравненно легче; а исполненіе ея доставитъ

удовольствіе и мнѣ и всѣмъ, кто тебя любитъ; самъ ты отъ этого будешь въ большой радости.

Миша (*съ любопытствомъ*). Что это такое? Не театръ ли?

Сонюшка. Нѣтъ, совсѣмъ не то....

Миша (*махнувъ рукой*). Ну, да что бы ни было; я такъ глубоко чувствую свою вину, что готовъ выкупить ее даже Египетскою работою.

Сонюшка. Я предлагаю тебѣ вовсе не Египетскую работу. Вотъ что! Ты слышалъ, что у насъ въ воскресенье устраивается дѣтскій праздникъ. Маменька кое-что рассказывала мнѣ о приготовленіяхъ, и, какъ видно, праздникъ будетъ на славу.

Миша (*похлопывая руками*). Мы тоже съ Ваней что-нибудь придумаемъ. Маскироваться будутъ?

Сонюшка. Будутъ ли, нѣтъ ли, не знаю. Дѣло не въ томъ. Мы боимся потерять тебя, мой милый лѣнтяй. Сегодня четвергъ.... (*Ласково*). Миша, душенька! Учись эти дни хорошенько, потѣшь мамашу, и она тебѣ сдѣлаетъ удовольствіе, а то тебѣ не видать нашего праздника, какъ своихъ ушей....

Миша. Вишь ты, съ чѣмъ подѣхала, лиса-проповѣдница! (*Почесывая затылокъ*). Ужъ куда какъ не люблю я эти маленькія просьбы. Учись хорошенько! легко сказать. Одни Англіійскіе уроки замучить могутъ; Нѣмецкую болтовню я жалую также мало, какъ и самого подслѣпаго Карла Ивановича; отъ Русскаго разбора меня беретъ всегда страшная зѣвота; Латынь — настоящая микстура; исторія бы и ничего, да эти безчисленные имена и годы учить скучно; геогр....

Сонюшка. Отъ чего же всѣ твои товарищи иначе думаютъ и учатся?

Миша (*прищуривая глазъ*). Не всѣ, право, не всѣ такіе святоши, какъ твой возлюбленный Володя.

Сонюшка. Даже твой пріятель Ваня, такой же шалунъ, какъ и ты, и тотъ гораздо исправнѣе тебя.

Миша. Ну, такъ и быть! «Далъ слово,—держись,» говоритъ пословица. Такъ и быть поймаюсь пятницу и субботу, а на сегодняшнемъ не взыщи: вчера вечеръ змѣй запускалъ....

Сонюшка. Какъ? только два дня? Нѣтъ, Миша. Ты только начин этими двумя днями, тамъ

и самъ увидишь, какъ пріятны удовольствія, купленные трудомъ. Какъ это, я слыхала у васъ Латинскую пословицу, что только то пріятно, въ чемъ есть и польза?

Миша (*разсѣянно*). Забылъ, право. Давно учили.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ваня (*вбѣгая*). Omne tulit punctum, qui utile miscuit dulci. (*Мишѣ*) Видишь, я знаю и помню. (*Сонюшкѣ*) Позвольте же за это вашу ручку поцѣловать. Вы, какъ я вижу по вашей величественной осанкѣ и по его постному личику, вы, должно быть, читали ему очень, очень нравственную и назидательную проповѣдь. (*Мишѣ*) Что ты, мое красное солнышко, затуманился? Видно рано всталъ, да мало напрялъ?

Миша. За то напуталъ довольно.

Сонюшка. Между двумя друзьями я лишняя. До свиданья, Миша! Помни свое слово и воскресенье (*Идетъ къ средней двери.*)

Ваня (*положивши свои книги на столъ, подпрыгиваетъ за Сонюшкой*). Въ воскресенье мы съ вами, Сонюшка, въ первой парѣ откроемъ праздникъ. Вашъ костюмъ?

Сонюшка (*манитъ его къ себѣ*). Еще не придумала. (*Беретъ Ваню подъ руку, и они тихо разговариваютъ, поглядывая на Мишу.*)

Миша (*про себѣ*). Странное дѣло! Самому мнѣ иногда приходитъ на мысль вопросъ: чѣмъ я глупѣе другихъ? А успѣхи мои, просто, какъ черепаха на пескѣ. Нѣтъ, пора образумиться и собраться съ силами. Мамаша и Соня будутъ рады моему перемѣнѣ; мнѣ будетъ меньше доставаться отъ учителей, да и товарищамъ полно поддаваться.

Ваня (*раскланиваясь съ Сонюшкой, шутливо*). Ужъ положитесь на мое искусство. Знаете, дипломатъ не изъ послѣднихъ. (*Подбѣгая къ Мишѣ и толкнувъ его подѣ-бокъ*). Ну, что ты, хмура. Настоящій ты сегодня Мишка-медвѣдь.... Какую я маску надѣну себѣ въ воскресенье: держитесь только за бока. Ты тоже себѣ смастери что-нибудь этакое поуморительнѣе.

(*Сонюшка, посмотрѣвъ съ минуту на друзей, уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Миша. До воскресенья—то, братъ, еще три дня и 12 уроковъ; а приготовить ихъ хорошо—не поле перебѣжать.

Ваня. Вздоръ какой! Кромѣ двухъ Латинскихъ уроковъ, остальное все — тринь—трава для того, кто хочетъ повеселиться съ пріятелями.

Миша. Правда твоя, Ваня; только сегодняшній день для меня ужъ рѣшительно потерянъ. Развѣ притвориться больнымъ?

Ваня. Ну, это будетъ обманъ, душа моя. Зачѣмъ совѣсть тяготить этимъ дрызгомъ? А лучше вотъ что!... Сколько времени осталось до класса?...

Миша (*глядя на часы*). Полчаса. Что тутъ успѣешь сдѣлать? Я же еще чаю не пилъ, и, кажется, не умывался, ни Богу не молился.

Ваня. Ахъ, ты перяха, перяха! Да слушай: умоешься послѣ; Богъ же вѣрно усердное исполненіе долга вмѣнитъ тебѣ въ теплую молитву; а чай можешь пить, слушая, какъ я буду читать тебѣ урокъ изъ исторіи. Вотъ однимъ горемъ и меньше. Англійскій урокъ, коли не

знаешь, невозвратимъ; а Латинскій во время завтрака немного подзубримъ вмѣстѣ: я тоже хромаю въ немъ.

Миша (*растроганный*). Ты, Ваня, прямой товарищъ; меня очень трогаетъ твое дружеское участіе.... Приходи уже вечеромъ вмѣстѣ готовиться.

Ваня (*перелистывая книгу*). И готовить маски и костюмы къ воскресенью. (*Друзья обнимаются.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

(*Егорка приноситъ чай Мишѣ и отходитъ.*)

Миша (*Ванѣ*). Хочешь чаю?

Ваня. Ни полчашки: пилъ дома. Ну, къ дѣлу. Ты пей, а я прочту тебѣ о томъ, какъ Ярославъ Мудрый одолѣлъ братоубійцу, Святополка окаяннаго. (*Садится, раскрываетъ книгу.*) Какъ удивится зубрилка—Володя, когда ты, сверхъ всякаго чаянія, расскажешь свой урокъ не хуже его!

Миша. Я тоже не меньше его буду удивленъ. Ну, читай! Необходимый годъ? (*Пьетъ чай.*)

Ваня (*импровизируя*). Въ 1014 году Владимиръ Святой закрылъ глаза, благословляя дѣ-

тей и простивъ даже мятежнаго Ярослава.... А Ярославъ былъ ужасно своенравенъ и упрямъ смолоду.

Егорка (*про себя*). Ужъ не упрямѣй нашего Михайла Ивановича.

Ваня (*смѣясь*). Въ самомъ дѣлѣ?

Миша (*стуча ложечкой, Егоркѣ*). Возьми! (*Ванѣ*) Который годъ-то? 1014-й?

Ваня. Такъ точно. (*Читаетъ*) Кіевляне, скрывая смерть Великаго Князя отъ нелюбимаго Святополка, ждали Бориса, обожаемаго народомъ. Но Святополкъ скоро узналъ о случившемся, явился въ Кіевъ, сыпалъ въ народъ деньгами и милостями, и послалъ звать молодыхъ Князей въ Кіевъ, говоря, что умирающій отецъ хочетъ въ послѣдній разъ благословить ихъ. Убійцы Святополка стерегли по дорогамъ обманутыхъ Князей. Первыми жертвами его властолюбія были любимыя дѣти Владимира, Борисъ и Глѣбъ. Святославъ, Князь Древлянскій, узнавши истину, бѣжалъ въ Венгрію; его настигли на границѣ и убили. Та же участь готовилась Ярославу.

Миша (*вздрыгнувъ*). Охъ, какой ужасный злодѣй!

Ваня. Ужасный! Какое гадкое лицо должно быть у него! Вотъ бы маску—то снять. (*Читаетъ.*) Разсорившись съ отцемъ и отказавшись платить ему дань, Ярославъ, Князь Новгородскій, готовился встрѣтить раздраженнаго Владимира съ оружіемъ и призвалъ на помощь Варяговъ. Эта заморская вольница распоряжалась въ Новгородѣ, какъ дома, и до того раздражила Новгородцевъ, что они избили большую часть наглыхъ пришельцевъ. Скрывъ злобу, Ярославъ созвалъ лучшихъ гражданъ Новгородскихъ, подъ предлогомъ совѣщанія, и велѣлъ умертвить всѣхъ, въ отмщеніе за смерть своихъ союзниковъ.... Въ ту же ночь пришла къ нему грамота отъ сестры Предславы, которая извѣщала о смерти отца и злодѣйствахъ Святополка. Положеніе Ярослава было отчаянное.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Егорка. Барыня приказала спросить, отъ чего вы не изволили сегодня съ ними здороваться.

Миша (*вскочивъ*). Сейчасъ ворочусь, Ваня. Сегодня я самъ не свой. (*Убѣгаетъ въ боковую дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ваня. Такъ ты, Егорушка, находишь большое сходство между характерами Ярослава и Миши?

Егорка *(съ увлеченіемъ)*. Какъ же-съ? Вчера цѣлый вечеръ возились съ змѣемъ. Сами строгать не умѣютъ, а я виноватъ: и дерево скверное, и клестеръ не уваренъ. А тутъ змѣи сѣлъ на березу (хвостъ, видите, легокъ сдѣлал). Полѣзай, да и все тутъ; а береза гладкая, какъ шесть, развѣ кошка влѣзетъ.

Ваня. Ну, что же ты?

Егорка. Я полѣзъ, да нарочно и свалился *(Улыбается.)*

Ваня. Хитеръ, нечего сказать.

Егорка *(таинственно)*. Теперь вы замѣтили, какое сердитое лице у нихъ. Это отъ того, что барыня приказала каждое утро въ 7 часовъ стучать въ стѣну ихъ комнаты, чтобъ они не такъ долго почивали.

Ваня. Славная выдумка! А все-таки онъ добрый мальчикъ.

Егорка *(чувствительно)*. Какъ же-съ! Очень добрый: мнѣ вотъ эту жилетку подарили; всѣ

лакомства, какія даютъ имъ, все со мной дѣлать. Жалко, лѣнны больно, и часто наказываютъ.

Ваня. Погоди немножко: мы его выправимъ по пріятельски.... Вотъ онъ бѣжитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Миша (*вбѣгая*). Ну, письмо Предславы застало Ярослава въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Какъ же онъ выпутался?

Егорка. Чаю больше не изволите? У меня еще доска въ классѣ не вымыта.

Миша. Пошелъ! не нужно. (*Егорка уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Ваня (*читаетъ*). Ярославъ велѣлъ ударить въ вѣчевой колоколъ, вышелъ къ народу и со слезами приносилъ раскаяніе въ вѣроломномъ поступкѣ: «Братья моя избита, и мнѣ грозитъ гибель немпнуемая безъ вашей помощи, граждане!» говорилъ Князь.

Миша. Какъ это по-Русски! Какой открытій характеръ! Что же Новгородцы?

Ваня (*читаетъ*). Старѣйшины отвѣчали: «Князь, въ бѣдѣ зла не помнать: мы тебя не

покинемъ.» А народъ единодушно гремѣлъ :
«Веди, веди насъ насъ на Святополка, брато-
убійцу окаяннаго!»

Миша. Какъ прекрасно такое примиреніе!

Ваня (*читаетъ*). Новгородцы знали злой нравъ Стятополка и понимали, что не сохрानить имъ при немъ дорогой своей воли. Вспыльчивый, но добрый Ярославъ былъ имъ болѣе по сердцу. Сильную рать повелъ Ярославъ на Святополка и заставилъ его бѣжать въ Польшу. Болеславъ Храбрый явился на защиту своего зятя, а Ярославъ бѣглецомъ въ Новгородѣ. Онъ хотѣлъ бѣжать къ Варягамъ; Новгородцы не пустили его и вооружились поголовно за своего любимца. Между тѣмъ Святополкъ разсорился съ Болеславомъ, который самовластно распоряжался въ Кіевѣ; Поляковъ убивали по квартирамъ. Болеславъ спѣшилъ удалиться во-свояси. А Ярославъ шелъ съ Новгородцами къ Кіеву. Святополкъ вывелъ ему на встрѣчу многочисленные полки свои; но войско неохотно сражалось за ненавистнаго Князя, и на той же рѣкѣ Альтѣ, гдѣ погибъ св. Борисъ, Святополкъ былъ разбитъ на голову, бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти.

Ярославъ въ торжествѣ вошелъ въ Кіевъ и сѣлъ на златокованномъ столѣ отцевскомъ. Новгородцы за свое усердіе получили дорогія для нихъ льготныя грамоты. Это случилось въ 1019 году. Конецъ! (*Закрывъ книгу, вскакиваетъ.*)

Миша. Только? Какъ легко и занимательно! Готовъ повторить отъ слова до слова.

Ваня. Всѣ почти уроки таковы: весь секретъ въ прилежаніи (*Смотритъ въ окно.*) Вотъ и Володя Лавровъ переваливается. Онъ вѣрно у Карамзина читалъ нынѣшній урокъ. Постой, я его поугаю. (*Становится у двери, и дождавшись Володи, сильно вскрикиваетъ.*) Ухъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Володя (*роняетъ книги въ дверяхъ*). Какъ ты меня испугалъ, шалунъ этакой! Книжки чужія: запачкаю — спасибо не скажутъ и впередъ не дадутъ.

Ваня (*хохочетъ*). Охъ, ты, ходячая книга! А ну-ка, въ которомъ году Ярославъ утвердился въ Кіевѣ окончательно?

Володя (*положивъ книги на столъ*). Скажу, когда очередь придетъ.

Ваня. Полно, несносный, хвастаться! Мы сегодня тебя просто въ грязь втопчемъ: у Карамзина читали. *(Мигаетъ Миша, который въ это время перелистываетъ книгу.)*

Володя. Такъ нечего и спрашивать.

Ваня. Ну, а это можно спросить: въ какомъ образѣ и одѣяніи предстанетъ ваше степенство намъ въ воскресенье?

Володя. У васъ не попрошу совѣта.

Ваня. Куды намъ! Одна просьба: въ какомъ угодно видѣ явись, только не въ собственномъ; не наводи на наше свѣтлое торжество такой мрачной тѣни.

Володя *(съ досадой)*. Оставь меня въ покоѣ отъ твоихъ насмѣшекъ.

Миша *(закрываетъ книгу, потираетъ руки отъ самодовольства)*. Что, Володя? Этотъ зубоскаль тебя обижаетъ? Надобно попроучить хорошенько.

Володя. Слова его не берутъ; а въ кулачномъ дѣлѣ я не мастеръ.

Ваня *(Володѣ)*. Напиши эпиграмму; а я тебѣ каррикатурой отвѣчу.

Миша *(Володѣ)*. Мы ему уже не дадимъ

завтракать; посмотримъ, такъ ли патошакъ-то онъ будетъ остеръ и боекъ.

Ваня. Вотъ покровитель сырыхъ и слабыхъ!

Миша. Володя, онъ и меня за живое задѣваетъ. Ну-ка, постоймъ за свою честь; отдѣлаемъ его самосудомъ. Произноси приговоръ, а я помогу его исполнить.

Володя (*ободрившись, громко*). За тяжкія обиды, наносимыя Иваномъ-Зубоскаломъ, присуждаю: намочить ему водой голову.

Ваня (*Володь*). Ожилъ, ханжа. Не много только возьмете, друзья. (*Миша наливаетъ стаканъ воды, и вмѣстѣ съ Володей ловятъ Ваню, скачущаго по стульямъ, и плещутъ въ него водой. Подымается возня, какъ вдругъ является гувернеръ. Дѣти стихаютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

КАРЛЪ ИВАНЫЧЪ (*грозно*). Was ist das? Machen sie kein Scandal! (*Мишѣ*) Michel, immer unser Michel der Ernstifter! Ewiges Lärmen!

ДѢТИ (*всѣ вмѣстѣ*). Gut Morgen, Herr Puff.

КАРЛЪ ИВ. (*надувшись*). Gut Morgen! Sein sie ruhig! (*Важно продолжаетъ мѣрный маршъ свой въ боковую дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Миша (*Ванъ*). Вотъ твой спаситель, и то на время.

Ваня. Каковъ Володя! Первый присмврѣлъ: какъ въ воду кануль.

Володя. А ты очень храбро кажешь кулакъ въ карманѣ, герой.

Миша. Сочтется послѣ, а теперь въ классъ пора.

Ваня (*Володъ*). Ты склей къ воскресенью ослиную голову съ аршинными ушами....

Володя. Для тебя? Самъ ты на это мастеръ.

Ваня. Много чести. Я все тебя-то хочу разубрать.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

КАРЛЪ ИВ. Nehmen sie ihre Bücher und gehen Sie in die Klasse! (*Дѣти, толкаясь и смѣясь, уходятъ съ книгами.*)

КАРЛЪ ИВ. (*къ публикѣ*). Эхъ, никарашо гувернеръ быть: дѣти шали, ни слюшій; лакей груби, сигарка укради! (*Махнувъ рукой*) Der Teufel! (*Уходитъ. Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ комнату обѣ одномъ окнѣ —карцеръ Миши. На столѣ графинъ съ водой, стаканъ, ломоть хлѣба чернаго на тарелкѣ и двѣ книжки; стулъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Миша (*сидитъ, облокотясь обѣими руками на столъ и, поддерживая ими голову, читаетъ; потомъ съ нетерпѣніемъ ворочаетъ листы и, надувшись, бормочетъ про себя*).... Тарабарщина Чухонская. Нейдетъ въ голову, хоть тресни. (*Отталкиваетъ книгу, и начиняетъ скоро ходить по комнатѣ.*) Кабы не этотъ филинъ Карлъ Ивановичъ съ своими неправильными глаголами, не сидѣть бы мнѣ на хлѣбѣ да на водѣ въ этомъ чуланѣ. Теперь Ваня, Володя, Петруша, Машинька, Сонюшка, не помня себя отъ радости, готовятся къ празднику; а я.... (*Горько*) Господи, зачѣмъ создалъ ты на мое горе Карла Ивановича и Нѣмецкій языкъ? Ахъ! какая досада! Кто дернулъ меня за языкъ на-грубить Нѣмцу! (*Походивъ немного, про себя*) Просить прощенья тяжело и стыдно: еще капризничать станетъ. Написать письмо?... Оши-

бокъ надѣлаешь кучу : опять разсердится и тогда все пропаго. (*Садится и задумывается.*) А сидѣть здѣсь не приходится. (*Беретъ опять книгу и тихо читаетъ.*) Vergessen, ich vergesse, ich vergaß, ich habe vergessen.... Werfen, ich werfe, du wirfst.... Какъ бы это сдѣлать, чтобы меня сегодня выпустили изъ этой западни? А то я съ тоски умру. Выучи второй отдѣлъ неправильныхъ глаголовъ, попроси прощенья у Карла Ивановича. Гмъ! Володя легко бы сдѣлалъ и то и другое; а мнѣ такъ оба подвига не по силамъ. Учить не могу: въ головѣ праздники и костюмы, да и ѣсть такъ хочется, что съѣлъ бы самого Карла Ивановича; просить прощенья готовъ, только не у....

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Входитъ Егорка и подаетъ записку.*)

Миша (*срываетъ печать и пробѣгаетъ глазами письмо*). Что за напасти такія!

Егорка. Отвѣтъ будетъ-съ?

Миша (*сердито*). Какой отвѣтъ? Развѣ палецъ въ воду обмакнуть да на коркѣ хлѣба написать отвѣтъ? Да и не зачѣмъ.

Егорка. Слушаю-съ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Миша. Ай-да денекъ выпалъ! И Ваня въ карцерѣ пьетъ одну со мной чашу. Теперь на праздникъ будетъ предсѣдательствовать Володя, и вмѣсто игръ вѣроятно устроить ученое за-сѣданіе. Будь я на свободѣ, сейчасъ бы полетѣлъ выручать узника... а теперь далеко не улетишь, какъ крылья-то подвязаны. (*Подходитъ къ столу и, глядя на тарелку съ хлѣбомъ, смѣется.*) Не знаю, такой ли роскошный столъ у Вани, а у меня въ блюдахъ-то не обочтешься. Вотъ ужъ подлинно и смѣхъ и горе. (*Подходитъ къ окну.*) Въ это глупое окно только стѣну да крышу сосѣда видно, да на верху — неба лоскутокъ. (*Ходитъ въ раздумьѣ.*) Что это Соня нейдетъ такъ долго? (*Ходитъ по комнатѣ.*) Ну, да я вѣдь очень унывать не стану. Когда не выпустятъ на праздникъ, я здѣсь, у себя устрою свою потѣху. Не даромъ дѣлалъ я себѣ маску и костюмъ. Велю Егоркѣ принести все это сюда, одѣну его въ свой костюмъ, надѣну ему эту уморительную маску, и заставлю его плясать въ такомъ видѣ. Это значить, буду полчаса хохотать безъ умолку. Потомъ будемъ

разсказывать другъ другу сказки. Соня безъ меня не поидеть на праздникъ. Милая дѣвочка, и добра, какъ ангелъ. Егорка!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Егорка. Что угодно-съ?

Миша. Маменька еще не пріѣзжала отъ обѣдни?

Егорка. Никакъ нѣтъ-съ! Надо скоро быть.

Миша. Скажи, какъ пріѣдетъ.

Егорка. Слушаю-съ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Миша. Замолились что-то сегодня. Не мои ли грѣхи отмаливаютъ? (*Задумывается.*) Не помолиться ли мнѣ; авось Богъ поможетъ мнѣ поправить мои ошибки и выведетъ изъ бѣды. (*Становится на колѣни и набожно подымаетъ глаза къ небу.*) Господи!... (*Задумывается.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сонюшка (*скоро входя*). Ты молишься! (*Миша вскакиваетъ.*) Молись, другъ мой, Мишинька! За Богомъ молитва не пропадаетъ. И я за тебя молилась въ церкви. (*Цѣлуетъ его.*)

Миша (*растроганный*). Благодарю, Сонюшка! Что вы такъ долго?

Сонюшка. Молебень былъ.

Миша. Маменька ничего про меня не говорила?

Сонюшка. Со мной ни слова: знаетъ, что при первомъ о тебѣ намекѣ повисну у ней на шеѣ съ просьбами. Но Карлъ Ивановичъ что-то съ ней толковалъ съ жаромъ, и твое имя поминалъ почти черезъ слово. Лице маменьки не такъ сердито. А вотъ что меня теперь удивляетъ: вообрази, за обѣдней ни Ваня, ни Машеньки Минскихъ не видала, а Наталья Петровна была. Ужъ не случилось ли бѣды какой съ ними!

Миша (*беретъ записку со стола*). Ты угадала. Вотъ сейчасъ отъ Вани записку получилъ. Слушай! (*Читаетъ*) «Поздравь меня, другъ мой Миша, съ новосельемъ: я въ самомъ гадкомъ и темномъ чуланѣ мухъ ловлю. И вотъ какая невзгода занесла меня въ эту трущобу. Сегодня слышу ужасный шумъ въ комнатѣ сестры Маша, потомъ въ классной. Это, изволишь видѣть, гувернантка раскричалась на сестру. Я, знаешь, охотникъ до этакихъ зрѣлищъ; втерся въ классную и подалъ голосъ въ пользу слабого, да какъ-то не впаздъ. Мамзель Жоко повысила голосъ еще тона на два, и давай

меня батальнымъ огнемъ обстрѣливать; я, какъ окуренный воинъ, отстрѣливался шуточками и, на приглашеніе убираться вонъ, разсѣлся на диванѣ и началъ играть съ собаченкой. Мамзель выбѣжала въ ярости изъ комнаты, а черезъ три минуты я, подѣ конвоемъ папашини и камердинера Ивана, шествовалъ въ заточеніе: въ старый флигель на заднемъ дворѣ. Между прочимъ мнѣ объявлено, что отъ М-ше Жюко зависитъ выпустить меня, или продержатъ въ этой крѣпости весь сегодняшний день. Это меня образумило: я понялъ глупость своей выходки и пишу ей прегалобное и преубѣдительное посланіе. Не знаю, какой будетъ успѣхъ, а каюсь чистосердечно. Весь твой Ив. Минскій.»

Сонюшка. Чего же лучше и умнѣй, Миша? Я и тебѣ совѣтую, по примѣру Вани, написать Карлу Ивановичу извинительное письмо.

Миша (*съ гримасой*). А на какомъ діалектѣ, позвольте спросить? По-Нѣмецки, небойсь? Это выходитъ изъ огня, да въ воду: я ему столько ошибокъ надѣлаю, что онъ придетъ въ отчаяніе и еще больше ожесточится. Нѣтъ, это средство опасное.... Ахъ, какъ дорого обхо-

дятся эти глупыя шалости! Какъ на душѣ тяжело, какъ стыдно.

Сонюшка. Что же дѣлать, Мишинька? Неужели сидѣть праздникъ въ карцерѣ?

Миша (*задумчиво*). И походить можно; только лечь негдѣ, да и кушанье-то — не разлакомишься.

Сонюшка. Ахъ, я тебѣ двѣ булочки принесла, только скорѣй съѣшь.

Миша. Спасибо за подаанье, добрая христіанская душа! (*Бстѣ.*)

Сонюшка. Шутки въ сторону. Надобно искать средства высвободить тебя, шалунъ.

Миша. Не волкомъ же быть. Я думалъ, думалъ здѣсь одинъ, да ничего отраднѣе не придумалъ. Развѣ ты свой умъ приложишь.

Сонюшка (*весело*). Есть средство, Миша, только слушайся. Пиши ты письмо къ мамашѣ, что ты сознаешь свою вину, но что не смѣешь просить Карла Ивановича, а чтобы она замолвила передъ нимъ за тебя словечко....

Миша. И ты воображаешь, что мамаша такъ вотъ и растаетъ отъ моей жалобной элегіи? Нѣтъ, матушка: я такъ насолилъ всѣмъ, что окольной дорогой не скоро доѣдешь....

Сонюшка. Ужъ пиши только; а тамъ что будетъ, то будетъ. Я пожалуй диктовать готова.

Миша. Спасибо за мысль, а справиться самъ съумѣю. Только ни бумага ни чернилъ нѣтъ.

Сонюшка. Я сейчасъ все это тебѣ принесу. *(Бѣжитъ изъ комнаты и сталкивается въ дверяхъ съ Ваней и Машинькой Минскими.)* Ахъ, Ванюшка, вы на свободѣ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ваня *(входя)*. Ну, всѣ знаютъ про мой позоръ.

В М Ѣ С Т Ѣ.	Миша. Ба, ба, ба!	Ваня. Та, та, та!
	Ахъ, ты ханжа. Вы-	Ты, братъ, не ошибся:
	плакалъ такъ себѣ	я плакалъ, и отъ всей
	прощенье. Ну, братъ,	души, какъ папаша
	поздравляю: ты одну	сталъ мнѣ описывать
	тюрьму промѣнялъ на	мою дурь. Совѣтую и
	другую; безъ меня те-	тебѣ дать побольше
	бѣ нѣтъ отсюда вы-	свободы сердцу. Вый-
	ходу.	демъ оба.

Сонюшка *(въ дверяхъ)*. Машинька, и ты, мой ангелъ, здѣсь! Какъ я рада. Помогите мнѣ Мишу выручить изъ бѣды. *(Цѣлуются)* Побудь здѣсь: я сейчасъ ворочусь. *(Убѣгаетъ.)*

Миша. Правда твоя, Ваня; да стыдно ужасно и страшно подступиться.

Машинька *(за дверьми)*. Можно мнѣ войти, господинъ узникъ?

Миша *(въ замѣшательствѣ)*. Можно.... только.... *(Прячетъ въ уголъ хлѣбъ и воду, закрывая ихъ книгами, тарелкой и платкомъ.)*

Ваня *(увидѣвъ это)*. Э, братъ! Да ты никакъ постишься. Ухъ какое истязаніе!

Миша *(отчаянно)*. Ну, да пусть цѣлый свѣтъ видитъ, какъ наказываютъ лѣнтяемъ и упрямымъ. Войдите! *(Кланяется Машѣ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Машинька *(присѣвъ слегка)*. Мы пришли васъ выручать, Мишинька. На кого надобно больше нападать? Кто васъ посадилъ сюда!

Миша. Самъ, самъ кругомъ я виноватъ, и самъ долженъ за все отвѣчать и просить....

Машинька. Такъ наши услуги вы отвергаете?

Миша. Не то что отвергаю; а право, мнѣ ужасно совѣстно, что за меня все другіе дѣлаютъ и отвѣчаютъ. Сейчасъ я напишу письмо мамашѣ и буду просить только прощенія, а объ освобожденіи — не намекну.

Миша. Это цане дѣло. Что ты тамъ дѣлаешь, Ваня? Пойдемъ просить Ольгу Александровну, чтобы выпустила Мишиньку.

Ваня *(во время ихъ разговора, раскрылъ хлѣбъ и воду, и положивъ ихъ на тарелку, несетъ опять на столъ вмѣстѣ съ книгами)*. Да вотъ разсматриваю рукодѣлье и кушанье Мишино. Тутъ хлѣбъ да вода; здѣсь Нѣмецкая грамматика; по неволѣ задумаешься, за что взяться въ скукѣ тюремной.

Миша *(покраснѣвъ)*. Настоящій ты зубоскалъ, Ваня. *(Дергаетъ его за рукавъ.)* Что тебѣ прибыли стыдить меня передъ сестрой твоей?

Машинька. Вотъ и Сонюшка бѣжитъ съ бумагой и чернилами *(Беретъ у Сони чернила и перо и ставитъ чернилицу на столъ, между тѣмъ какъ та кладетъ бумагу.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Сонюшка. Скорѣй пиши, Миша. Карлъ Ивановичъ сейчасъ пришелъ къ мамашѣ.

Миша. Въ одну минуту. Перо хорошо? *(Садится.)*

Сонюшка. Кажется. Попробуй.

Миша. Прекрасное. *(Пишетъ.)*

Машинька. *(ходитъ подъ руку съ Сонюшкой по комнатѣ и безпрестанно гонявшъ Ваню, который шутитъ съ Сонюшкой и мѣшаетъ имъ разговаривать)*. Ужъ какъ я боялась за нашъ праздникъ, сердце замирало, какъ папинька разсердился на брата.

Ваня *(Сонь, ходя за ней съ тарелкой, хлѣбомъ и водой)*. Хоть бы бѣлинскаго хлѣбца кусочикъ подали родимому братцу. Гдѣ у васъ жалость—то?

Машинька. Что ты все другихъ учить хочешь? Самъ—то поменьше вздору болтай.

Сонюшка. Я не могла даже видѣть Миши до обѣдни; а потомъ сдѣлала, что могла. *(Машинькѣ)* Да изъ чего у васъ вышло?

Машинька. Длинная исторія. Расскажу послѣ.

Ваня *(поставивъ тарелку на столъ)*. Не длиннѣй однако носа моей маски. Просто вы меня по носу узнаете, Сонюшка. А вашъ костюмъ?

Сонюшка. Тайна.

Ваня. Скажите.

Сонюшка. Секретъ узнавайте.

Ваня. Сильфида?

Сонюшка. Нѣтъ.

Ваня. Грація?

Сонюшка. Нѣтъ.

Ваня. Ну, пастушка?

Сонюшка. Нѣтъ, не угадаете (*Машинька*) Мерси. У тебя лифъ какой будетъ? Какъ это должно быть мило!

Ваня (*Сонюшкѣ*). Да что же вы будете такое?

Машинька. На что тебѣ? Ну Баба-Яга. (*Сонюшка смѣется.*)

Ваня. Это, матушка, твой костюмъ, и уступать не совѣтую. Какъ къ лицу, особенно теперь.

Миша (*вставъ со стула*). Ваня, поди-ка сюда, послушай, что я написалъ.

Ваня. Если я васъ не узнаю, Сонюшка, такъ вы, ради вашего маленькаго носика, мой-то большой носъ не забудьте, и пойдѣте въ первой парѣ.

Машинька. Да остань ты съ своимъ носомъ. Кто съ такимъ страшнымъ лицомъ поидеть? (*Сонюшкѣ*). Если у тебя недостанетъ газу, то у меня его будетъ вѣроятно большой остатокъ, и ты можешь имъ располагать.

Голубой, а крылышки изъ павлиньихъ перьевъ.

Сонюшка. Узнавайте, пойду.

Ваня. Да меня-то проще узнать.

Машинька. Ну, ну. Ужъ знаемъ теперь же. Ступай туда, гдѣ ты нуженъ....

Ваня (*Сонюшкѣ.*) Она и за васъ отвѣчаетъ? хорошо. (*Подходитъ къ Мишѣ.*) Ну, что? Читай-ка.

Миша (*читаетъ.*) «Добрая, безцѣнная машинька! Я такъ глубоко чувствую свои вины, что не смѣю думать о свободѣ и удовольствіяхъ, которыя даются за хорошіе успѣхи и скромность. Объ одномъ прошу васъ, простите меня въ душѣ и будьте увѣрены въ томъ, что я твердо рѣшился исправиться. Попросите за меня о томъ же добраго Карла Ивановича: я не смѣю прямо къ нему адресовать моего извиненія. Цѣлую съ благодарностію и любовію вашу наказующую руку, сынъ вашъ, М.»

Ваня. Очень не дурно. Кто же его понесетъ?

Сонюшка. Хоть я пожалуй.

Миша. Нѣтъ, пусть идетъ письмо мое безъ защиты, безъ подозрѣнія въ его искренности. Егорка, отнеси сейчасъ это къ мамашѣ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Егорка. Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

Машинька. Я почти ручаюсь за успѣхъ: такъ убѣдительно и чистосердечно написано.

Сонюшка. Пойду и буду наблюдать.

Ваня. А мы съ Машей, просто какъ пѣв-ки, воцѣмся въ Карла Ивановича, если онъ вздумасть ломаться.

Миша. Пожалуста останьтесь всѣ здѣсь. Мнѣ стыдно выѣзжать чужими просьбами.

Ваня. Маша и Сонюшка могутъ остаться, а мнѣ смерть хочется потолковать съ вашимъ Карломъ Ивановичемъ о милосердіи.

Сонюшка (*нетерпѣливо*). Нѣтъ, и я не могу вытерпѣть, чтобы не посмотрѣть, какъ примутъ письмо. (*Убѣгаетъ слѣдомъ за Николкой.*)

Ваня. Меня погодите. (*Догоняя Сонюшку*) Что же вы такъ и не скажите, въ чемъ будете? (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Миша. Останьтесь хоть вы здѣсь, Машинька.

Машинька. Съ удовольствіемъ.

Миша. Ахъ, какъ у меня сердце бьется! Какъ стыдно и страшно. Ну, какъ оставить безъ вниманія!

В м ѣ с т ѣ.

Машинька. Не можетъ быть. Я такъ увѣрена въ вашемъ освобожденіи, что прошу васъ сказать мнѣ вашъ костюмъ.

Миша. Мой костюмъ не имѣетъ названія, а маска преуморительная. Гораздо любопытнѣе мнѣ знать вашъ костюмъ.

Машинька. Мой вы должны узнать.

Миша (*заглядывая въ дверь*). Долго какъ! (*Ей*) О, я васъ изъ тысячи узнаю.

Машинька. Очень просто: примѣты есть.

Миша (*подхватывая*). И одна изъ такихъ примѣтъ—голубой цвѣтъ, вашъ и мой любимый цвѣтъ; другая примѣта — походка, третья.... Да ужъ узнаю (*Посматриваетъ въ полузатворенную дверь.*)

Машинька. Догадайтесь, для чего хочу я знать вашъ костюмъ.

Миша. У меня теперь голова идетъ кругомъ; гдѣ мнѣ догадаться!

Машинька. Чтобы не дать Ванѣ стать въ первой парѣ; а пойдемте мы съ вами.

Миша (*съ возрастающимъ беспокойствомъ поглядываетъ въ двери*). Только бы выпустили, а тамъ пойдемте, хоть по головамъ.

Машинька. Да полноте отчаяваться. Слышите голосъ Вани? Это онъ Карла Ивановича, должно быть, такъ сильно убѣждаетъ.

Миша. Вы не слышите словъ, что они говорятъ? *(Подходитъ къ двери и прислушивается.)*

Ваня *(за кулисами)*. Ура, ура! Тарарара!... Свобода! Прощенье! Теперь ни одно облачко не затуманитъ нашего свѣтлаго праздника.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Ваня *(вбѣгаетъ въ сопровожденіи Сонюшки и тормошитъ входящаго Володю)*. Володька-рохля, кричи ура!

Володя *(отороплевъ)*. Ура! Да кому же это ура? Что это могло такъ взбунтовать тебя?

Ваня *(подпрыгиваетъ и цѣлуетъ Мишу)*. Поздравляю тебя и себя вмѣстѣ. *(Володь)* Кричи только; а ужъ мы знаемъ, зачѣмъ и отъ чего.

Сонюшка. Миша, маменька, по просьбѣ Карла Ивановича, прощаетъ тебя, въ надеждѣ, что ты успѣхами оправдаешь искренность твоего раскаянія.

Миша *(сквозь слезы, растроганный)*. Что за маменька! Это ангелъ, а не маменька. Я же ее

утѣшу. Добрякъ—Карлъ Ивановичъ. Какъ я буду его слушаться!

Ваня. Что же, Сонюшка, не скажете?...

Сонюшка. Узнавайте, узнавайте.

Миша *(утеревъ слезы)*. Пойдемте, друзья, изъ этой несносной комнаты. Я только сбѣгаю разцѣловать мамашу, и мигомъ ворочусь къ вамъ *(Убѣгаетъ.)*

Володя. Онъ былъ наказанъ?

Ваня. Что было, то прошло. Ну, а голова-то ослиная, у тебя готова: это теперь нужно.

Володя *(съ досадой)*. Что она далась тебѣ? Давно бы себѣ сдѣлалъ. *(Уходитъ слѣдомъ за Машей. Ваня дѣлаетъ надъ нимъ сзади видъ ушей руками.)*

(Сонюшка съ Машинькой въ продолженіе послѣдняго разговора толкуютъ съ живою о костюмахъ, показывая на свои платья.)

Сонюшка. Нѣтъ, не будетъ длинно, увидимъ.

Машинька. Смотри, примѣръ напередъ. Я тороплюсь домой; тамъ у меня нашиваютъ.... *(Уходятъ вслѣдъ за Володей и Ваней, продолжая разговоръ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Егорка (*собираетъ книги, хлѣбъ и прочее*).
 Давно бы такъ. На мѣсто того, чтобы drankи-
 то строгать, уроки-то бы свои твердили, да и
 старшихъ-то почитали. Только чуетъ мое серд-
 це, что опять что-нибудь напроказять. (*Опом-
 нясь, торопится*). Ахъ, батюшки! Еще въ саду
 дорожки надо мести. Архипушка нашъ, поди,
 тамъ ужъ ругается. (*Схвативъ все въ охапку,
 убѣгаетъ.*)

(*Звонокъ. Декораціи быстро мѣняются:
 вмѣсто розовой комнаты является внут-
 ренность мраморной бесѣдки, сквозь двери
 и окна которой видна яркая зелень сада и
 лазурь яснаго неба.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Архипка (*мететъ полъ*):

Какъ подъ липой, подъ липой
 Подъ кудрявой-зеленой,
 Сидѣлъ молодецъ такой (2),
 Держалъ гусли подъолой.
 Вы сыграйте, гусли, мысли;
 Я вамъ пѣсенку спою
 Про женитьбу про свою.

Нѣтъ, вотъ мнѣ такъ видно не пѣвать про свою-то женитьбу. Вотъ ужъ, кажись бы, парень на возрастъ: никакъ 23-й пошелъ съ середи, и невѣста бы есть по плечу, такъ вотъ не даютъ жениться (*Мететъ.*) Глупъ, вишь ты, да лѣнивъ больно. Хмъ! (*Мететъ.*) Женюсь, такъ и работать-то будетъ веселѣй.... Глупъ! (*Задумывается, опершись на щетку.*) И глупъ ничего! Баринъ что ли я какой, что мнѣ умато цѣлый коробъ надо? (*Кивая головою.*) Умень больно будешь, работы будетъ много: «и туда поди, и тамъ присмотри, и это сдѣлай.» Ни поѣсть хорошенько, ни выспаться не дадутъ. (*Мететъ*) И дуракомъ, правда, лѣнивый не замыкаетъ, и колотятъ часто; да.... (*Ищетъ выраженія*) да на душѣ-то какъ-то легче.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Егорка (*сквозь окно*). Архипка дуракъ! Что ты это тянешься? Убирай скорѣй бесѣдку-то. Не выспался!

Архипка (*не перемѣняя положенія небрежно и съ презрѣніемъ*). Что?

Егорка. Плетью тебя дурака надо видно поднять. Убирай скорѣй бесѣдку, господа идутъ.

Архипка (*въ той же позѣ, выпявъ сигарку*). Много ты этакихъ сосулекъ натаскалъ у Карла Иваныча? А!

Егорка. Ахъ, ты ворипка! Какъ ты смѣлъ у меня въ ящикъ лазить.

Архипка (*вскакиваетъ и бросается съ метлой на Егорку*). Ворипка! Вотъ я тебѣ покажу, кто ворипка. (*Егорка убѣгаетъ*.) Не уйдешь же, я доберусь до тебя.... Чу, идетъ! (*Торопится доместъ полъ и устанавливаетъ мебель*.) Вотъ оно лакейское-то житье! Всякій щенокъ на тебя лаетъ.

(*Вдали слышна музыка, звуки прекраснаго марша сливаются съ голосами дѣтскаго хора. Сквозь отверстія бесѣдки видно шествіе дѣтской группы. Дѣти входятъ въ бесѣдку въ сопровожденіи Карла Иваныча, который маршируетъ подъ звуки музыки позади всѣхъ, въ башмакахъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Хоръ: Друзья, друзья, какое счастье!
Послѣ трудовъ, послѣ опалъ,
Какъ ясный день послѣ ненастья,
Нашъ дѣтскій праздникъ просіялъ.

Теперь намъ ясно безъ сомнѣнья,
 Что, кромѣ шалостей, найдемъ
 Мы лучше, выше наслажденья
 И радость мирную съ трудомъ.

Кто не трудится, тотъ не знаетъ
 Восторга прелести живой:
 Намъ это чувство посылаетъ
 Успѣхомъ купленный покой.

Хвала тому, кто правотою
 И чувствомъ сердце въ насъ питаетъ,
 И силой истины святой
 Нашъ дѣтскій разумъ развиваетъ!

Гимнъ: Родители милые, добрые, нѣжные,
 Вы радость, вы счастье любимыхъ дѣтей!
 Да будутъ утѣхой вамъ дѣти прилежныя
 И твердой опорой на вечеръ дней.

*
 * *

Наставники добрые, слава и вамъ!
 Вы силы незрѣлыя дѣтской души,
 Для счастья питомцевъ, на радость отцамъ,
 Любя, развивали въ семейной тиши.

*
 * *

Отчизна любезная, къ славѣ Царей,
 Ко благу и чести и пользѣ твоей,
 Изъ насъ добрыхъ гражданъ и вѣрныхъ
 сыновъ

Наука готовить на смѣну отцовъ!

Хоръ: Ура, друзья! Какое счастье! и проч.

(Маршъ, по окончаніи хора, быстро смѣняется галопомъ, потомъ вальсомъ. Карлъ Ивановичъ, не ожидавшій такого внезапнаго перехода, съ видомъ величайшаго изумленія и съ поднятой ногой, останавливается, какъ окаменѣлый, среди дѣтей, во-кругъ него танцующихъ. Архимка жадно слѣдитъ за движеніями дѣтей, стоя въ углу, подтопывая слегка ногой. Занавѣсъ опускается.)

К О Н Е Ц Ъ.

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

